

НАСЫР ФАЗЫЛОВ

З Н О Й

Повести и рассказы

Перевод с узбекского

ТАШКЕНТ
Издательство литературы и искусства имени ~~Усман~~ Уляма
1989

Уз2
Ф 16

Фазылов, Насыр.

Зной: Повести и рассказы: Пер. с узб. — Т.:
Изд-во лит. и искусства, 1989. — 400 с.

Повести и рассказы Насыра Фазылова, составившие книгу «Зной», дополняя друг друга, создают в определенной мере ретроспективную картину жизни узбекского народа, отражающую такие важные вехи, как становление Советской власти в Узбекистане, период коллективизации, трудный и героический период Великой Отечественной войны, а также сегодняшний день.

Уз2

Ф $\frac{4702620201-42}{M352(04)-89}$ 69—89

ISBN 5—635—00389—3

© Перевод произведений, отмеченных
в содержании*.

Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма, 1989 г.

НАСЫР ФАЗЫЛОВ

МИНОВАЛ ДЕНЬ, ДА НЕ СГИНУЛ

Перевод М. Мирзамухамедова

В жизни порой бывает так — настигнет тебя какая-то беда, но лишь много позже начинаешь чувствовать боль, причиненную ею...

Сафарали гостил в Фергане у своего друга-однополчанина Расулджана.

На неприятные события, о которых узнал здесь, вначале он отреагировал не то чтобы неглубоко и несильно, а как-то заторможенно, что ли. Но через день, когда его проводили на поезд и он занял свое место в купе и когда поезд, наконец, тронулся, память стала прокручивать, как киноленту, все то, что он старался забыть. На душе было скверно. Ему казалось, что он, Сафарали, переживший столько бед, горя и страданий, никогда еще не был в таком тупике.

Что же, собственно, случилось? Покачиваясь в жарком, душном вагоне, он начал вспоминать по порядку все, что произошло...

В тот день Сафарали вернулся с работы в полночь, вконец разбитый усталостью. Мухаббат, как всегда, встретила мужа с ласковой предупредительностью: помогла умыться, переодеться и лишь после этого, взяв из ниши письмо, протянула его Сафарали.

— Еще днем почтальон принес, — сказала она с застывшим в глазах вопросом. Сафарали, посмотрев на конверт, удивленно пожал плечами — обратный адрес ни о чем ему не говорил.

Мухаббат пошла греть ужин, а Сафарали вновь принялся рассматривать конверт, точнее, изучать обратный адрес, написанный мелким красивым почерком. Город Винница, отправитель — некто Заремба. Сафарали озабоченно почесал затылок — никогда он не был знаком с человеком по фамилии Заремба. Кто же это мог быть?! Может быть, отыскал его кто-то из фронтовых товарищей, повстречавшихся на дорогах войны? Перебрал всех в памяти, но так и не вспомнил Зарембу.

Вскрыл конверт. В нем оказалась фотография — с нее смотрели, улыбаясь, женщина и девочка лет тринадцати-четырнадцати. Интересно! Кто же это?! Сафарали, сколь старательно ни рассматривал лица, не узнавал их. Да не перепутал ли почтальон адрес? Он в который раз внимательно глянул на конверт. Нет, все правильно! Его фамилия, его имя написаны точно, указаны его улица и дом. Так кто же все-таки они, эти незнакомки? Лицо девочки было открытым и милым, и чем больше всматривался Сафарали в симпатичную детскую мордашку, тем больше эта девочка ему кого-то напоминала. Кого? Сафарали посмотрел на обратную сторону фотографии: «Олеся и Галина Заремба».

Олеся и Галина... Галина... Постой, постой... У него вдруг по спине побежали мурашки. «Галина, — прошептал он, всматриваясь в лицо немолодой женщины. — О боже! Возможно ли, чтобы человек мог так измениться?!»

Когда Сафарали встретился с Галиной на фронте, ей было не то семнадцать, не то восемнадцать. Сейчас ей, наверное, должно быть тридцать три — тридцать четыре года. Женщина на фотографии, однако, выглядит старше, ей дашь не меньше сорока: седая прядь, на лице заметны морщины.

— Что с тобой сделали годы, Галина? С моей спа-

сительницей, отважной Галиной! — вырвалось у Сафарали неожиданно громко.

Перед его глазами, как наяву, возникла темная, сырая землянка. Держа в руках фонарь, осторожно переступая через раненых, по землянке ходил какой-то старик и негромко хриплым голосом повторял одну и ту же фразу:

— Тихо, ребятки, тихо... Галя увезет вас в лес...

За стариком следовала девушка в черном платье. При свете фонаря она снимала повязки у некоторых солдат и бинтовала заново их раны полосками разорванной чистой простыни. Человек шесть оказались раненными тяжело, они не переставая стонали. Среди них был и Сафарали, очнувшийся здесь, в землянке.

Старик отдал фонарь девушке, вышел. Но вскоре вернулся, и не один — с ним были двое долговязых мальчишек лет по пятнадцать.

— Две подводы подогнали... думаю, хватит, — кивнул старик в сторону мальчишек, стряхивая капли дождя с шапки. — Пора... Надо торопиться! Стемнело.

Старик с помощью девушки и мальчишек принялся выносить на подводы тяжелораненых, затем вывел и ходячих. Перед тем как отправиться в путь, дед негромко наставлял:

— Галинка, нигде до самого леса не останавливайтесь. А вы, ребятки, слушайте ее. Теперь она — ваш командир. Ну, в добрый час!

— Отец, а наши далеко? — спросил Сафарали.

— Отступили... — нехотя ответил из темноты старик. — Кругом фашисты...

Мелко моросил осенний дождь. Старик и Галя заботливо накрыли солдат брезентом.

Подводы покатали в сторону леса...

Когда въехали в лес, навстречу им вышли трое вооруженных мужчин. Они обошли вместе с Галей подводы. Со второй сняли умершего в дороге солдата. Тут же, под сосной, его похоронили, молча двинулись в глубь леса.

Так для Сафарали и Галины началась партизанская жизнь, началась любовь.

Галина, собственно, вытащила его с того света, выходя, проведя не одну бессонную ночь у его постели. Вопреки прогнозу врача, оказавшегося в лагере партизан, она вырвала его из лап смерти.

Сафарали так привык к ласковой заботе, участию,

помощи Галины, что и минуты не мог обойтись без нее. Но и Галина привыкла к своему подопечному. И когда Сафарали поправился, они стали неразлучны.

Во всех боевых операциях были вместе, а если выпадали свободные минуты, строили планы будущей совместной жизни. В то время Сафарали не мог представить себя без Галины. Уединившись в укромном месте тихого леса, лежа на спине, они подолгу смотрели в бездонное, такое мирное синее небо... И говорили, говорили...

В сорок четвертом году наши войска, начав победоносное наступление, освободили от фашистской оккупации Белоруссию и Украину, из партизанских соединений начался отбор парней в действующую армию, Сафарали взяли тоже. Вместе с наступающими войсками их часть двинулась на запад.

С Галиной он расстался в Виннице.

В одном из сражений, при освобождении Польши, Сафарали получил второе тяжелое ранение, пришел в сознание в госпитале в городе Познань.

Как только дело пошло на поправку и ему разрешили вставать и писать, он послал весточку Галине.

Однако письмо возвратилось обратно с пометкой «адресат не значится». С тех пор прошло пятнадцать лет. И вдруг это письмо, фотография...

Сафарали дрожащими руками развернул вчетверо сложенный листок — он и сам не мог понять, почему не прочел его сразу. «Здравствуй, папа». Он оторвал взгляд от строчек и обратил его на фотографию. На этот раз ему показалось, что женщина улыбается грустно, а может быть, даже с легким укором, и почудилось, что укор этот адресован ему, укор за все невзгоды, за несбывшиеся надежды. Но он ведь и сам... Нет, нет, это злой случай, война проклятая виновата!..

Почему-то захотелось посмотреть на подпись внизу письма, там стояло лишь одно имя — Олеся.

Олеся писала, что родилась она весной сорок пятого года, перед самой победой. Когда подросла, узнала — Микола Заремба ее отчим, отец трех ее младших братьев. «Мама сказала, что родной мой отец погиб на войне. А еще позже объяснила — не погиб он, а пропал без вести. Но вот в прошлом году я услышала по радио рассказ о том, как фронтовик нашел после войны детей, и подумала — а может, и дети смогут разыскать своих отцов, пропавших без вести. Написала министру

обороны и в Военный комиссариат Узбекской ССР. И вот, наконец, — какое счастье! — получила радостную весть из Ташкента. Вас — отца своего — нашла! Не знаю, признаете ли вы меня своей дочерью? У моих братьев есть и мать и отец. А у меня... По словам мамы, я очень похожа на вас. Узнаете ли вы нас на этой фотографии?!»

Сафарали впился глазами в лицо девочки — в самом деле, поразительно на него похожа. Как это сразу не бросилось ему в глаза?!

...Послышались шаги Мухаббат. Сафарали торопливо сунул письмо за пазуху. И устыдился этого жеста. Но что делать — не показывать же письмо Мухаббат. А может, наоборот, лучше сказать обо всем сразу и начистоту, в конце концов, чего в жизни не случается...

Но как, с чего начать разговор? Он силился придумать что-нибудь путное, но в голову не приходило ни одной спасительной мысли. Он так волновался, что не почувствовал не только вкуса маставы, которую разогрела и поставила перед ним Мухаббат, но и не заметил, как вообще поел. Жена заметила, что Сафарали не в себе — молчалив, хмур, — но отнесла это за счет усталости — подумать только, возвращается с работы в столь поздний час.

Мухаббат постелила постель и скоро заснула, а Сафарали, беспокойно ворочаясь, мучился тяжкими думами: «Сказать-то, конечно, нужно — рано или поздно сделать это теперь уже все равно придется. Но как Мухаббат воспримет это известие? Какой будет ее реакция — не повредит ли ей волнение, ведь она в положении... Что же делать?» Повернувшись к жене, он хотел было уже разбудить ее, но рука коснулась ее живота, и он замер в нерешительности. «А если разволнуется, разнервничается, начнет упрекать, да еще, упаси боже, доведет себя до истерики! Что тогда?!»

Холодный пот выступил у него на лбу — вот так история. Вот так задача, и ее надо ведь как-то решать. Попробуй-ка скрой, потом сам же изведешься — совесть-то, она разве позволит жить спокойно!

— Мухаббат, — решил он наконец разбудить жену.

Та проснулась, дотронулась до него рукой — дескать, что случилось?

Сафарали, запинаясь и стараясь не выдать своего состояния, сказал:

— Мухаббат, вы не спросили... от кого письмо?

— От кого же? — тихо спросила она.

Но ответить Сафарали не успел, в этот момент раздался сильный стук в дверь. Мухаббат испуганно прижалась к мужу, он мягко, но решительно отстранил ее, накинул халат и открыл дверь. Сафарали не сразу признал в здоровенном парне, стоявшем на площадке лестницы, Йигитали, племянника лучшего своего друга.

Наконец, присмотревшись, он воскликнул удивленно:

— Да никак это ты, Йигитали!

Парень закивал утвердительно, при этом странно, как-то жалко улыбаясь. Сафарали, заметно взволнованный, не без тревоги, прижал его к груди.

— Откуда ты?... В полночь...

— Из дома...

— Из Ферганы? О господи, но почему ночью?!

Йигитали понуро опустил голову.

В коридор вышла Мухаббат. Растерянно, но тем не менее как можно более приветливо, Сафарали проговорил:

— Йигитали приехал, Мухаббат! Встречай родственника.

— Ассалам алейкум, янга¹, — смущенно поздоровался с ней Йигитали. — Я, кажется, не вовремя побеспокоил вас...

— Э, да какое там беспокойство, жиян². Просим, проходите в гостиную.

Мухаббат усадила неожиданного гостя за стол и пошла готовить чай.

— Ты сразу к нам или по делам приезжал? — нарушая правила гостеприимства, спросил Сафарали, ему не терпелось выяснить причину внезапного приезда парня.

— Да, прямо к вам.

— Что-нибудь случилось? Говори!

Йигитали совсем поник, казалось, он не смеет поднять глаза на хозяина. Сафарали вопросительно уставился на него, но молчал, решил, что дело, видно, серьезное, если никак не может собраться Йигитали с духом.

¹ Жена старшего брата.

² Племянник.

Но то, что он услышал, было не просто серьезным, было невероятным.

— Я убил... Назара-ака...

— Что ты сказал?! — Сафарали подумал было, что племянник не совсем трезв и заговаривается малость.

Но тот обреченно повторил:

— Убил... Назара-ака...

— Но как... как! — Сафарали подскочил к парню, стал трясти его за плечи. — Да говори же!

Йигитали набрал в легкие побольше воздуха и стал говорить — речь его то возвышалась до крика, то почти затухала.

Сафарали со своим другом, однополчанином Расулом, стали кровными братьями на поле брани. После войны они часто, не один раз в году, общаются. Последний раз Сафарали побывал у Расула прошлой осенью, когда женили Йигитали. О, какая была свадьба! Заправляя на ней сам председатель колхоза — Назар-ака. На свадьбе пели и танцевали самые знаменитые артисты Ферганской долины. Сафарали до сих пор вспоминает с восторгом, как отплясывал с молоденькой очаровательной артисткой... И вот человек, проявивший отеческую заботу о Йигитали в те прекрасные дни, подумать только, убит! Но за что? В чем его вина и какова должна быть мера этой вины!

Йигитали, горестно раскачиваясь из стороны в сторону, рассказывал. Отправил его раис в город на курсы механизаторов, а его молодую жену Айнису, несмотря на то, что была она в положении, велел привлечь к земляным работам при очистке канала. В результате у Айнисы случился выкидыш. Первый ребенок, его ждали, о нем мечтали, все разговоры в семье были только о будущем наследнике! И вот такая нелепость, а вернее, жестокость раиса. Возвратившись из города и узнав о случившемся и о виновнике несчастья, Йигитали, обезумевший от горя и ярости, бросился в контуру правления. Ворвавшись в кабинет председателя, он, ни слова не говоря, схватил со стола мраморную пепельницу и запустил ее в голову не успевшего ничего понять раиса.

— Ах, как скверно, ах, как нехорошо получилось, племянник! — выслушав Йигитали, воскликнул Сафарали. — Но почему ты решил, что убил Назара-ака?

— Раис упал замертво на ковер и не шевелился, даже не стонал. Я понял, что он...

И Йигитали стал еще безнадежнее раскачиваться.

— Но почему ты никого не позвал на помощь?! Почему не сказал ни слова дяде!

— Мне стало так страшно, что я убил человека... Захотелось убежать, подальше, подальше от этого ужаса. Хорошо, деньги были при мне, я кинулся к вам.

— Ну, парень, сотворил ты себе беду!

Сафарали так был поражен рассказом, что собственные его волнения, минуту назад казавшиеся неразрешимыми, отступили на задний план.

Мужчины замолчали, а Мухаббат, видя их подавленное настроение, не решалась на расспросы. Догадывалась лишь — что-то произошло.

Приближалось утро, когда Сафарали, видимо, придя к какому-то решению, резко встал и начал быстро одеваться.

— Вставай, пойдем! — сказал он Йигитали.

Йигитали непонимающе и затравленно смотрел на его сборы.

— Ну, что рот разинул! — грубовато поторопил он парня. — Надо идти, на месте будем решать, как быть. Мухаббат, позови дочь тетушки Сажиды. Пусть она побудет с тобой.

Мухаббат промолчала. Йигитали покорно поднялся и, не произнеся ни слова, поспешил за ним...

2

Когда они ступили на территорию колхоза «Бустан», солнце только-только показалось из-за горизонта. Перешли по узкому деревянному мостику неглубокий, но шумливый Ширинсай, и впереди раскинулся кишлак.

И тут Йигитали словно прорвало — то ли страх оказаться на месте преступления заставлял его говорить, то ли он пытался сам себе объяснить случившееся.

— До каких пор за хлопком мы не будем видеть человека, дядя?! — Он называл Сафарали дядей, потому что тот был названным братом его родному дяде Расулджану. — До каких пор будем мириться с рансами-самодурами!

Сафарали слушал обвинительную речь парня и молчал, не спрашивал, подробностями не интересовался. Мысленно он соглашался с Йигитали, но знал — сс-

ли намекнуть, что в словах его есть зерно истины, тут уж племянника не остановишь.

Что же касается председателя «Бустона», так его знают во всей округе. И не с лучшей стороны. Слышал Сафарали о нем как о человеке жестком, когда речь шла о плане, тут уж для Назара-ака родного отца не существовало. Сафарали имел возможность познакомиться с младшей сестрой председателя, не раз приходившей к соседке Сажиде, и беседовать с ней за дастарханом. Однажды, рассказывала она, случилось так, что чья-то корова забрела на хлопковое поле. Назар-ака велел ее немедленно зарезать. Хозяйка коровы — вдова, муж которой погиб на фронте, умоляла пожалеть семью, оставить коровушку — кормилицу ее детей, не внял ее мольбам раис.

...Уже в кишлаке Сафарали хмуро бросил Йигитали: — Ты топай домой... А я — в контору.

Йигитали послушно свернул в проулок. Сафарали направился в сторону колхозного правления.

...Смахнув пыль с сапог щеткой, висевшей на крыльце, он вошел в контору. Здесь было безлюдно, только в приемной молоденькая девушка стучала на машинке. Сафарали спросил у нее о председателе. Девушка сказала, что он в поле. Услышанное настолько ошеломило Сафарали, что он едва не рухнул — вдруг в ногах пропала сила. Глянул на девушку — она, как ни в чем не бывало, продолжала печатать и не видела его состояния.

«Хорошо, что жив», — вздохнул облегченно Сафарали.

— А скоро будет?

— Кто?

— Как кто?! Председатель, конечно.

— Подождите, наверное, раис-ака уже едет, — секретарша бросила взгляд на часы. Сафарали вышел на улицу.

В конце улицы показалась машина, она быстро приближалась к конторе. «Едет!» — подумал Сафарали.

И действительно, к конторе подкатила «Волга» голубого цвета, остановилась, подняв клубы пыли. Распахнулась дверца, спустя мгновение Сафарали увидел худощавую фигуру председателя, который, сосредоточенно глядя себе под ноги, прошагал в контору.

Сафарали, выждав минуту-другую, устремился сле-

дом. Председатель сидел, опустив голову. Возле него — чайник, пиала. На столе письменный прибор и... мраморная пепельница, размером с ладонь. «Тяжеленная, видно. Да, такой и убить можно. Чудо спасло тебя, председатель!» — подумал Сафарали, пытаясь обнаружить на голове раиса следы ранения. Да нет, вроде бы явных повреждений нет, только вот глаз почему-то заплыл — может, ударился, когда падал.

Раис тем временем рассматривал посетителя, а когда заговорил — голос его оказался мягким и доброжелательным.

— Проходите, садитесь.

Сафарали не спеша прошел к столу, сел напротив Назара-ака и начал говорить так, словно ни о чем не знает, ничего не ведает.

— Вчера, оказывается, этот сорванец... Йигитали... возвратился с учебы...

— Скажите, пожалуйста?! — иронически произнес председатель. — А с вами мы, кажется, уже встречались? Вы ведь из Алмазара?

— Так точно... Сажида, наша приятельница, — соседка вашей младшей сестры...

Председатель при этих словах даже бровью не повел. После некоторого молчания он неожиданно резко заявил:

— Племянник вам «этот сорванец» или чужой, не знаю. Но он — неблагодарный! Я проявил о нем отеческую заботу, я помог ему...

Сафарали, сдерживая себя, чтобы не сорваться на крик, перебил раиса:

— Человек, проявляющий отеческую заботу, должен быть последовательным в своих поступках...

— Мое молчание — разве не подтверждение тому?! — процедил сквозь зубы председатель. — А мог бы...

«Хитер, сволочь! — подумал Сафарали. — Если бы не чувствовал своей вины, знал бы, что делать!»

— Уж не из отеческого ли участия вы погубили еще не родившееся дитя!

— Да этот парень сам еще чистый ребенок, зачем ему дитя? — криво усмехнулся председатель.

Сафарали чуть не задохнулся от гнева, услышав подобное:

— Да, конечно, вам не дети, вам план нужен... Любой ценой!

— Послушайте, братец! У меня и так много совет-

чиков, от одного Расула спасенья нет, а тут еще вы... Правильно, мне план нужен! Государство того требует. И требует-то с меня...

Сафарали прервал его:

— Однако государство не говорит: посылай беременных женщин на тяжелые работы или держи школьников на уборке хлопка вплоть до белых мух. Вы думаете только о сегодняшнем дне, вам и в голову не приходит, что завтра понадобятся работники с крепким здоровьем, образованные, способные внести вклад в научно-технический прогресс, способные ускорить социально-экономическое развитие нашей страны...

Председатель вздрогнул, отвернулся. Потом резко поднялся и, заложив руки за спину, стал из угла в угол мерить кабинет.

— Я ли не стараюсь, чтобы поднять экономику колхоза, — сказал он, остановившись возле сидящего Сафарали. — Если понадобится, жизнь отдам за благополучие колхоза. Где вы были в годы войны, когда я тащил на своих плечах еле теплившееся хозяйство?

Сафарали вскочил с места как ужаленный, да и действительно, слова ранса были полны яда.

— Я был среди тех, кто защищал Родину, и вашу жизнь тоже. Сегодня вы бьете себя кулаком в грудь, кричите, что везли непосильный воз, и совершенно забываете, что хозяйство-то держалось не на ваших плечах, а на плечах женщин и подростков. Да еще старики. Если откровенно — то и сейчас в основном женщины трудятся в колхозе, да такие вот парни, как Йигитали. Уважать их надо, а то ведь и скинуть вас с должности могут!

Председатель насмешливо скривил губы.

— Поглядим, когда родится тот, который скинет. Государство, партия доверили мне эту работу, и я буду делать то, что от меня требуют...

— Вы — демагог! — выпалил Сафарали. — Свою беспомощность, неумение работать прикрываете партией. — Он, круто повернувшись, рванул ручку двери. Но уже на выходе обернулся: — Наш разговор не закончен. Мы еще посмотрим на вашу силу!

С шумом хлопнув дверь, он нервно сбежал по бетонным ступенькам крыльца.

Сгоряча Сафарали такого наговорил, что и сам своей смелости поразился. Он-то ехал сюда совсем не за тем; охваченный тревогой за судьбу Йигитали, за

жизнь председателя, он хотел лишь одного — найти с другом своим Расулом выход из создавшегося положения. Но, слава богу, ранс оказался жив! Какое счастье, что Йигитали не совершил преступления!

Но вот он сам лично столкнулся с Назаром-раисом и понял — этот тип прошлой закалки. Хитер, изворотлив, жесток — люди для него всего лишь рабочая сила. Своей демагогией председатель вывел из состояния равновесия даже его, уравновешенного по характеру Сафарали. Что же говорить о Йигитали! Нет, нет, боже упаси, он не оправдывает поступок парня, он лишь понимает, что поступок этот был спровоцирован.

Когда Сафарали, все еще взволнованный и исполненный гнева, поведал о своем «разговоре по душам» с председателем Расулу, тот решительно сказал:

— Ты поступил правильно, наши мысли совпали. Недавно я тоже с ним ругался, давно его осадить надо.

Сафарали, слушая Расула, вспомнил слова председателя о «советчиках» и улыбнулся.

Расул помолчал, неторопливо развязывая узелок на платке, который вытащил из кармана, потом опять завязал и положил платок в другой карман. Сафарали следил за ним все с той же понимающей улыбкой — уж не для ранса ли этот узелок?

— Не-е-ет, нам с этим председателем предстоит еще бороться и бороться... Школу закрыл сегодня, всех детей на чеканку хлопка в поле приказал вывести. И так бедняжки по два-три месяца оторваны от занятий! А потом учатся кое-как. Едут после школы в высшие учебные заведения, а там на первых же экзаменах с треском проваливаются. Вот и получается — у школьников из кишлака знания слабые! Не оставляют без упрека и несчастного сельского учителя — дескать, плохо владеет своим предметом. Да разве можно стерпеть такое!..

По тому, как взволнованно, горячо говорил Расул, Сафарали понял, что он не раз «дрался» с председателем и будет еще «драться»! «В сравнении с его заботами мои выглядят ничтожными. И стоит ли мне говорить другу о них?!» — подумал Сафарали огорченно.

...До полуночи вели беседу, а потом, незаметно для себя, ударились в воспоминания о товарищах по оружию — Бутавае, Байзаке и, забыв на время о бедах и огорчениях сегодняшнего дня, шутили, смеялись, припоминая веселые истории, которые случались даже там, на суровых фронтах войны. Ну, например, Байзак, ког-

да враг наседали, когда был особенно жаркий бой, стреляя из ручного пулемета, орал по-русски на весь окоп: «Шорт возьми!» И как ни трудно было солдатам, на душе становилось как-то легче от задорного возгласа казахского парня. Была у Расула любимая песня «Чаман ичра»¹, в часы отдыха он частенько ее напевал. Байзак пел ее, произнося слова на свой манер — «Шамен иш-ре», — чем вызывал взрыв хохота среди солдат узбеков...

Аэропорт находился далеко от «Бустона», поэтому на следующий день Сафарали отправился домой на поезде «Фергана—Ташкент». Поднявшись в тамбур, Сафарали приглашал Расула в который раз:

— Приезжай, друг, в Алмазар. Давно уже не был. Ну, а если окажется времени побольше, навестим Байзака. Будет Йигитали горячиться... попрिдержи его.

— Может, в каникулы, а так свободного времени — в обрез... За Йигитали не беспокойся! Нас много... — крикнул Расул под шум колес тронувшегося поезда.

3

Поезд, не останавливаясь на полустанках, стуча колесами на стыках, мчался в сторону Ташкента.

За последние сутки пришлось столько пережить, что Сафарали чувствовал смертельную усталость, у него было такое ощущение, что он только что вышел из тяжелого затяжного боя. Особенно его тяготила тайна, которую он так и не решился открыть другу. Он мог задержаться, поговорить по душам с Расулом, Йигитали и его матерью, тетушкой Каромат, но не остался. Расулу, своему боевому другу, не открылся он до конца, ничего не сказал о Гале, дочке Олесе. Не смог. Казалось, у него своих забот по горло, не ко времени было взваливать на его плечи еще и чужие. Мухаббат осталась одна. Хотя соседка, тетушка Сажиди, заходит проведать ее, но все равно тревожно на душе. Приближаются роды. Да и на работе ничего не знают. Правда, он собирался уйти с этой работы, устроиться в совхозе, в Алмазаре, где его дом. Парторг этого совхоза Нартаджи каждый день, как будто ему делать больше

¹ «В цветнике».

нечего, пристаёт с уговорами — переходи да переходи. Но ведь все надо делать по-человечески, по закону. А у него получается прогул вроде бы без уважительной причины.

На душе было тяжело, неуютно. Как назло, почти все пассажиры из его купе сошли с поезда в Коканде, не с кем было перемолвиться словом. Только вот старик на нижней полке, но он как сел в Фергане, заснул, так и до сего времени спит. Сафарали тоже было прилегло, ночь-то они чуть не всю проговорили с Расулом, но какое там — уснуть не мог. Тоска в сердце не давала покоя. Не до сна.

Он смотрел в окно, а думал о своем. Мимо проносились пышные зеленые кроны карагачей и поля, поля, поля... День уже на исходе — горизонт багрового цвета. Природа одинока — ни единой живой души. Какая-то грусть была разлита во всем, что видел Сафарали. А может быть, это происходило потому, что грусть была в нем самом? Время тянулось до того медленно, что казалось, ночь и не наступит никогда. Не зная, куда себя деть, Сафарали то выглядывал в коридор, то вновь усаживался к окну.

Незнакомый старик по-прежнему спал. «А еще говорят, стариков бессонница мучает, — с раздражением подумал Сафарали. — Это надо же, столько спать!» Он уже ругал себя ругательски, что решил возвращаться поездом, но, видимо, так угодно судьбе. А ведь сегодня для Сафарали не просто обычный день! Каждый год этот день он отмечал как день своего второго рождения. Ах, как все складывается неудачно, он привык этот день отмечать, а иначе совесть его замучает.

Сафарали посидел некоторое время, уставившись в одну точку, потом убрал, брезгливо морщась, со столика измятую засаленную бумагу, опустил на окне дерматиновую шторку. В купе стало темно, и он включил свет. Старика не смутили ни шум опускаемой шторки, ни свет — он сладко похрапывал. Что делать? Разбудить и пригласить в ресторан да выпить граммов по сто за тот памятный день? Эту дату грех не отметить. Но к старику душа не лежала.

Сафарали вышел в коридор, остановился в задумчивости у окна. В его понимании — нормальный человек один не пьет. Кого же пригласить? Как нарочно, в коридоре было пусто, не станешь же заглядывать в купе, отыскивая человека, которому небезразлична твоя па-

мятная дата. В соседнем купе собралась, видимо, веселая компания, временами там раздавались взрывы смеха. Напротив этого купе, у окна, стояла девушка. Она бросила на Сафарали мимолетный взгляд, и он поразился тому, какие огромные у нее глаза. Там, за окнами, давно опустились густые сумерки, но девушка продолжала упорно рассматривать что-то в неведомой дали.

Ему внезапно пришла в голову шальная мысль — пригласить девушку... Но нет, нет! Что она подумает? Может грубо оборвать — какой еще ресторан с неизвестным мужчиной. Мало оборвать, еще и крик поднимет!

Он незаметно рассматривал ее — высока ростом, худощава. Похоже, едет недалеко — не переоделась. А вдруг она не одна — с мужем или отцом? И все-таки Сафарали непроизвольно шагнул к ней. Девушка посмотрела в его сторону и вновь обратила взор в окно, но теперь во всей ее фигуре ощущалось напряжение, какая-то настороженность. Если бы она знала, с какими чистыми намерениями приближался к ней Сафарали! Ну почему всегда так — люди относятся с сомнением к поступкам незнакомого человека, будто он обязательно носитель порока и зла. А ему-то, Сафарали, сейчас только и нужно, что дружеское участие, нужно с кем-то поговорить доверительно и открыто. Да и девушке, может быть, пошел бы на пользу его рассказ о фронтовом братстве.

— Послушайте... — Сафарали и сам не заметил, как заговорил с ней... — Не составите ли мне компанию в ресторан?..

Девушка смерила его холодным взглядом и не посчитала даже нужным ответить.

Но Сафарали не отступал.

— Сегодня... день моего рождения.

Девушка молчала, отвернувшись к окну.

— Как назло, ни одного знакомого... да и попутчик в купе слишком уж стар...

Девушка не без любопытства посмотрела на него.

— Говорите... день рождения? — в ее голосе прозвучали нотки сочувствия.

— В этот день я... как бы родился заново.

Девушка, удивившись, сверкнула на него горячими черными глазами.

— Да, вот так... — вздохнул Сафарали. — Дата памятная, а одному ее отмечать... неловко как-то.

— В таком случае надо найти компаньона!

— Вот я и приглашаю вас.

Девушка не ответила, но решительность с ее лица исчезла.

Какое-то время они молчали, думая каждый о своем.

— Но ведь вы же все равно скучаете, — не выдержал, наконец, Сафарали.

Девушка пожалала плечами, не ответив, направилась к своему купе. Но стоило ей открыть дверь, как послышались пьяные голоса, в коридор повалил густой сигаретный дым. Девушка сморщила нос и, быстро закрыв дверь, какое-то мгновение смотрела сосредоточенно на Сафарали, затем решительно сказала:

— Хорошо, идемте...

В ресторане было малолюдно. Выбрав стол с чистой белой скатертью, сели возле окна, друг против друга.

Сейчас Сафарали мог рассмотреть девушку как следует — она была еще красивей, чем показалась с первого взгляда. Худоба ничуть не портила ее.

— Что будем пить?

— Пить будете вы, ваш день рождения...

Сафарали, подозвав официантку, сделал заказ на свой вкус.

— Я выпью немного водки, а вы капельку вина. Да, кстати, мы же не познакомились. Меня зовут Сафарали, а ваше имя?

— Хабиба.

— Ну вот и познакомились. Не обидел вас своей назойливостью?

— Да нет...

— Вы, наверное, думаете, что это за человек странный? Так или нет? Каждый год стало у меня традицией отмечать этот день.

— Расскажите же, каким образом вы «вновь» родились?

— Непременно расскажу, но сначала по маленькой... — Сафарали улыбался. Рассказать! Да он только этого сейчас и жаждет!

Пришла официантка с подносом, густо уставленным закусками — салаты из свежих огурцов, помидоров, отварная рыба.

— Неужто мы все это съедем?! — удивленно воскликнула Хабиба.

Сафарали, держа в руках крохотный графин, замер — надо же быть такому дивному голосу! Они подняли тост за «второе рождение» Сафарали. Потом выпили за знакомство. Вернее — пил только Сафарали, а Хабиба «поддерживала» его, всякий раз лишь пригубляя рюмку с вином. Глаза ее светились добротой и участием. Сафарали в лихорадочном возбуждении рассказал о том, как встретил на войне Галю, которая спасла его, выходила, вырвала из лап верной смерти.

— А теперь-то, теперь?

— Что теперь?

— Ну, сейчас Галя жива-здоровая? — Хабибу эта история растрогала, и она волновалась.

— Жива... — У Сафарали на глаза навернулись слезы.

— Любите ее?

— Да ведь я женат... на другой.

— О господи, а жена знает? А дети ваши — знают?

— Нет пока детей... ждем...

— А у меня сыночек есть.

Сафарали помрачнел. Он не стал расспрашивать ее о муже, кто он, что.

— Вы... еще так молоды, — сказал он, глядя в ее огромные глаза.

Хабиба усмехнулась. Она почувствовала, что последняя рюмка может стать лишней, и решительно встала.

— Хватит... Пойдемте...

Сафарали послушно встал.

Когда добрались до своего вагона, Сафарали сказал:

— Вот было бы всегда так!

— Как? — Хабиба, посмотрев на Сафарали, улыбнулась.

— Ну, вот так, как сегодня. Любую незнакомую девушку приглашай и не бойся дурной молвы, поделись с ней сокровенным... В общем... Спасибо вам, Хабиба!

— Вы довольны?

— Очень!.. — сказал Сафарали живо. — Послушайте, Хабиба, вы все равно не отдохнете с вашими соседями, а в нашем купе место есть, перебирайтесь!

— Ваши соседи согласятся?

— Да в купе у меня один лишь старик, и тот спит беспробудно...

Хабиба принесла свой чемоданчик из все еще весе-

лящегося купе, и Сафарали распахнул свою дверь — старика на месте не оказалось. Сафарали, глянув на Хабибу, пожал плечами. Похоже, старик сошел на какой-то станции. Они рассмеялись.

Сели у столика, как и в ресторане, друг против друга, и вдруг почему-то оба почувствовали неловкость. Оставшись наедине, не знали, как вести себя, что говорить.

Сафарали выпил немного, но и этого было достаточно, чтобы он захмелел. Он чувствовал, как напиток горючит его кровь, смущался своего состояния и не мог уже вести себя с девушкой просто и естественно. Чувствуя его скованность, и Хабиба замкнулась и быстро расстелила постель, намереваясь спать.

— Не боитесь ночевать с чужим человеком? — неожиданно для самого себя выпалил Сафарали.

Хабиба вдруг рассмеялась и в свою очередь поинтересовалась:

— А вы-то? Не боитесь ночевать с незнакомой женщиной?

Сафарали не нашелся что сказать и смутился. Но, оправившись, негромко проговорил:

— Вас-то не боюсь. Однако за себя...

Хабиба, нахмурившись, взглянула на него и начала, сидя, снимать туфли. Когда она нагнулась, в глубокой прорези воротника на миг показалась белая, по-девичьи упругая грудь. Сафарали поспешно отвел глаза. Наверное, чтобы успокоиться, он торопливо растянулся поверх постели, закрыл глаза.

— Вай, вай, посмотрите на этого человека!.. Раздеться надо, — смеясь, сказала Хабиба.

— Да, да! Надо раздеться, — вставая, пробормотал Сафарали. — Сначала вы ложитесь... Потом я...

— Ладно, погасите свет... я переоденусь.

Сафарали нажал на кнопку выключателя. Он стоял в темноте, прислонившись к зеркалу двери, и ему и в голову не приходило, что куда удобнее и тактичнее было бы выйти в коридор. Запахло какими-то духами.

— Все, включайте!.. — сказала Хабиба.

Когда свет загорелся, Сафарали увидел, что она лежит, закутавшись в белую простыню, и загадочно улыбается. Или ему показалось это?!

— Да, — спохватилась Хабиба, отворачиваясь, — а вы-то не переоделись.

Сафарали, немного отрезвевший, присел на полку, стянул сапоги, выключил свет и только тогда разделся.

— Спокойной ночи. Добрых сновидений вам, Сафарали-ака! — раздался голос Хабибы.

— Спасибо... вам тоже... добрых.

Сафарали думал: «То, что сейчас происходит, не сон ли? О боже! Что же это такое? Держи себя в руках, Сафарали!» Однако шайтан нашептывал ему: «Протяни руку, дурак! Она же рядом, она так молода и прекрасна. Протяни лишь руку — и ты коснешься ее...» Он непроизвольно потянулся к Хабибе, нашел ее руку... Какая горячая!

— Хабиба, — прошептал он. — Вы спите?

Она неторопливо высвободила свою руку из большой ладони Сафарали и неожиданно для него произнесла умоляюще:

— Сафарали, жажда замучила!

Сафарали хотел промолчать, но не выдержал, вскочил, торопливо оделся:

— Сейчас принесу чай... у проводника выпрошу.

Он и вправду принес чайник чая. Разлил его в стаканы, выпили.

— Слишком много поели мы в ресторане, — сказала Хабиба, лукаво улыбаясь. — А теперь можно и спать!

Выключив свет, Сафарали усмехнулся в темноте: ну и плутовка, взяла да и разрядила атмосферу.

Он улегся, закрыл глаза — реальность путалась у него с видениями.

А что, разве грешно прижать к своей груди такую прекрасную девушку? Он представил Хабибу возлежащей на пуховых подушках, в тонком, прозрачном белье... Но почему-то к его изголовью подошла, улыбаясь, Мухаббат, и он не мог уже понять, кто же из них прекрасней и кого он жаждал заключить в объятия. Он попытался подняться, но во всем теле была страшная тяжесть, даже сказать он ничего не мог — не хватило силы пошевелить языком... Да, но кто же это рядом — Мухаббат или Хабиба?! Кто из них?

Поезд мчался в ночи, выстукивая колесами — так-так, тук-тук, — все дальше, дальше. И в голове Сафарали рождались странные видения и исчезали, как мираж.

Сафарали проснулся, не очень отчетливо представляя, где он и что с ним было вчера. Он оделся и поднял дерматиновую шторку на окне. Вот тебе и на! Утро! Рядом с ним была молодая женщина, а он до утра про-

спал мертвецким сном! Черт бы побрал проклятую выпивку, это все от нее! Хотел рюмочку, да не удержался!

И вот теперь постель Хабибы прибрана, а ее самой нет. О боже, что же это такое? Или приснился сон? Сафарали пошарил наверху: чемодана ее нет. Бросился в коридор — там ни живой души. Вагон мягко покачивался, поезд по-прежнему мчался все на той же скорости, было такое впечатление, что он и не останавливался ни разу. Но Хабибы-то нет, сошла на одной из станций!

Сафарали возвратился в купе, силясь понять — да была ли она на самом деле — эта удивительная Хабиба! Постель ее аккуратно убрана. Но на столике, у окна, стояли два стакана — после ночного чаепития, возле них лежала упаковка от лекарства. Сафарали повертел ее в руках — от снотворного. В ней еще оказались две таблетки... Сафарали все понял: «Ну, Хабиба! Прочила она меня!»

Вспомнив свое ночное поведение, он нашел его просто позорным, и от нахлынувшего стыда обхватил голову руками. А хотел по-человечески, по-благородному! Стыдно, ах, как стыдно!

Сегодня весь мир, целую неделю находившийся во власти набухших влагой черных туч и непрерывного дождя, засверкал под яркими лучами солнца. Деревья, травы дышали зеленой чистотой и свежестью. Начиналось настоящее лето — птицы забрались в прохладную чашу густых кустарников, подняли неимоверный гомон, словно выражали недовольство жарким днем. Собаки, которые обычно лают даже на летящих птиц, лежали в тени забора, высунув красные языки и тяжело дыша...

Сафарали в накинутом на плечи пиджаке, усталый, потный, пришел домой. Мухаббат, сидя на корточках у водопроводной колонки, стирала белье. Сафарали постоял немного в калитке, любуясь ею: на солнце щеки Мухаббат разругались, круглый живот выделялся даже в просторном платье. Выражение ее лица было сосредоточенным, будто она к чему-то чутко прислушивалась. Это было лицо будущей матери — нежное, полное ожидания. Он любовался ею, однако не без ревнивой мысли: а вдруг сейчас войдет кто-то и увидит ее оголенные выше колен ноги, ее белую грудь, так хорошо видную сверху в вырезе платья. Хотел было уж по-

журить ее, сказать: «ну как ты сидишь, женушка!». Но вместо этого заботливо произнес:

— И в такую-то жару работаете, вай-вай-вай! Уф-ф, мне кажется, вся земля горит. Хватит, бросьте все!

— Ой, уже пришли? И надо же, не заметила!.. — воскликнула Мухаббат, поправляя платье. Опустив штанны атласных шаровар, она вытерла со лба бусинки пота. — Накэпилось немного белья... Хотела выстирать... Да, как ваши дела?

— В порядке, — ответил Сафарали неопределенно. — Устал, хорошо бы выпить чаю.

— Сейчас, Сафарали-ака, закончу, приготовлю чай. Отдохните пока.

Сафарали ушел в дом. В спальне он повесил пиджак на вешалку и бросился на мягкую кровать. Наверное, потому, что комнаты были прибраны, а полы вымыты до матового блеска, на окнах опущены шторы и в доме царил полумрак, здесь было прохладно. Сейчас для Сафарали этот полумрак был куда приятнее, чем солнечный свет. В прохладе, в полумраке можно полежать, прийти хоть немного в себя от всех событий, обрушившихся на него за последние сутки. А тут еще история с Хабибой — стыдно, некрасиво вел себя. И почему это все проблемы разом навалились на него — Галина, Олеся! Нартаджи — жаждущий заполучить его к себе в совхоз. Какая же из этих проблем поменьше? Какую решать в первую очередь? От этих дум голова шла кругом.

И в самом деле Сафарали было трудно. Как он скажет Мухаббат о Галине и Олеесе? Что, так и выложить: «Я был женат. Вам говорил неправду... Теперь вот пришло письмо от дочери»? Что подумает Мухаббат, услышав это? Как поведет себя? А вдруг не простит обман? Да какой обман! Это же его несбывшееся счастье! Прошлое счастье. Но сейчас-то ведь для него дороже всего на свете — Мухаббат. И она ждет ребенка, как скажешь ей горькую истину? Рискованно.

4

Нартаджи настойчиво звал Сафарали в совхоз зоотехником, он даже успел показать ему совхозное стадо. Директор был в кишлаке человек новый, хозяйство принял года два назад, но о людях кишлака знал

уже, что называется, всю подноготную — кто как работает, на что каждый способен. Прослышал он от людей, что раньше Сафарали здесь, в кишлаке, был зоотехником — работающим, добросовестным, вот и не оставил его теперь в покое. Именно трудяги директору и были нужны. Сафарали отбивался, он привык на новом месте.

— На службе меня уважают, ценят, нет никаких оснований для увольнения, — сказал он директору. — Что я скажу — работа перестала нравиться?! Не поверят.

Но Нартаджи не так-то просто было убедить.

— Мне кажется, человек должен работать по специальности... там, где принесет большую пользу. — И заключил жестко: — В случае, если не освободят... по добром, придется просить районный комитет партии, чтобы помогли вернуть хозяйству специалиста.

Сафарали помрачнел.

Директор совхоза, видя его настроение, уже мягче поговорил:

— Вы извините, если я погорячился... Зоотехников можно найти много, но мне нужен надежный... знающий, одержимый! Потому и уцепился за вас. Но если нет у вас желания заниматься этим делом, неволить не стану. Я ведь так, дай, думаю, в последний раз попытаюсь доказать — что не только о себе думать надо, о людях в первую очередь.

— До вас мне так отбили охоту заниматься любимым делом, что век не забуду! — горько усмехнулся Сафарали.

— Пришлось всех этих «специалистов» — родственников бывшего директора — выгнать. Довели хозяйство до ручки, платить рабочим первое время нечем было. Собрал их всех и честно рассказал, в каком экономическом состоянии совхоз. Предложил сообща искать выход. Многие поняли, стали вносить дельные предложения. Но главное, я их заверил, что теперь оплата будет только за труд. За честный труд — честная оплата! И — вовремя! Никаких махинаций и липовых отчетов. Перевыполнила бригада, отделение план — по лучай сверхплановые! Поверили. Возвратилось большинство толковых специалистов, в свое время ушедших по «собственному желанию». За два года совхоз стал рентабельным, начал давать прибыль. Хлопок, фрукты, овощи — с этим у нас нормально! Работаем над

повышением их урожайности, нашли пути решения этой задачи. А вот животноводство — ну никак не сдвинем с мертвой точки. Хоть убей! Говорил я с народом, и многие вспомнили о вас не только как о хорошем специалисте, но и честном, добросовестном человеке. Такие нам и нужны.

Сафарали машинально кивнул, несколько озадаченный внезапной директорской откровенностью. Может быть, действительно, стоило подумать о возвращении.

На работе руководство встретило его холодно, неприязненно, видимо, слухи о том, что Сафарали переманивают в совхоз, дошли до него.

— Заходите, Сафарали! — главный инженер приглашал его так, словно ждал.

Сафарали, излагая цель своего прихода, чувствовал себя неловко. Главный катал ладонью по столу толстый красный карандаш «Богатырь» и, не прерывая, терпеливо слушал.

— М-да, значит, хотите уходить? — наконец проговорил он.

Сафарали потупил глаза.

— Мы в чем-то провинились перед вами? — продолжал главный.

— Да не-е-ет... — пробормотал Сафарали. — Ничего такого не было.

— А почему же тогда райком вмешался? — раздраженно спросил главный.

— Это, наверное, директор совхоза...

— А что скажете сами? Ваше личное мнение каково?!

— Я... — замялся Сафарали. — Как-никак, родной кишлак... да к тому же, буду работать по специальности.

— Ну что ж, — холодно заключил главный инженер. — Оставьте заявление в приемной.

По тому, как главный сравнительно легко согласился на его уход, надо полагать, директор совхоза «хорошо поработал» в этом плане. «Не напрасно, должно быть, говорят о нем, что он из породы тех, у кого мертвая хватка», — подумал Сафарали.

В приемной, присев к столу секретарши, он написал заявление и поинтересовался:

— Когда прийти за расчетом?

— Я сегодня же дам на подпись, — сказала девушка. — Наведайтесь завтра.

А Сафарали-то думал: с утра зайдет к главному, получит его визу, и сразу — расчет. К сожалению, все вышло иначе. Главный недоволен, раздражен, но ни в какое сравнение не шло неудовольствие главного с обидой товарищей, с которыми проработал бок о бок не один год. Одни хмуро отворачивались, другие ядовито ворчали: «Тепленькое местечко нашел»... В профкоме его долго мурыжили, не подписывали обходной.

Женщина-профорг подняла его при всех на смех:

— Жена его — человек настойчивый, вынудила-таки нашего Сафарали оставить работу! Перетаскивает поближе к своей юбке.

Поднялся невероятный хохот. Сафарали смутился. Однако что он мог ей ответить! Объяснить причину увольнения? Но тогда ведь надо рассказать все, что услышал от Нартаджи-ака. Да и поймут ли?

Но вот, наконец, Сафарали подписал обходной лист и в профкоме, и в бухгалтерии, и, наконец, даже в библиотеке. Он радостный направился к двери, но девушка-библиотекарка задержала его.

— Минутку, Сафарали-ака!

Он остановился, вопросительно посмотрел на библиотекаршу.

— Вам письмо... сегодня в нашей почте обнаружила.

Сафарали, точно оглушенный, стоял не шелохнувшись. Первая мысль его была, — а вдруг это опять оттуда, из Винницы?! Но почему не на домашний адрес?

— Заберите же свое письмо... Что вы за человек?!

Сафарали, осторожно взяв в руки письмо, с опаской посмотрел на обратный адрес.

— Это же от Бутава! — воскликнул он, расплывшись в улыбке, и поблагодарил библиотекаршу за радостную весть. Здесь же во дворе, под большим деревом, прочитал послание друга.

«Дорогой брат Сафарали! — От этих слов на глаза Сафарали навернулись слезы, к горлу подступил комок. — Возможно, получив это письмо, удивишься. Я тот самый твой друг Бутавай, который вместе с тобой сражался за нашу родную Украину. — В этом месте у Сафарали задрожала рука, державшая письмо. Судорожно вздохнув, он продолжал читать. — Тринадцать лет я разыскиваю тебя, дружище. Недавно побывал по делам в Чимкенте и вдруг — встретил Байзак! Он по-прежнему большой жизнелюб, такой же шутник, каким мы его запомнили. Через каждые два слова

произносит свое знаменитое «Шорт возьми!» Он забрал меня к себе домой. Ну и поговорили мы с ним по душам! Вспомнили всех товарищей по оружию. Особенно нашу жизнь в лесу под Винницей! Байзак сказал, что как-то встречался с тобой в Ташкенте. От него я узнал, что ты работаешь технологом на заводе (а зотехнику бросил, почему?), что женился (поздравляю!). Домашний твой адрес Байзак запомнил, а вот рабочий дал, потому и пишу на работу. Может, дойдет. Если сможешь, приезжай ко мне. Сейчас время отдохнуть, посидеть с дочкой на реке, съездить на кумыс. Нам есть с тобой что вспомнить. Женушку тоже вези. Жду ответа. Твой боевой друг Бутавай».

Сафарали, прочитав письмо, прислонился к дереву и долго не мог собраться с мыслями. Воспоминания, от которых он пытался уйти последние два дня, вновь нахлынули, взяли за душу. Перед глазами стояли обрывки строк из письма Бутава: «Винница», «Шорт возьми!», «На кумыс»...

И тут же возникали другие строки: «Здравствуй, дорогой папа». Слова эти требовали от него какого-то ответа, каких-то действий. Каких?! А что если посоветоваться с Бутаваем?

В основном Сафарали закончил дела, осталось в бухгалтерии получить расчет. Можно и потом, не к спеху это, подумал он, уж лучше не откладывая съездить к другу, пока не оформился в совхозе и есть пара дней свободных.

Мухаббат внесла маленький фыркающий самовар, пригласила к столу. Сафарали нехотя сел. Мухаббат, бросив на него тревожный взгляд, озабоченно спросила:

— Нездоровится?

— Немного разморило, наверное, от жары... — улыбнулся он.

Ласковый, любящий взгляд жены, ее заботливое участие быстро сняли его плохое настроение, Сафарали охотно стал пить чай.

Когда Мухаббат увидела, что муж снова бодр, она решила сообщить о приходе Нартаджи.

— Вечером директор снова обещал навестить, — добавила она, помолчав.

— А когда же он был-то? — не без ревности спросил Сафарали, глядя на раздумянившееся лицо Мухаббат.

— Утром, только вы ушли, он и пожаловал.

«Хорошо, что этот настырный Нартаджи не застал Мухаббат тогда, за стиркой, увидел бы во всей красе беременную женщину!» — с раздражением подумал Сафарали, а вслух произнес:

— Ну что им не терпится!.. Ведь согласился же я!

— Кстати, вы не показали мне то письмо... О чем оно, от кого? — внезапно перебив его, спросила Мухаббат.

Сафарали на какое-то мгновение растерялся, а если честно говорить, то просто-напросто струсил. Но тут ему в голову пришла спасительная мысль, и он овладел собой.

— О, совсем запмятовал! — сказал он извиняющимся тоном и достал из внутреннего кармана висевшего на вешалке пиджака конверт.

Одарив его теплой улыбкой за доверие, Мухаббат стала читать письмо. Пока она читала, Сафарали затаив дыхание следил за ней — поймет или не поймет, что это за письмо?!

Когда Мухаббат вновь вложила листки в конверт и подняла на него глаза, он сказал с чувством:

— От боевого друга...

— А что ответите Бутаваю? — немного помолчав, спросила Мухаббат.

— Не знаю даже... — пожал плечами Сафарали, хотя и решил уже твердо навестить друга. Но он знал, как нужен сейчас Мухаббат, и промолчал.

— На заводе расчет получили? — поинтересовалась жена.

— А что? — Сафарали спрашивал так, для проформы, он уже знал, какая мысль пришла в голову его доброй жене.

— Да вот подумала... если со всеми делами там кончили, съездили бы, повидались с Бутаваем... ведь потом-то трудно будет урвать время. В этом году отдохнуть не придется, в совхозе дел невпроворот, там не скоро отпуск получишь. — Мухаббат, глядя на него преданными глазами, говорила озабоченно, с сочувствием. Она считала, что Сафарали замкнулся в себе, стал неразговорчивым, раздражительным оттого, что устал. — Совхоз столько ждал, подождет еще. Ничего не случится за несколько дней, а вам отдохнуть следует.

— А вы, Мухаббат?! Одна и в такую пору...

— Волки меня не съедят. Приглашу ночевать дочь тетушки Сажиды.

— Да я не об этом... — сказал с нежной улыбкой Сафарали и легко прикоснулся к ее круглому животу.

— Ну вас! — смутилась Мухаббат. — Не надо беспокоиться. Хабиба сказала... еще время есть.

— Хабиба?! — чуть было не вскричал удивленный Сафарали, думая, что ослышался. — Какая Хабиба?

— Чему вы так удивились? Вы что, знакомы с Хабибой? — спросила, лукаво улыбаясь, Мухаббат.

— Нет, нет!.. — Сафарали в свою очередь покраснел.

— Коль не знакомы, вам следует знать: Хабиба — жена Нартаджи.

— Что, что ты сказала?

— Да, да. Она — доктор.

Как же так?! Если верить проводнику вагона, Хабиба сошла на станции Сырдарья. Ах, шайтан! Дурная башка! Совершенно запямятовал — Нартаджи приехал работать в совхоз-то из Сырдарьи. А там у них — родственники. Вот и сошла она, видимо, проведать мать!

— Говорите, доктор? — как-то машинально переспросил он и весь внутренне сжался, вспомнив, как вел себя в ту ночь в поезде...

Два стакана на столике, пустая коробочка от снотворного... «По правде говоря, на такой фокус только врач и способен». Подсыпав лекарство, усыпила и тем самым избавила его от неприятной истории. Вместе с этими мыслями в его душе зародился и страх: «Вдруг она обо всем рассказала мужу, Нартаджи! Постой-ка, — одернул он себя, — чего ты испугался! Ведь, собственно говоря, ничего же не было». Хотя... конечно, вел он себя не лучшим образом. Ох, сколько же всего враз навалилось на него. Нет, видно, действительно, сейчас самое лучшее уехать, чтобы как-то все улеглось, утряслось, позабылось.

Какая же Мухаббат молодец, какой чуткий, внимательный человек. Она видит, понимает, что он переживает, нервничает, и согласна даже в такое время отпустить его. Теплая волна заполнила его душу. Он ласково обнял за плечи сидящую рядом жену, благодарно сказал:

— Ладно, решено! Завтра же еду, а вы, если можно, подготовьте все необходимое к отъезду.

— Вот тебе раз! Что значит — «если можно»! Кого, как не вас, я должна собрать в дорогу! Такое мог сказать только Афанди...

— Молодец, жена родного мужа! — рассмеялся Сафарали и снова обнял Мухаббат.

— Ну, право, не надо дурачиться!.. — говорила жена, а на лице ее была счастливая улыбка.

Сафарали и сам в этот момент был счастлив.

Добрая, любящая жена — разве это не счастье! Да и предстоящая встреча с фронтовым товарищем сулила радость. А кроме того, казалось, что именно Бутавай, человек, знавший историю его любви с Галей, поможет, подскажет выход. Ведь помнит же Сафарали, каким находчивым, каким изобретательным был его друг на войне. Да-да, ехать скорее. Бутавай поможет!

А утром, ни свет ни заря, явился Нартаджи. По сельской привычке Сафарали уже сидел за чаем. И все же он был недоволен таким ранним визитом. С одной стороны, его стали мучить угрызения совести при воспоминании о Хабибе, а с другой, он испугался, как бы не сорвалась поездка к Бутаваю.

Но Нартаджи вел себя спокойно, а зашел лишь сказать, что Сафарали может хоть сейчас же приступить к работе.

Сафарали показал директору письмо от Бутаваея и попросил подождать его дня два-три.

— Тринадцать лет не виделись, когда еще выпадет случай встретиться! — заключил просьбу Сафарали. — Тут недалеко, на поезде пять-шесть часов пути. Я быстро обернусь. А может, и вы со мной махнете, проветритесь!

— Спасибо. У меня масса неотложных дел, — замахал руками Нартаджи. — Конечно, хорошо бы кумыса попить, порыбачить. Вы поезжайте, посмотрите, что за места. Понравится, выкроим позже время, съездим на недельку с Мухаббат и Хабибой. У меня свой «москвичок». Премниальный!

— Договорились!

— Коли так, одевайтесь. Еду по делам в город, подвезу на завод.

«А что, и правда, пусть подбросит, — решил Сафарали. — Получу расчет, чтобы уж не возвращаться к этому».

— Мухаббат, подготовьте вещи. Я поеду пятичасо-

вым поездом, — бросил уже с порога Сафарали, уходя вместе с Нартаджи.

Домой он возвратился после полудня. Вещи его были собраны и аккуратно уложены, Мухаббат только и ждала знака, чтобы подать ароматную шурпу на обед. Как и всякой женщине, ей хотелось как можно лучше накормить мужа перед дорогой.

— Ну, мне пора. Скоро четыре... Надо еще машину поймать, — сказал Сафарали, поблагодарив Мухаббат за обед.

Он стал молча собираться, не глядя на жену. Мухаббат знала, почему он так долго и сосредоточенно зашнуровывает туфли: Сафарали редко уезжал далеко, он не любил минуты прощания, для него это было всегда трудно — словно бы он прощался навсегда. Когда жена подала ему маленький чемодан, он порывисто прижал ее голову к груди и уткнулся в шелковистые волосы. Замерев, они простояли какое-то мгновение, переживая каждый по-своему разлуку.

— Берегите себя, — прошептал Сафарали. — Я скоро вернусь.

— У вас привычка... как уедете... никакой весточки, — дрожащим голосом говорила Мухаббат. Глаза ее умоляли, чтобы он быстрее возвращался. Сафарали это понял.

— Самое многое — через три дня...

Проводив Сафарали за калитку, Мухаббат, грустная и подавленная, села на кровать. Как они с Сафарали привыкли друг к другу, разлука даже на два-три дня и то кажется невыносимой. Надо бы чем-то заняться, чтобы отвлечься, ну, вот хотя бы в доме прибраться, пол вымыть, но, как учила в детстве мать, после отъезда родного человека этого делать нельзя, не к добру. Мухаббат не была суеверной, но нарушать обычай не осмелилась. Бог с ней, с уборкой, решила она и отправилась к тетушке Сажиде — поболтать, развеяться, а заодно и позвать ее дочь Мухайё — та была девочкой доброй, услужливой и часто помогала Мухаббат.

В дом они вернулись поздно и сразу же уснули.

Мухаббат, как всегда, поднялась чуть забрезжил рассвет. Тут же занялась делом — подмела двор, выпустила кур со двора на лужайку. Затем разбудила Мухайё и стала накрывать дастархан к завтраку. На сто-

ле ей вдруг бросился в глаза конверт. Она заволновалась — неужели забыл второпях письмо друга?! Но ведь там же адрес!

Мухаббат машинально взяла в руки конверт, прочитала обратный адрес: Украинская ССР, г. Винница... Заремба. Она ничего не могла понять, и все так же автоматически открыла распечатанный конверт. Фотография женщины и девочки.

Написанное крупным ученическим почерком письмо.

Когда Мухайё, умывшись во дворе, вбежала в комнату, она застала Мухаббат сидящей на стуле с совершенно отрешенным лицом, руки ее повисли, точно плети. Мухайё испугалась.

— Позови маму, — безжизненным голосом попросила Мухаббат.

Мухайё бросилась к матери, а минут через пять прибежала, запыхавшись, тетушка Сажиди. Мухаббат лежала на ковре и тихо стонала. Тетушка Сажиди, не зная, что предпринять, охая, суетилась возле нее. Наконец она сообразила кликнуть дочь:

— Мухай! Эй, Мухай! Шайтан тебя забери! Беги вызывай «скорою»!

Тетушка Сажиди возвратилась к Мухаббат, причитая:

— Ах, я несчастная! И какой это мужчина оставляет жену перед самыми родами!.. Каким беззаботным должен быть этот человек!..

5

А Сафарали в это время трясся в рейсовом автобусе, который, поднимая густой шлейф пыли, мчался в сторону колхоза имени Амангельды. Автобус был старенький, душный, с дребезжащими окнами, он то и дело подскакивал на рытвинах и ухабах грунтовой дороги, петлявшей среди зарослей камыша и тамариска, но, занятый своими думами, Сафарали не замечал всего этого, как не обращал внимания и на громкие разговоры попутчиков. Холмистая местность напомнила вдруг степи Украины. Изрытая оврагами земля, заросшие травой арыки, заброшенные поля напоминали траншеи и окопы военной поры... Нахлынули воспоминания тех прошедших лет.

...Деревня недалеско от Винницы. Только что стих

бой, прижав к себе винтовки и автоматы, на дне окопа отдыхали солдаты, вымазавшиеся грязью, трудно было узнать сейчас — кто из них кто. Бой был нелегкий, но вот выпала свободная минутка — и слышались в окопе шутки, подначки. А часто и песня слышалась. У ферганца Расулджана был сильный и приятный голос. Так и звучит в ушах его любимая песня «Чаман ичра». Бутавай почти всегда подпевал ему, он даже в бою, после удачного выстрела, радостно кричал:

— Еще один свалился, чаман ичра!

Не отставал от него и Байзак. Однажды в окопе после очередного боя все спали, и вдруг раздался выстрел. Бойцы проснулись как по команде, повернули головы в сторону выстрела. Стрелял Байзак. Командир отделения, украинец Тарас Прокопенко, подскочил к казаху, ожег его злым взглядом:

— Щс це таке?

Байзак, не обращая внимания на вопрос, вытянув шею, всматривался вдаль.

— Куда она делась, шамен ишре, шорт возьми?! — восклицал он недоуменно.

— Що? — спросил Тарас, не понимая его слов и угрюмо глядя на солдат, корчившихся от смеха...

Сафарали, вспомнив этот случай, внезапно захохотал. Пассажир, сидевший рядом с ним, вздрогнул.

— Над чем вы смеетесь? — спросил он раздраженно.

— Просто так...

Пассажир смерил его недоуменным взглядом, пожал плечами — дескать, что с тебя возьмешь! — и демонстративно отвернулся.

Сафарали смутился было, но тут же забыл о недовольстве соседа, его вновь поглотили воспоминания о прошлом. Снова перед мысленным взором проходили дорогие лица друзей-однополчан. И почему-то вспоминалось сейчас все самое светлое, доброе, чистое, что несло в себе боевое братство. Обстановка была такой: стоит прекратиться перестрелке — смех, шутки, остроумие; начинается пальба, завывание мин — серьезные, озабоченные лица. Однажды, в затишье между очередной стрельбой, Бутавай спросил у Байзака:

— Ты зачем усы отпустил?

— Для маскировки, — ответил совершенно серьезно Байзак. — Создатель, шорт возьми, сотворил такой облик вашего покорного слуги, — на мгновение он приподнял пышные усы над верхней изуродованной губой, —

что я стал самым красивым парнем на свете. А красивых бьют в первую очередь, и насмерть. Пришлось прибегнуть к усиленной маскировке...

Байзак, довольный собственной шуткой, демонстративно подкрутил правый ус и, не обращая внимания на хохот, с наигранной строгостью осведомился:

— Зашем смеетесь?

И опять Сафарали чуть не рассмеялся на весь автобус, но вспомнил враждебный взгляд сидевшего рядом соседа и сдержался.

Духота в автобусе становилась невыносимой, но это никак не отражалось на настроении молодежи. В конце салона устроилась группа парней, в центре внимания которой был юноша, чем-то неуловимо похожий на Байзака военной поры. Он с безразличным лицом что-то рассказывал, а парни, окружавшие его, хватаясь за животы, корчились от смеха.

Это была другая молодость — счастливая, беззаботная, солнечная, но вот ведь что удивительно, тогда, в сороковые, и они, восемнадцатилетние-двадцатилетние, знали радость, знали светлые минуты.

Разрозненные картинки вновь ожили в памяти: пыльные бесконечные дороги, клубящийся черным дым, пламя пожарищ. Небо, заполненное вражескими истребителями, надвигающиеся чудища танков, и среди всего этого — их молодость. А для кого-то молодость стала вечной. И тогда, когда собираются они, фронтовые друзья, непременно вспоминают невернувшихся.

Автобус, натужно завывая двигателем, медленно полз на подъем.

— Братец, долго нам еще ехать?

— Как перевалим через этот подъем, так и кишлак будет, — сказал сосед. — А что, вы в первый раз?..

— Впервые в этих краях.

Взгляд соседа смягчился.

— В гости едете или по делам?

— Друг у меня здесь, Бутаваем зовут.

— Э, да вы к садовнику Бутаваю!

Хотя Сафарали и не знал, чем занимается Бутавай, он утвердительно кивнул.

Вскоре автобус въехал в кишлак, который с высоты холма просматривался из конца в конец. Поражало обилие зелени, кишлак небольшой, но какой-то уютный. Автобус остановился в центре, недалеко от чайханы. Сосед Сафарали, бросив ему: «Пошли!» — двинул-

ся к чайхане. У входа в чайхану стоял здоровенный детина, настоящий палван. Попутчик Сафарали подозревал его:

— Это гость к садовнику Бутаваю. Напон его чаем и проводи.

— Салам алейкум, гость! — расплылся в улыбке палван. — Милости просим.

— Ваалейкум.. — сдержанно ответил Сафарали, но все-таки последовал за парнем. Тот принес два чайника чая, пиалы, сел напротив гостя и зорко окинул чайхану.

— Умурзак-ата, — окликнул он проходившего мимо худого, как щепка, старика с бородой клинышком. — Знакомьтесь. Гость. Приехал к Бутаваю-ака.

— Прекрасно! Будьте счастливы, — приветствовал старик Сафарали, прикладывая руку к сердцу.

— Значит так, Умурзак-ата... Я срочно еду по делам в город... на этом автобусе, — сказал парень, — а вы, аксакал, проводите, пожалуйста, гостя к Бутаваю-ака.

— С удовольствием, — энергично кивнул старик, и его тубетейка из зеленого бархата заколыхалась в знак согласия.

— Но Бутавая-ака может не оказаться дома... — задумчиво проговорил палван.

— Если нет дома, значит, на бахче, где же ему еще быть, — сказал старик с каким-то удовлетворением. И по тому, как Умурзак-ата произнес это, Сафарали понял — к Бутаваю здесь относятся с уважением. А старик продолжал, обращаясь к Сафарали: — Вы даже не представляете, как здорово, что приехали к нам в гости!

Детина тем временем высмотрел уже мальчишку лет двенадцати, катавшего неподалеку на велосипеде.

Палван свистнул так оглушительно, что старик сморщился, как при зубной боли, и недовольно покосился на богатыря:

— И не стыдно тебе, такой большой, женатый, а точно сорванец свищешь!

— Кувандык! — зычным голосом позвал парень, не обращая никакого внимания на замечание старика.

Мальчишка подкатил, слез с велосипеда.

— Одна нога здесь, другая там — гони на бахчу к дяде Бутаваю, скажи — гость к нему приехал.

Кувандык нехотя произнес «ладно», но ехать не то-

ропился. Богатырь усмехнулся, пошарив в карманах, достал несколько монет, сунул их мальчишке в руку:

— На мороженое... Ну — давай!

Мальчишка, точно кошка, прыгнул в седло и, сверкнув радостно черными глазами, умчался. Старик не без ехидства заметил:

— Ваш друг знает, на каком языке говорить с современной молодежью!

Палван и тут никак не среагировал, лишь сказал:

— Ну вот, теперь можно идти... Если рано вернусь из города, тоже загляну к Бутаваю-ака.

Старый Умурзак, тронув за локоть Сафарали, повел его по улочке из высоких глинобитных дувалов, скрывавших от чужих глаз жизнь хозяев невидимых дворов.

«Почему Умурзак-ата иронически относится к этому богатырю?» — подумал Сафарали, но спросить старика не решился.

Когда вошли во двор Бутавая, навстречу им вышла красивая, немного располневшая женщина.

— Встречай гостя, невестка! — сказал старый Умурзак, кивая на Сафарали. — Ризван, он друг Бутавая. Из Узбекистана...

Ризван улыбнулась, и Сафарали показалось, что все засветилось вокруг — такая лучезарная была у нее улыбка.

— Вы Сафарали?

Сафарали, чуть смутившись, утвердительно кивнул. А спустя мгновение они уже говорили как старые знакомые. У Сафарали даже появилось такое чувство, что он здесь уже бывал, в этом зеленом, уютном дворе. Почти посреди двора — широкая сури, а вокруг множество цветов, на листьях которых подрагивали, как слезинки, капельки воды. И над всем этим благолепием — тонкий аромат. В дальнем углу был небольшой огородик — на грядках пламенем горели стручки перца, крупные плоды помидоров. В другом конце двора виднелись побеленные свежей известью хлев, сарай для сена, навес для скота. «Неплохо обжился Бутавай», — подумал Сафарали.

Ризван пригласила гостей в дом.

И опять-таки там, в гостиной, Сафарали почувствовал себя свободно, раскованно, словно все здесь было ему привычно и знакомо.

Не успела хозяйка напоить их традиционным чаем,

как во дворе послышались тяжелые шаги и густой бас Бутавай:

— А вот и сам хозяин прибыл!

Сафарали вскочил, и в ту же минуту в комнату, широко раскрыв объятия, ввалился Бутавай. Обнявшись, они, как дети, хлопали друг друга по спине, по плечам — смеялись и... плакали одновременно. Ризван и Умурзак-ата смущенно и растроганно смотрели на двух мужчин, не способных в такую минуту скрыть своих чувств. Наконец они успокоились и сели к дастархану.

— Какой ты стал богатырь, Бутавай! — восхищенно воскликнул Сафарали.

— А ты все такой же, Сафарали! Нисколько не изменился, точно замороженный или законсервированный. — И Бутавай рассмеялся своей шутке, взял из ниши две подушки, бросил их около Сафарали. — Приляг. Не так-то легко шесть часов кряду трястись в автобусе по нашим дорогам.

— Да, кстати, как Байзак поживает? — спросил Сафарали, удобно облокотившись на подушку.

— Он все такой же, не изменился. Погоди, расскажу сейчас...

Бутавай вышел во двор, оттуда послышался натужный скрип колодезного ворота. А через минуту-другую Бута вошел с запотевшим бидоном в руках.

— Держу в колодце... Летом использую его как дармовой холодильник. — Бутавай не спеша обтер бидончик полотенцем, взболтал содержимое до образования пены и только тогда поднял крышку. Комнату наполнил дивный запах.

— О-о-о-о, кумыс! — не удержался от восторга Сафарали.

— Собственного приготовления, — расплылся в улыбке Бутавай, довольный произведенным эффектом. Он, почти священнодействуя, наполнил пиалы. Кумыс пенился, шипел. — Ну-ка, попробуй божественного напитка.

— А ничего не будет? Давно не пил.

— Не бойся!

— Да исцелит он нас от всех болезней! — Сафарали залпом осушил пиалу, смачно облизал губы. — Как-к-кой прекрасный напиток! Ледяной, зубы ломит.

Бутавай кивнул и свою пиалу выпил мелкими глотками. Потом, вытирая губы полотенцем, сказал:

— Спрашиваешь о Байзаке? Встретились мы с ним

в Чимкенте... А дело было так... Вот уже года три, как взвалил я на себя эти заботы, будь они неладны, — садоводом заделался!

— А что в этом плохого? — одобрительно кивнул Сафарали.

— Я не говорю — плохо быть садоводом... Но вот если дело не двигается с места, сады плохо растут, мало плодоносят, — это плохо!

Сафарали смотрел на друга, пока еще ничего не понимая, и тот пояснил:

— Если к полученным в этом году десяти тоннам фруктов на следующий год не прибавится ни одного килограмма, будет ли это достижением, движением вперед? Будет ли это хорошей работой?

— Ну, если все упирается в масштабы производства, расширяй площади!

— Я бы с удовольствием расширил. Но вот председатель! К тому же туго с водой. Когда начинали дело, в реке воды было достаточно. Все посадки, почитай, один чигирь обеспечивал. Чутьку расширил площади — воды стало не хватать, хотя чигирь крутится круглые сутки. Да к тому же, в реке воды теперь мало — течет тонкая змейка на доньшке русла.

— Почему?

— Как почему?! Всю воду разбирают, чуть ли не на каждом шагу стоят насосы для водозабора, плотины стали воздвигать.

Бутавай помолчал, вновь наполнил пиалы кумысом.

— Долго ломали голову, как разрешить проблему нехватки воды, и пришли, наконец, к выводу — надо покупать насос, последовать примеру соседей. Кончат с дедовским чигирем... С трудом уговорили председателя. Сначала он уперся — ни в какую — упрям был, как шайтан! Тогда собрались все коммунисты... что называется, прижали к стенке. «Соглашусь, но с одним условием, — говорит раис, — за насосом сам Бутавай поедет». Ну и отправился я в областной центр, в Чимкент, с документами. «Зайдешь в облисполком, там тебе дадут разрешение на получение одного насоса, по лимиту», — сказал председатель, напутствуя меня. Если бы ты знал, как, оказывается, это сложно — получить насос! Я проклял все на свете!

Пришел в облисполком. Меня с бумагами то к одному, то к другому посылают. И когда осталось получить последнюю подпись, наступило время обеда. Я разоз-

лялся, аппетита никакого, не знал, куда себя девать. Вышел из здания и стал ходить вдоль фасада. И вдруг смотрю — навстречу человек идет, вроде бы мне знакомый. Усы... знаменитые усы! Я их сразу узнал.

— Байзак! — закричал я и чуть голос не сорвал от радости.

Вот так случайно и встретились. Узнал он, ради чего я там торчу, и решил:

— Не побывав у меня в ауле, никакого насоса не получишь, шорт возьми!

И мы отправились в аул, к этому шайтану.

В комнату, вытирая руки цветастым полотенцем, вошел старый Умурзак, хлопотавший вместе с Ризван во дворе.

— Ну как, отец? — спросил Бутавай.

— Нормально, нормально... хорошо откормлен, да будет он счастлив! — Умурзак-ата, поглаживая бородку, уселся на курпачу.

Бутавай, услышав слова Умурзака-ата, захохотал. Сафарали ничего не понимал.

— Слышишь, Сафарали, ата сейчас барашка «подготовил» к шашлыку и благословил: «Да будет он счастлив!» — Бутавай снова оглушительно захохотал.

Сафарали тоже засмеялся. «У старика, наверное, привычка к месту и не к месту, говорить «да будет он счастлив», — подумал он. Но почувствовав, что старый Умурзак обижен этим веселым смехом, Сафарали встал на его за циту:

— Отец правильно говорит. Все хорошее создается для человека. И если задуманное используется правильно и к месту, разве это не счастье? Не так ли?

— Вы совершенно правы, сын мой, будьте всегда счастливы! — улыбнулся старый Умурзак, оправившись после обидного для него разговора.

Бутавай не уставал наполнять пиалы кумысом.

— Ну, выпьем, пусть и кумыс будет счастливым! — лукаво подмигнул он.

Вошел юноша — высокий, тонкий, как стебелек, стесняясь, поздоровался.

— Наш сын! — сказал не без гордости Бутавай. — Назирджан...

— Да будет он счастлив!.. — проговорил старый Умурзак, будто благословляя мальчика.

— В каком классе учишься, сынок? — спросил Сафарали, пожав ему крепко, по-мужски руку.

— В девятый перешел, — ответил Назирджан ломающимся голосом.

«Почти совершеннолетний», — подумал Сафарали.

Бутавай сделал знак сыну, и они вышли во двор, а Сафарали погрузился в свои нелегкие думы. «Жизнь мчится, успевай — не зевай! Кажется, еще вчера мечтали в окопах, как после победы возвратятся они домой, обзаведутся семьями, детей станут растить. А у Бутавай уже сын в девятый класс перешел. Подумать только — в девятый. В девятый... Собственно, почему в девятый? Сафарали прикинул: если в школу мальчишка пошел с семи или восьми лет... ему где-то — пятнадцать, шестнадцать... В каком же году он родился? Пстой-пстой, но ведь еще в сорок третьем Бутавай уверял, что не женат?!»

Сафарали был занят своими размышлениями, а старый Умурзак пытался втолковать ему свое.

— Пусть всегда сопутствует ему удача. Из Бутавай получился настоящий человек. Он из тех, кто не строит свое благополучие за чужой счет. Для него — справедливость превыше всего! И он умеет ее отстаивать и защищать. Да, да!..

«Моя Олеся, наверное, учится в седьмом классе», — подумал Сафарали, не слыша старика.

— За три года пустынную землю на берегу дарьи, которую все считали непригодной для обработки, превратил в райский уголок! — продолжал Умурзак. — Заря не болтает, человек слова. Мало говорит — много делает.

«Сейчас Олеся ждет моего ответа. А о чем думает Галя?» — размышлял Сафарали.

— Ничего в жизни не делается само по себе, — горячо доказывал старый Умурзак. — Долго тягался с председателем. А председатель в то время был — ого! Не каждый мог не то что поговорить, а близко к нему подойти. Ни дать ни взять — властелин, настоящий хан! Кого вознесет, кого помирует... Какие там законы! Вернулись с фронта Бута и еще несколько его сверстников — с грудом, но обуздали хана... Да будут они счастливы!

Сафарали очнулся от своих дум, услышав обрывок последней фразы.

В этот момент Бутавай привел с собой парня-богатыря.

Они присели на курпачу.

— О чем рассказ, аксакал? — понтересовался Бутавай.

— Да все о том же... о садовых делах, — уже без энтузиазма ответил старый Умурзак.

6

Стояла ранняя весна пятьдесят четвертого года. Кишлак возник перед самой войной, поэтому здесь еще не успели заложить сады и виноградники. Фрукты сюда привозили издалека, из города. Как говорил Бутавай, «хлопотное дело с садами» затеял в тот год сам Умурзак-ата, а уж Бутавай и все фронтовики постарались разжечь костер из тлеющего уголька. Бутавай работал тогда на ферме крупного рогатого скота. Однажды, когда зашел разговор о дороговизне фруктов, привозимых из города, Умурзак крепко зацепил Бутаваю. «Ваш сосед привез своим детям яблоки, виноград, груши, а сын твой глотал слюнки, сам видел... его не угостили, мальчишка аж расплакался. Почему бы нам у себя в кишлаке сады не разбить?! Почему бы тебе не взяться за это дело — молодому, энергичному?! Люди, особенно дети, спасибо великое скажут».

Это послужило поводом для того, чтобы «пламя» охватило весь кишлак. Всю ночь бурно заседало правление. Колхозники, окружив контору, ожидали решения. Председатель упорствовал до самой утренней зорьки. Он говорил: государство установило нам план на хлопок, а не на фрукты. Вот и давайте заниматься хлопком.

Эти его слова вызвали взрыв возмущения. Кто-то сказал, что надо вопрос вынести на общее собрание колхозников. Тут же поставили на голосование. Приняли предложение единогласно. Все произошло так быстро, что председатель не успел и рта раскрыть.

На следующий день, на общем собрании колхозников, Бутавай обосновал свои мысли о необходимости закладки садов и виноградников. Председатель побоялся теперь возражать напрямую. Но он пытался доказать, что все хорошие земли под хлопком и никто не разрешит хотя бы часть из них использовать на другие цели.

— Земли нет, воды — лишней капли нет. Хлопок — вот главное в нашей жизни... И вы поймите меня, то-

варищи колхозники. Я — солдат партии, что поручит мне партия, то я и буду выполнять! — горячо заключил он свою речь и ударил себя кулаком в грудь.

— Чего ты все кричишь — план, хлопок! — рывком поднялся Бутавай. — Кто сеет хлопок? Вот они — колхозники! Кто его выращивает под палящими лучами солнца? Опять же они — простые труженики. Кто его собирает руками в дождь, снег, а иногда в мороз? Они! А не ты!.. Партия, говоришь, велит тебе! Ты партию не трогай — голос Бутавай гремел под одобрительный гул колхозников. — Партия никогда не будет возражать против зажиточной жизни людей! И ты партию не приплетай. Мы, коммунисты, шли на смерть, чтобы наши люди никогда не стали рабами, никогда не испытывали голода и холода, жили в достатке и благополучии...

Бутаваю стало душно — дала о себе знать контузия. Он рванул ворот гимнастерки так, что пуговицы посыпались на пол. Тяжело дыша, в наступившей тишине, он прошел к открытому окну и сел на подоконник, устремив задумчивый взгляд куда-то вдаль.

Председатель, бледный, опустив глаза, молчал.

В большом школьном зале, где проходило общее собрание, стояла тишина.

Вдруг из передних рядов поднялся парень богатырского сложения — под стать Бутаваю. Он подошел к столу президиума и попросил слова. К трибуне не прошел, а начал говорить прямо здесь же, перед столом президиума, повернувшись к нему спиной. Это был Рустам, колхозный табельщик.

— Председателю стоит внимательно вдуматься в эту мысль, — он указал на лозунг, висевший на портале сцены.

Все дружно подняли головы, и многие вслух прочли: «Народ и партия едины!»

— Что означают эти слова? — продолжал Рустам. — Они означают, что народ и партия мыслят всегда и во всем одинаково. А вы отрываете партию от народа. Думы партии — думы народа, желание народа — желание партии, об этих священных истинах нам не следует никогда забывать...

Председатель понимал, что обстановка накалена до предела. Он чувствовал, что подорвал свой авторитет основательно.

— Все же, прежде чем принять решение, не поме-

шает лишний раз посоветоваться с авторитетными людьми в районе, — начал было он примирительно.

Но его оборвал чей-то насмешливый голос из зала:

— А надо ли по этому поводу советоваться? Земля наша, вода наша...

Снова заговорил Рустам:

— Мы делаем что-то неправильно? Какое разрешение мы должны просить в районе? При таком положении мы скоро начнем просить у районного начальства разрешение на изготовление рукоятки для кетменя. Посмотрите на садоводство и виноградарство с точки зрения экономики, рентабельности...

Председатель вскочил как ужаленный.

— Петуху, поющему не вовремя, отрубают голову! — закричал он злобно. — Свои познания в экономике покажи в другом месте. Тоже мне... экономист!

Прошло три года. Оказывается, петух прокричал вовремя. Рустама колхозники избрали секретарем партийной организации. Да и сады зеленеют, обильно плодоносят. Ребячьи лица просветлели, нет в их глазах жадного блеска при виде фруктов. Правда, с того памятного собрания Рустама прозвали «Экономистом». В колхозе до того привыкли к этому прозвищу, что стали забывать его настоящее имя. И он смирился с этим. Если в кишлаке какое-то дело долго не решалось и говорили — «Рустам велел разобраться», было маловероятным, что оно сдвинется с места. Но стоило сказать: «Экономист взял это на заметку», — и мгновенно все колесики начинали крутиться-вертеться, а к вечеру докладывали о сделанном...

Бутавай рассказывал «садовую историю», а Назирджан в это время неслышно накрыл дастархан, принося на подносе то крупные спелые помидоры, то огурцы, то разрезанную на ломтики первую дыню этого года. Ризван подала в фарфоровых кашах дымящуюся шурпу с тонким запахом горного тмина. Сафарали слушал Бутаваю, а сам думал о том, как похоже все это на историю с грубым райсом, которую услышал от Расула.

— Шурпа-то остывает... — спохватился хозяин.

Все принялись за угощение. Сафарали все еще был во власти услышанного.

— А председатель сейчас у вас все тот же? — спросил он.

— Нет, другой... Старый не захотел оставаться. Он многое понял, пересмотрел, передумал. Да и районное

начальство не могло простить ему самоуправства... ведь он без согласия отвел часть хорошей земли под сады и виноградники. Что было? Хочешь знать? На бюро райкома партии ему вклеили выговор с занесением в учетную карточку. Нет, нет, валовой сбор хлопка не снижался, подняли урожайность. Однако председатель не выдержал. Написал заявление. Мы не хотели освобождать, узнали ближе — оказался крепким мужиком. Но другого выхода не было, мы поняли: не оставят его в покое, слишком самостоятельным стал. Проводили мы его с почетом, — вздохнул с сожалением Бутавай. — Избрали вместо него местного, молодого агронома. Друга Экономиста, — кивнул он на Рустама. — Второй секретарь райкома не хотел, но мы уперлись и настояли на своем.

— Не всегда понимали мы старого председателя, вешали всех собак на него, — вступил в разговор Рустам. — Вот, к примеру, среди секретарей нашего райкома есть ли такие, кто хоть немного поработал председателем колхоза или директором совхоза? А ведь они судят о наших делах и принимают самые серьезные решения... Кто такой председатель? Председатель — это и агроном, и ирригатор, и строитель, и, наконец, — отец родной людям, живущим на этой земле! Пока я сам не столкнулся с теми проблемами, с которыми старый председатель жил не один год, не понял его... Вы вот объясните мне, почему председатель колхоза редко выходит в первые секретари райкома, а те — в секретари обкома и так далее? Ведь человек, который пройдет такой путь, будет иметь точное представление о тружениках села, их проблемах, заботах. Но самое главное — будет знать землю.

— Ну ты загнул! Где возьмешь таких идеальных руководителей? — захохотал Бутавай.

Рустам смутился, бросил недовольный взгляд на Бутаваю.

— Он правильно говорит! Молодой, но многое понимает, — поддержал Рустама старый Умурзак. — Полгода назад сменился очередной секретарь райкома партии нашего района. За семь лет это — четвертый. А что изменилось? Ровным счетом ничего. Как был хлопок нерентабельным, так и остался. Как не было у людей доходов, так и нет. Живут за счет приусадебных участков... Что у нас в последние годы происходит? Объясните, может, я чего-то не понимаю! Приходит новый

секретарь райкома — и сразу же сажает на руководящие должности своих родственников, друзей, земляков; другой его сменяет — обновляет и должности... Не смотрят — честный ли, деловой ли. Прикрывают свои действия лозунгом — освежить кадры. Встретил я недавно Юлдаша, ну, знаете, того, что был председателем соседнего колхоза «Большевик». Освободили его от должности. Спрашиваю: за что же? За то, отвечает, что назначил меня в свое время уволенный ныне секретарь. Юлдаш, говорю, но ведь ты честно работал. Колхоз твой был хоть и небогатым, но крепким. Так, оказывается, и это ему в вину поставили — середнячок, а надо быть передовым. Теперь председателем «Большевика» назначили племянника жены первого секретаря райкома...

— А что же народ? — не веря словам Умурзак, спросил Бутавай.

— Народ и не спрашивали... — У них коммунистов-то на весь колхоз всего пять человек, двое из них инвалиды войны, из дома не выходят... Нам повезло, половина наших парней возвратились живыми, — сказал дрогнувшим голосом Умурзак. — Они не допустили нарушений...

— Ничего, отец! Мы еще так заживем! Построим дома из жженого кирпича, будет радио, собственная больница, аптека. Улицы, как в городе, заасфальтируем! — уверенно сказал Бутавай.

Рустам, кивнув на Сафарали, сидящего с отрешенным видом, — покрутил указательным пальцем у виска, будто говоря Бутаваю — у тебя все дома? Не видишь, заговорили человека!

Сафарали давно ничего не слышал, все его думы были там, в Фергане. Он уже давно мысленно беседовал с Расулом. Ингитали... Из всего, что слышал здесь, он вынес одно — Расул одинок! Нет у него опоры! Если бы вокруг него были такие люди, как Бутавай, Рустам, старый Умурзак, давно одолели бы они Назара.

— Ох, как Расул одинок! — воскликнул Сафарали, когда почувствовал, что все взгляды обращены на него.

— Как, ты и с Расулом виделся? — радостно воскликнул Бутавай.

— Живет, дышит ферганским воздухом... чаман ичра. И Сафарали словно прорвало, торопясь, спеша, будто опасаясь, что перебыют, не поймут, он выложил все,

что слышал и видел в Фергане, у Расула. Ничего не утаил...

Рустам, молча слушавший гостя, подумал: «Нам сравнительно легко удалось разрешить свои проблемы, не то что ферганским друзьям Бутавае».

Сын Бутавае пригласил всех во двор. Гости, уже несколько притомившиеся сидеть за дастарханом, охотно приняли приглашение.

Вокруг широкого сури благоухали только что политые цветы. В воздухе перемешались запахи райхана, чебреца, аромата, исходящего от зажаренного молодого барашка. Вдыхая чистый, свежий воздух, они наслаждались благодатной тишиной вечерних сумерек.

— Теперь, с вашего позволения, я пойду домой, — сказал старый Умурзак, — пора мне отправляться на бахчу. А знаете что? — оживился Умурзак-ата. — Приходите ко мне на бахчу с ночевкой. Шалаш стоит высоко, на берегу дарьи... Какая красота кругом! Дух захватывает! Особенно на утренней зорьке...

— Пойдем? — повернулся Бутавай к Сафарали и, не дожидаясь согласия друга, сказал: — Придем, ата, попозже придем.

Старик ушел довольный, что его уважили.

7

Сафарали с Бутаваем лежали на спине возле шалаша, смотрели на россыпь звезд в высоком небе и вполголоса разговаривали. Внизу шумела река, легкий ветерок приносил из тугаев сладковатый запах цветущей джиды, в зарослях камыша слышались крики фазанов и авдотки, а совсем близко, на бахче, перепела, соблюдая очередность, советовали — «спать пора!» Но они ничего этого не замечали.

— Так вот как обстоят дела!

— Да... так.

— А Мухаббат известно обо всем этом?

— Не знает... ничего не знает, — почти простонал Сафарали. — Хочу посоветоваться с тобой...

Бутавай долго молчал.

— Проклятая война! — со злостью сказал он наконец. — Сколько погубила жизней! Разлучила отца с

сыном, дитя с матерью, а сколько несчастных скитаются по белому свету...

Сафарали, прикусив губы, слушал.

— Не помню, говорил ли тебе, — продолжал Бутавай, — полюбил я Ризван еще до войны. Ну, и она была ко мне равнодушна. Помнишь, под Винницей попали под бомбежку? Меня тяжело ранило, ну и поспешили тогда, похоронку послали домой. Получив «черное письмо», родители отдали ее замуж в соседний кишлак, за Азимджана... Я не был знаком с ним. Спустя полгода все узнали, что я жив. Я сам из госпиталей написал письмо. Потом взяли на фронт Азимджана... Он погиб, Ризван осталась беременной... родила Назирджана. В сорок пятом, демобилизовавшись, я женился на ней. И, как видишь, друг, неплохо живем. У нас еще двое сыновей, одна дочь... Тоже непростая история, много пережили и я, и Ризван. Еще труднее тебе, ведь распутать клубок спустя пятнадцать лет не так-то просто! Но в этом нет твоей вины, друг, война виновата! Да, да — война!

— Что же мне теперь делать? — спросил Сафарали, приподняв голову. — Что посоветуешь?

— Ну, прежде всего, — сказал Бутавай, не отрывая взгляда от Полярной звезды, — зря ты сразу не показал письмо Мухаббат. Думаю, она сумела бы все понять, сам же говоришь, натерпелась она сиротой, а такие люди быстро взрослеют, становятся мудрыми не по летам... Кроме того, ждете ребенка. Галя-ханум даст согласие, Олеся приедет... Скажу тебе, у малыша будет старшая сестра, а у Мухаббат — верная подруга, товарищ. Говоришь, дочь с трудом нашла тебя. Значит, она тебя любит! Потому и разыскала. Во всяком случае, она — твое дитя! Родное...

— Верно говоришь, — сказал Сафарали, воспрянув духом. — Мне и самому приходила в голову мысль — поехать за ней...

— Надо тебе посоветоваться. Первым делом с Мухаббат... С Галей, с отчимом Олеси — тоже.

— О, если бы приехала! — воскликнул Сафарали. Бутавай похлопал друга по плечу.

— Все будет хорошо. Только предупреждаю, — пошутил он, — Олесю отдашь нам, у тебя такая красавица дочь, а я что, на стороне буду искать невесту? — И уже серьезно заключил: — Верю, все будет хорошо. А теперь — спи.

Но не так-то просто было уснуть. Сафарали был весь во власти светлых мечтаний. Дочь его — совсем взрослая, еще два-три года — невеста. А и правда, чем Назирджан не жених, он, Сафарали, будет счастлив породниться с таким человеком, как Бутавай, — за честь почтет. Уже в полудреме увидел он себя молодым, в степях Украины, в садах Винницы...

Сафарали проснулся, когда лучи солнца заиграли на серебристой листве пирамидальных тополей. Уже работал дизельный насос, подавая воду из реки в неширокий канал. Бутавай, вытирая паклей замасленные руки, прислушивался к работе движка и смотрел на край поля, где старый Умурзак кетменем направлял воду в сухие борозды. От буйной зелени рябило в глазах: упругие изумрудные плети с широкими листьями, на которых алмазными россыпями сверкали капли утренней росы, казалось, заплели все вокруг. Такое впечатление, что на землю бросили зеленый бархатный ковер...

Хотя бахча находилась далеко от кишлака, здесь было довольно шумно от гула насоса, гомона множества разных птиц.

Увидев, что друг уже на ногах, Бутавай подошел, улыбаясь, спросил:

— Ну как, Сафарали, хорошо спалось на вольном воздухе?

— Что ж ты не разбудил меня... на зорьке, — проворчал Сафарали. Он был бледен, осунулся.

«Кумыс подействовал», — подумал про себя Бутавай, а вслух сказал, все так же улыбаясь:

— Пойдем-ка к реке. Я там сеть поставил. Может, повезет, на твоё счастье рыбку выловим! Там и умоешься...

Сафарали пошел следом за Бутаваем, рассматривая по пути главный арык, снабжавший всю бахчу водой, ярко-красный новенький насос марки «Андижанец», гнавший по шлангу большого диаметра воду снизу, с реки. Отойдя по берегу на приличное расстояние от того места, где был насос, они остановились у плотных зарослей камыша.

— Раздевайся, здесь нас никто не увидит, — сказал Бутавай.

Сафарали сначала ополоснул лицо студеной речной водой, потом разделся.

Осторожно ступая, они вошли по пояс в воду, весело вскрикивая от обжигающих холодом игл.

Когда они начали выбирать сеть, послышался треск мотоцикла.

— Дада, — закричал, подкатив, Назирджан, — я нищу вас.

— Э, да это же наш жених! — расплылся в улыбке Бутавай. — Что его принесло? Он должен быть в школе.

— Дядя Сафарали! — размахивал Назирджан листком бумаги. — Телеграмма!..

— Телеграмма?! — удивился Сафарали и направился к берегу.

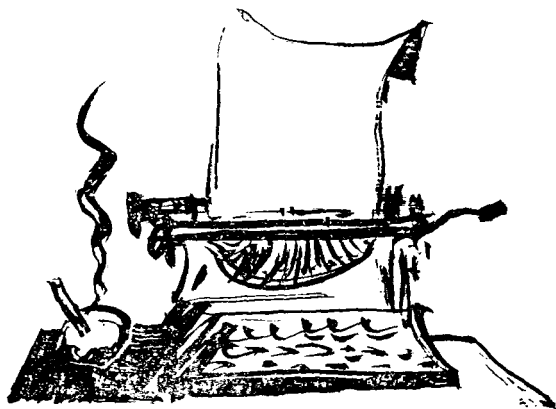
Торопливо взяв телеграмму из рук Назирджана, он одним взглядом охватил ее содержание: «Ребенок родился мертвым. Мухаббат уже поправляется. Не беспокойтесь. Хабиба».

Сафарали как стоял одной ногой в воде, а другой — на берегу, так и застыл на месте. Затем, что-то вспомнив, взял пиджак, лежавший на траве, порылся во внутреннем кармане и вытащил конверт. Взглянул на него и все понял. «Эх, дурная голова! Как же ты мог перепутать письмо Олеси с письмом Буты?!» И вот... Мухаббат прочла то письмо... У него задрожали руки, по телу пробежал озноб. Он не поговорил с Мухаббат, не подготовил ее...

Видя состояние друга, Бутавай решил, что не имеет права отпустить его домой одного.

Когда они, уложив вещи и гостинцы в корзины и сумки, приехали на железнодорожную станцию, солнце уже стояло в зените, подобно чреву тандыра, превращающему саксаул в жаркие уголья, оно норовило расплавить весь мир.

Сафарали, осунувшийся и постаревший за каких-то несколько часов, стоял на краю перрона и смотрел невидящим взглядом вдаль, туда, куда уходили рельсы. Его мучила одна-единственная мысль, он задавал себе один-единственный вопрос — за что?!

ПОДАРОК

Вот и подходит к концу мое пребывание в Алматы. Только что я вернулся в гостиницу с прекрасного Медео, расположенного в самом сердце Заилийского Алатау, где чудно провел время в тесном кругу своих сверстников — молодых казахских писателей — и теперь с наслаждением плюхнулся в мягкое кресло. «Итак, завтра домой. Билет на самолет — в кармане, с друзьями попрощался, осталось лишь уложить вещички в чемодан и, кажется, все...»

Когда я думал об этом, неожиданно зазвонил телефон. Я снял трубку:

— Алло!

— Ай, Насыр, это ты? — послышался в трубке хрипловатый голос.

Я сразу узнал его:

— Я, Сабит-ага!

— Ай, Рыжик, ну, где тебя носит?! Который раз уж звоню...

— В горы с ребятами ездил...

— Ладно, а теперь приходи к нам.

Сказать по правде, я очень устал и идти мне никуда не хотелось. Но и аксакалу никак нельзя было отказать. И все же я было попытался:

— Устал я очень, Сабит-ага, собирался отдохнуть немножко, — начал я несмело. — Что-нибудь срочное?..

— Джигит ты или нет, и не стыдно тебе говорить об усталости?! — сказал он. Голос его при этом стал чуть выше. — Немедленно приходи! Твоя тетя Марьям наготовила мяса, ждет тебя!

— Хорошо, хорошо, иду... — поспешно сказал я.

В голосе Сабита-ага мне послышался укор. Я осторожно положил трубку. «Гляди-ка, даже в словах, произнесенных с укоризной, сквозит доброта! Ничего не попишешь, надо идти, — сказал я себе. — Да неужто ж не успею собраться? Немного одежды да книги казахских друзей — подарок на память. Вернусь и суну все в чемодан. Минутное дело».

Когда я вышел на улицу, было уже часов семь. Пятачок перед гостиницей «Алма-Ата» — самое красивое, самое бойкое место в городе. Стоял прохладный вечер и было особенно оживленно.

...И вот я уже на улице Мукана Толебаева, у дома, где жил Сабит-ага. Поднявшись на второй этаж, я нажал кнопку звонка на двухстворчатой двери, обитой дерматином. Дверь мне открыла Марьям-апа, жена Сабита-ага. Она, видимо, вышла прямо из кухни: на ней был передник, щеки покраснелись от кухонного жара.

— А, Рыжик, дорогой, проходи... — Она отступила в сторонку, освобождая проход и, обернувшись, сказала: — Сабит, пришел твой Рыжик!

Я вошел в коридор и поздоровался:

— Салам алейкум!

— Ваалейкум... — Из кабинета вышел Сабит-ага. На нем была полосатая пижама, на голове черная бархатная тюбетейка. Вероятно, он работал. — Ну как, Рыжик, не скучал ты здесь? Да что это я, разве эти твои шайтаны дадут поскучать! Проходи-ка в гостиную, садись на диван. Да, и сперва хорошенько потопчи шкуру, что лежит там, я потом расскажу тебе про нее. А я сейчас... ,

С этими словами Сабит-ага снова скрылся в кабинете, а я прошел в гостиную, осторожно присел на диван и стал невольно разглядывать шкуру, которая лежала у меня под ногами. Это была шкура громадного медведя с длинной, в пядь, шерстью, и казалось, будто он живой, просто растопырил лапы, положил голову на ковер и спит. «Обыкновенная медвежья шкура. И отчего это Сабит-ага велел мне как следует потоптать ее? Видать, за этим что-то кроется», — думал я про себя. В ожидании хозяина я стал рассматривать комнату: большой зал с огромным столом посередине, накрытым зеленым сукном, вокруг стола — стулья. Паркетный пол начищен до блеска. По стенам висели фотографии, картины, на серванте стояли вазы, статуэтки и другие сувениры, отчего комната напоминала музейный зал. Это были подарки на шестидесятилетие Сабита-ага. Я тихонько встал с дивана и принялся рассматривать фотографии, картины. Почти на всех был запечатлен хозяин дома. Особенно мне понравился его портрет, вышитый шелком. На нем Сабит-ага был как живой: в шерстяном казахском чекмене, на голове соболий тельпак, глаза чуть сощурены, улыбаются чуть лукаво. «Настоящее произведение искусства! — подумал я. — Не знаю, что за мастер сотворил его, но пусть глаз у него будет всегда столь же верным!»

Разглядывая эти фотографии, картины, другие подарки и от солидных организаций, и от простых читателей, я невольно почувствовал гордость, гордость за то, каким уважением, каким почетом, какой любовью пользуется этот выдающийся писатель у своего народа!

В этот момент в комнату вошел Сабит-ага и, положив мне руку на плечо, сказал:

— Пойдем, Рыжик, ужин готов.

Мы прошли в столовую. За окном было уже совсем темно, а здесь ярко горела хрустальная люстра. Мы сели за стол, ломившийся от множества вкусных вещей. Из кухни пришла Марьям-апа и шутливо сказала:

— Этот Рыжик с самого приезда даже не зашел ни разу. Видать, девушкам был занят, к чему ему такая старуха, как я.

— Верно, дорогая, — лукаво засмеялся Сабит-ага.

Вероятно, я немного покраснел от этих слов.

— Да не красней, Рыжик, угощайся лучше, — сказала Марьям-апа, — а я сейчас принесу горячее.

Через несколько минут Марьям-апа принесла дымящийся ляган аппетитного бешбармака...

После ужина я попросил разрешения уйти, сославшись на то, что завтра мне лететь в Ташкент, а я еще не уложился.

— Когда у тебя самолет? — спросил Сабит-ага.

— В двенадцать дня.

— О-го, — произнес Сабит-ага в растяжку. — Да у тебя, оказывается, еще уйма времени. Оставайся, у нас переночуешь.

— А может, Рыжик пригласил сегодня к себе какую-нибудь девушку, — снова пошутила Марьям-апа.

Я просто не мог отказать Сабиту-ага и остался на ночь. Мы еще долго сидели и разговаривали о разном. Время от времени я невольно вспоминал те странные слова Сабита-ага «сперва потопчи как следует шкуру...», но все никак не решался напомнить ему об этом. Был поздний вечер, когда Сабит-ага наконец поднялся с места.

— Послушай, Рыжик, есть у меня привычка прогуливаться перед сном. Если желаешь, пойдем со мной, а нет, так ложись на диван и спи, — сказал он, взяв стоявшую в углу палку с рукояткой в форме топорика.

— Конечно, я с вами... — с готовностью сказал я. Да как бы мне ни хотелось спать, разве ж я мог валяться на диване, когда пожилой человек предлагает прогуляться? — Пойдемте!

И вот в половине одиннадцатого мы неспешно идем по обсаженной деревьями аллее. Улица Мукана Тoleбаева очень красива, по ней, оказывается, транспорт не ходит, и здесь всегда тихо, спокойно. Неоновые светильники разливают молочный свет, там и здесь стоят красивые скамьи со спинками. Уже довольно поздно, и людей почти не видно, только иногда пройдет мимо парочка или любители свежего воздуха сидят на скамейке, беседуют. Журчание воды в бетонированных арчыках приятно ласкает слух.

Дойдя до конца улицы, мы повернули назад. От дома Сабита-ага это километра два. По его словам, каждый день перед сном он совершает подобную прогулку. Отличная привычка! Вот бы взять ее на вооружение, да все что-то мешает...

Когда мы прошли уже полпути, мне вдруг опять вспомнилась шкура огромного медведя. «Может, спро-

снить о ней, сейчас как раз самое подходящее время», — подумал я.

— Сабит-ага, знаете, у меня никак не идет из головы та шкура...

Услышав про шкуру, Сабит-ага внезапно остановился, помолчал немного, видимо, собираясь с мыслями, огляделся. Затем, заметив скамейку под деревом, сказал:

— Пойдем присядем...

Когда мы сели на скамейку, он начал свой рассказ:

— Шкура эта...

* * *

...Удивительно хорошо бывает на джайлау¹ Учкудук по вечерам. А днем, напротив, как говорят, птица пролетит, крылья опалит, тулпар² проскачет, копыта обожжет. Может, оттого, что джайлау это расположено среди песков или по иной какой причине, а может, просто такова природа этих мест, только зной и прохлада меняются здесь местами, как день с ночью.

Утомленные изнуряющей дневной жарой овцы блаженствуют сейчас в загоне, сплетенном из ветвей и прутьев, лежат вповалку, положив головы друг на дружку. Глубокую тишину степи нарушают лишь редкий собачий лай за загонем да трескотня кузнечиков. Над черной плоской землей светлое небо. Отчего-то кажется, что звезды сегодня горят ярче обычного. Молодой чабан Донан лежит навзничь на низком самодельном сури у края загона и пристально глядится в мерцающие над ним звезды, погруженный в глубокое раздумие. На душе у него тяжело. Неподалеку от загона чернеют две юрты: одна — дяди его, Бекмурада-ага, а вторая — его собственная. Вот уже недели две как он не заходит в свою юрту; страшно ему заходить туда. Вот и лежит он по ночам на этом сури. А почему? Об этом знает он один, и эти две недели думать ни о чем другом не может. Думает, думает, тяжело вздыхает, плачет, скрывая слезы от дяди и жены его в этом укромном месте...

Сегодня завфермой Буранбай-ага привез из района

¹ Летовка, пастбище в горах.

² Сказочный крылатый конь.

последние новости и свежие газеты. Среди новостей была и такая: администрация совхоза по просьбе местных чабанов решила выделить в их распоряжение один мотоцикл с коляской. «Вон оно как, — думал Донан, — всегда одно и то же. Пока не стряется какая беда, ничего у них не допросишься. Эх, кабы тогда был этот мотоцикл. А теперь пускай подавятся им! Да чего уж там говорить, дело прошлое!» А газеты писали о том, что в связи со своим шестидесятилетием в район приезжает известный писатель Сабит Муканов. В областной газете была напечатана большая статья о нем одного местного писателя, с фотографией. Сообщалось, что приедет он завтра и по этому случаю состоятся большие торжества. Буранбай-ага рассказал, что руководство района решило провести встречу с писателем прямо на главной площади райцентра, опасаясь, что все желающие встретиться с ним не уместятся в небольшом клубе. «И правильно решило, — думал Донан, все так же лежа на спине, — конечно же, не уместятся, раз приезжает такой большой писатель... Э-эх... моя Калдыргач, как ты, бедняжка, любила читать книги Сабита Муканова. Особенно роман «Бутакуз», из рук его не выпускала, герои его стали для тебя родными... И вот, родная, завтра твой любимый Сабит Муканов приезжает в гости в наш район... А где же ты?! — У Донана ком подступил к горлу, и он долго лежал молча... Затем, видно, вспомнил о чем-то и слабо улыбнулся. — А помнишь, что ты сказала однажды мне? Я этого никогда не забуду. Была полночь, ты чувствовала, как внутри тебя толкается наше будущее дитя, и теснее льнула к моей груди. Я тоже был пьян от счастья. И хотя в юрте, кроме нас с тобой, никого не было, ты шептала мне на ухо, словно кто-то может услышать: «Донан-ага, если у нас родится дочь, назовем ее Бутакуз, а если сын — то Аскар¹». И тогда я осторожно прижал тебя к своей груди, выражая этим свое согласие...»

Только что сиявшие над Донаном звезды сперва как бы вспыхнули и затем стали медленно гаснуть, — по лицу его струились горячие слезы. Не в силах превозмочь свою слабость, он повернулся ничком на медвежьей шкуре, которая была расстелена на сури, и дол-

¹ Герои романа казахского писателя Сабита Муканова «Бутакуз».

го лежал так, крепко сжимая руками длинную шерсть, плечи его вздрагивали...

— Ой, Донан, спишь, что ли?!

Голос, произнесший это, заставил Донана рывком сесть на сури. Дядя его, Бекмурад-ага, стоял над ним с зажженным фонарем. Он поднял фонарь повыше и пристально уставился на Донана.

— Ие, глупый, это еще что такое? А ну, вытри глаза! Нашел из-за чего плакать! Ладно, езжай... Один день я и сам присмотрю за овцами. Но только вечером чтоб вернулся.

— Ладно, — сказал Донан, еле сдержав улыбку.

— Пусть будет так, — повторил дядя и направился в конец загона поглядеть на овец.

Когда он ушел, Донан криво усмехнулся: «Да где уж ему понять мое горе! Гляди-ка, как разжалобился. Но раз уж разрешил, схожу я, Калдиргач, погляжу, и за тебя тоже...»

А дело было в том, что, когда завфермой Буранбай-ага привез эту радостную весть о приезде в район Сабита Муканова, Донан попросил у дяди отпустить его в райцентр, но тот под разными предлогами отказал ему. А вот теперь, видно, увидел его в таком состоянии, разжалобился и разрешил.

Бекмурад-ага сдержал свое слово. Первое, что увидел Донан, когда встал утром, была уже оседланная гнедая кобыла с белой отметиной на лбу.

— Ага, лошадь мне не нужна, пешком дойду. Мне ведь не привыкать, — сказал он дяде.

В словах его сквозил неприкрытый намек. Бекмурад-ага сразу же понял его и хмуро взглянул на племянника, но промолчал. Донан и сам понял, что вышло нехорошо, однако прощения просить побоялся, дабы не портить смягчившихся отношений и тоже стоял молча. Наконец Бекмурад-ага, сказав про себя «астагфирулла»¹, пробурчал:

— Собрался протопать пешком тридцать пять верст!? Болван!

Получив ночью разрешение Бекмурада-ага, Донан не сомкнул глаз до самого утра, все думал. А думал он о том, что же ему подарить писателю. В самом деле, разве ж можно идти к такому знаменитому человеку с пустыми руками? Ведь его так любила Калдиргач! Нет, нужно обязательно подарить что-нибудь. Но что? Что

¹ Боже, сохрани!

бы подарить такое, чтобы душа Калдиргач возрадовалась? Что?..

Думая об этом до рассвета, он в конце концов решил, что подарит медвежью шкуру. Он быстро встал с сури и свернул шкуру. Затем сложил ее вдвое и сунил в кенафный мешок. Подумав о том, как бы мешок не увидел Бекмурад-ага и не воспротивился бы, Донан спрятал его в укромном месте.

Поблагодарив Бекмурада-ага, Донан сел на кобылу, подъехал к тому месту, где был спрятан мешок, аккуратно закинул его в хурджун и отправился в путь.

Да, в такую жару и верхом проехать тридцать пять верст дело вовсе не шуточное: лошадь вся взмокла и всадник утомился. Таким вот образом Донан доехал до райцентра и увидел на центральной площади большую толпу народа. «Началось уже!» — мелькнуло у него в голове. Понукая лошадь, он подъехал к толпе, но, увидев, что, кроме него, тут нет ни одного человека верхом, засмутился. Он отъехал в сторонку и остановился у ворот какой-то усадьбы. Привязал кобылу к телеграфному столбу, торчавшему возле ворот, даже не подумав, можно ли. Затем вынул из хурджуна мешок со шкурой и снова пошел к толпе...

В жизни Донан не видел столь торжественного собрания, он даже рот раскрыл от изумления. Ему доводилось и прежде бывать на этой площади, он приезжал сюда с совхозными школьниками по праздникам. А в год окончания десятого класса он прошел 1-го Мая мимо этой большой деревянной трибуны рядом с Калдиргач. Ряды демонстрантов с флагами и транспарантами проходили мимо трибуны, а руководители района, стоя на ней, приветственно махали им руками, время от времени кто-то громко выкрикивал с трибуны очередной лозунг, и его концовка утопала в громких криках «Ур-ра!». Нет, сегодня все было по-другому. Среди руководителей, знатных людей района на трибуне был любимый писатель Сабит Муканов. Донан смотрел лишь на него: он выглядел почти так же, как на одной фотографии в какой-то своей книге. Только на фотографии он был посерьезнее да и одет иначе, в черный костюм с галстуком, на левом лацкане пиджака — депутатский значок. А сейчас на нем был легкий белый шелковый халат, на голове красовалась зеленая бархатная тубетейка. С довольным выражением на лице смотрел он не на бойкого оратора на трибуне, а на лю-

дей, пришедших в такую жару из уважения к нему, молча ловящих каждое слово выступающего. Вот он сказал что-то забавное и тут же раздался взрыв хохота, а за ним грянули аплодисменты. И Сабит-ага тоже смеялся удачной шутке, сотрясаясь всем своим дородным телом.

Какая-то непонятная сила толкала Донана вперед, и он стал пробираться сквозь толпу к трибуне. Неуклюжий мешок, который он держал в руке, задевал людей, и иные хмуро поглядывали на него, словно говоря: «Из каких тугаев явился этот неотесанный казах?!» Когда он уже дошел до первого ряда, кто-то легко дернул его за рукав и прошипел:

— Ну, что ты за человек, ступай назад!

Донан разозлился. Что он за человек? Да самый обыкновенный! Тоже мне нашелся! Вдруг он заметил, что Сабит-ага пристально разглядывает его, и в глазах его при этом сквозит теплота и сердечность. Чувства эти невольно передались и Донану. А Сабит-ага по-прежнему не сводил с него глаз. Быть может, этот молодой чабан напомнил ему его собственную молодость, те далекие времена, когда он сам был чабаном, сиротой. Похоже на то, иначе отчего же он улыбается, почему не отводит взгляд?

Подумав об этом, Донан украдкой оглядел себя. Вот тебе на! Гляди-ка, в чем явился! В том, в чем овец пасти! Бестолочь, ведь новенький черный свадебный костюм, белоснежная нейлоновая сорочка с галстуком все еще висят в юрте, обернутые марлей. Бекмурад-ага-то ладно! А вот жена его, Улбика, она-то почему не напомнила?! Да, в таких делах Калдиргач была внимательной. Если он собирался пойти куда-нибудь, она всегда заставляла его надеть чистую одежду, а если он упрявился, все равно заставляла, бедняжка. Ему стало обидно до слез. Щеки у него пылали то ли от жары, то ли от стыда. Он уже собрался было уйти, как тот, кто дернул его за рукав, резко бросил ему:

— Ну, чего ты торчишь здесь? Есть ли в тебе хоть капелька культуры?!

Донан пристально глянул в лицо этому неприятному типу, который с виду был ему ровесником. Эх, сказал бы он такое не здесь, а на джайлау, он бы непременно смазал бы ему по физиономии.

— Нет, ты один здесь культурный! — только и сказал Донан и отвернулся.

А парень, услышав эти слова Донана, выпучил глаза от изумления. Донан отошел к группке людей, сидевших на корточках с краю, положил мешок на землю и сел на него. И опять ему показалось, будто Сабита-ага снова смотрит на него. Да нет, это ему только показалось. Ведь до трибуны было далеко, и разве ж можно было узнать, смотрит он на него или нет. Он пристально взгляделся в Сабита-ага. И все-таки смотрит!

Донан пришел в себя от бурных рукоплесканий. Сабит-ага, с черной палкой в руке, медленно вышел вперед. Первый секретарь райкома накинул ему на плечи алый бархатный халат, расшитый золотом на плечах и полах, а затем надел на голову тубетейку того же цвета... Среди поднявшегося при этом гомона слов первого секретаря не было слышно; люди, не скрывая радости и волнения, криками и восклицаниями выражали свои чувства, и торжественный митинг стал походить на базар. Кончив речь, первый секретарь хотел было обнять и расцеловать юбиляра, но не смог обхватить его. И опять раздался взрыв хохота. Он снова что-то сказал. И хотя природа наградила его зычным голосом, слов его все равно не было слышно. Однако всем и так было все ясно. Вот он жестом указал Сабиту-ага куда-то в сторону и вручил ему камчу. И снова со всех сторон раздалась возгласы, рукоплескания. Донан тоже взглянул туда, куда указывал первый секретарь и увидел там двух парней (один из них был тот самый, который обвинил Донана в бескультурьи), державших под уздцы скакуна. Ну, прямо вылитый тулпар! Того и гляди взмоет в небеса!

Сабит-ага медленно подошел к скакуну. Парни взяли его под руки и помогли взобраться на него. Сабит-ага поднял вверх камчу. Шум на площади вдруг стих. Ловкие фотографы щелкали его своими аппаратами со всех сторон. Были здесь и киношники. Один из них, сощурив глаз, бегал вокруг скакуна, стрекоча своим киноаппаратом. «Вот это подарок так подарок! Вот где любовь и уважение! Эх, не был бы я таким болваном, разве б осмелился привезти такому знаменитому писателю какую-то грязную шкуру в подарок?!» Донану стало стыдно от этих мыслей и, покраснев, он стал осторожно протискиваться сквозь толпу, чтобы уйти, как вдруг в ушах его словно зазвучал голос Калдиргач: «Остановись, Донан, не стыдись, вручи свой подарок!» Он невольно остановился и оглянулся. Глядит, а того

скакуна уже привязали в сторонке, люди поднялись с мест, похоже, встреча закончилась. Но народ не спешил расходиться, видимо, люди, хотели поближе поглядеть на Сабита-ага и стояли в ожидании чего-то. В этот момент кто-то осторожно тронул его за локоть. Донан обернулся и опять увидел возле себя того сердитого парня.

— Ну, чего еще надо-то? — грубо спросил его Донан.

— Пойдем, тебя Сабит-ага спрашивает.

У Донана мурашки пробежали по телу.

— Зачем издеваешься?!

— Да пошли же, он ждет, — улыбнулся парень. — Ну, что ты все-таки за человек!..

— Он же совсем не знает меня.

— Я тут при чем. Сказал, позови вон того парня с мешком.

Веря и не веря, Донан двинулся к трибуне.

— Может, оставишь свой мешок здесь? — спросил парень.

Донан только хмуро взглянул на него и молча продолжал идти. А Сабита-ага окружило тесное кольцо людей, в основном это была молодежь, и подойти к нему было невозможно. Руководители района стояли в сторонке, оживленно разговаривая явно с приезжими людьми. Это, должно быть, были писатели и поэты, приехавшие вместе с Сабитом-ага из столицы! Сабит-ага тем временем ставил автографы на книгах, которые принесли с собой люди. Подойдя к этому плотному кольцу, Донан остановился, а парень тихонько протиснулся к Сабиту-ага и что-то шепнул ему. Сабит-ага посмотрел в сторону Донана и сделал знак, мол, погоди немного. Это, видимо, означало: «Вот кончу раздавать автографы — и поговорим».

Через некоторое время Сабит-ага махнул Донану рукой:

— Сынок, поди сюда.

Не выпуская из рук мешок, стесняясь, Донан подошел к нему. А Сабит-ага глядел на него с улыбкой.

— Ассалам алейкум, — поздоровался Донан.

— Ваалейкум, — ответил Сабит-ага, пристально оглядев Донана с головы до пят. — Я давно тебя приметил... Похоже, у тебя есть какое-то дело ко мне, а, сынок?

«Ой, да откуда же он узнал? — мелькнуло в голове

у Донана. — Да ведь он же писатель. Видно, верно говорят, будто писатели сразу узнают, что творится у человека на душе!»

От смущения Донан не мог вымолвить ни слова, и тогда Сабит-ага пришел ему на помощь.

— Откуда ты, сынок? — спросил он.

— Из Учкудука.

— А работаешь кем?

— Чабан я. Помогаю дяде пасти овец.

— А далеко ли отсюда твой Учкудук?

— Верст-gridцать пять будет.

— Скажи, ты ведь не просто так проделал такой путь?

— В-верно... — слегка заикнувшись, ответил Донан. Затем подумал, что настало время вручить подарок, и, положив мешок перед собой, стал развязывать его. Сабит-ага молча наблюдал за ним. Развязав мешок, Донан с силой выдернул из него шкуру и растелил ее на полу. Шкура была хорошо выдублена, но еще не совсем просохла, и от нее исходил какой-то неприятный запах. — Сабит-ага, это... вам... подарок от меня...

Вдруг откуда ни возьмись рядом с Донаном оказались два человека, видимо, из местного начальства, и напустились на него:

— Эй, парень, ты что здесь творишь?

— И не стыдно тебе?!

Сабит-ага сурово взглянул на них и сказал:

— Прошу вас, оставьте нас, пожалуйста, одних на минутку.

Два чиновника, то и дело оглядываясь, словно желая проглотить глазами опозорившего их парня, отошли подальше. А Сабит-ага с минуту внимательно разглядывал шкуру, а затем подозвал кого-то по имени. Это опять оказался все тот же парень.

— Светик мой, сложи-ка аккуратно эту шкуру, — сказал он ему.

Парень кивнул головой, бросил украдкой хмурый взгляд на Донана, затем брезгливо взял шкуру за край и потащил прочь.

Да, Сабит-ага давно заметил этого молодого чабана, заметил на лице его отражение какого-то сильного душевного волнения, почувствовал, что он хочет что-то сказать ему, и поэтому подозвал его к себе, но он вовсе и не подозревал, что дело кончится таким не-

обычным подарком, и твердо решил узнать, что же за этим кроется. Районное начальство собиралось дать банкет в честь юбиляра, и Сабит-ага должны были сейчас увезти. Он знал об этом, но тем не менее сделал знак ожидавшим, мол, потерпите немного и положил руку на плечо Донану. Они отошли в сторону, чтобы им не мешали, и сели на скамейку. Сабит-ага помолчал немного, размышляя, с чего бы начать разговор. А Донан просто онемел от волнения.

— Ну, рассказывай, сынок, — наконец первым нарушил молчание Сабит-ага. — Отчего ты такой печальный?

— ...

— Давно уже пасешь овец?

— Два года.

— А школу окончил?

— Да, десятилетку. После окончания мы решили остаться в своем совхозе.

— Молодцы. Ты женат?

Вопрос этот, словно соль, растревожил свежую рану в сердце Донана. Кровь прихлынула к его лицу, к горлу подступил комок. Понимая, что если заговорит, то тут же расплачется, он молчал. Сабит-ага не понял, что происходило у парня на душе, подумал, что он просто застеснялся.

— А ты не захватил ее с собой?

— Кого?

— Как «кого»? Жену!

— Ее... ее больше нет...

Сабит-ага удивился, ничего не понимая. Голос его сделался жестче:

— Послушай, парень, что ты такое говоришь? Скажи яснее.

— Тут в двух словах не расскажешь, ага, непонятно будет... А я не отниму у вас времени?

— Рассказывай.

— Хорошо, — согласился Донан, глубоко вздохнув. — Мы с Калдиргач...

...Донан с Калдиргач после окончания школы остались в родном совхозе.

Донан рано лишился родителей и вырос в доме у дяди, Бекмурада-ага. А Бекмурад-ага всю жизнь был

чабаном. Едва кончалась зима и землю пригревало весеннее солнышко, он грузил свои пожитки на арбу и кочевал с одного джайлау на другое, с одного адыра на другой. Это был очень упрямый, строптивый человек, ничего не признававший в жизни, кроме своего занятия. Жена его, Улбика, была женщиной слабовольной и ни в чем не смела перечить мужу. Хорошо зная характер мужа, она всегда соглашалась с ним, повторяя одно и то же: «Ваша правда!» Ежели б была на то воля Бекмурада-ага, то он бы и старшего сына своего Базарбая, и дочь Рукню, живших в совхозе у бабушки и учившихся в школе, перевез бы на джайлау и заставил бы пасти овец! К счастью, не было такой возможности. «Ну, выучатся, должность какую займут, что ли?» — то и дело ворчал он. Как будто люди только для того и учатся...

И вот прошло уж две недели, как очередное упрямство Бекмурада-ага обернулось непоправимой бедой.

Прошлым летом Бекмурад-ага женил своего племянника на Калдиргач. И хотя характер у него был тяжелый, обычан он чтил свято и устроил такой той, что все остались довольны: и родственники, и друзья, не говоря уже о женихе с невестой. Ведь они с седьмого класса полюбили друг друга, дали друг другу обет верности! А сколько бессонных ночей провели в ожидании этого счастливого дня!

Женившись, Донан стал пасти овец вместе с дядей, а Калдиргач вела хозяйство: чистила загон, доила овец. Словом, оказалась она работающей, расторопной...

И вот пару недель назад Улбика заметила, что у Калдиргач приближается время родов. «Нужно взять невестку в район, в больницу, иначе нельзя. Я ведь в жизни не была повитухой... А с помощью знающего доктора она благополучно разродится», — думала Улбика. Она осторожно, тактично поделилась своей мыслью с Калдиргач и уговорила ее согласиться, велела ей не делать тяжелую работу и по возможности вообще ни к чему не прикасаться. А вечером, после ужина, когда Донан с Калдиргач ушли в свою юрту, Улбика осторожно поделилась этой мыслью и с Бекмурадом-ага. Но муж все молчал и она, глядя ему в рот, проговорила:

— Ну, скажите же хоть что-нибудь.

— Какая казахская женщина рожала у дохтира? — проворчал он. — Куда ж она пойдет в такое страдное

время? Того и гляди шерсть надо будет стричь...

— Да ведь не на тысячу же дней? Мулла бола отвезет ее к дохиру и вернется, — чуть не плача возразила Улбика. Она всегда называла Донана «мулла бола». — Вернется и сделает всю работу, какая требуется.

Бекмурад-ага промолчал. И поняв это как знак согласия, Улбика добавила:

— Сделайте одолжение, пусть вам все идет впрок! Не откажите. Пускай отвезет ее на гнедой кобыле.

— Что-о! — услышав о кобыле, взорвался Бекмурад-ага. — Еще чего! Пускай пешком идут, не помрут, молодые еще...

Улбика хорошо знала упрямый нрав мужа — скажет, как отрежет! И ей волей-неволей пришлось проводить молодых в путь на следующий день, когда на землю уже опустилась вечерняя прохлада, дабы невестка не мучилась в зной...

Легко ли прошагать в кромешной тьме по извилистой тропинке, изобилующей спусками и подъемами, тридцать пять верст? А каково это для беременной женщины?! Хорошо еще, что родились они в степи. Нездешнему человеку любой кустик в ночной темноте мог бы показаться волком или чудовищем каким, и сердце его могло бы лопнуть от страха. Но как бы там ни было, дорожные муки сделали и с ними свое дело. Когда они прошли примерно полпути, Калдиргач сильно устала. Кроме того, ее вдруг охватила жажда. То ли от шилпилдока, приготовленного из копченого мяса, который они поели перед дорогой, то ли оттого, что Калдиргач в пути то дело посасывала соленый курт, в горле у нее сильно пересохло. Они присели отдохнуть под громадный куст тамариска. Под кустом было прохладно, от листьев его исходил удивительно приятный запах, вокруг стояла глубокая тишина, а в вышине мерцали яркие звезды.

— Вот бы сейчас пиалу воды...

Донан промолчал. Гляди-ка, то ли из головы вылетело, то ли от гнева на дядю позабыл он взять в дорогу воды.

Они сидели, тесно прислонившись друг к другу. Чувство жажды все усиливалось. Вдруг где-то как будто залаяла собака. Донан прислушался. Ага, вот залаяла вторая. А вот они лают хором. Он поднялся с земли и стал вглядываться в ту сторону, откуда слабо доносил-

ся лай. Он увидел какой-то гускый огонек, а собаки все продолжали беспокойно лаять, и чей-то глухой голос прикрикнул на них: «Ну!»

— Аул! — обрадовался Донан. — Но ведь здесь же никакого аула не было?!

— Значит, переехали, — тоже обрадовалась Калдиргач. — Ты так говоришь, будто не знаешь, что чабаны постоянно кочуют с места на место...

— В самом деле, — сказал Донан. — Послушай, Калдиргач, ты посиди здесь, а я сбегаяю за водой...

— Хорошо, — согласилась Калдиргач.

— Или вместе сходим?

— Нет, иди один. Устала я, отдохну пока.

— Ну, ладно.

Донан быстро пошел на огонек. Но когда он отошел немного, у него отчего-то екнуло сердце, и он, то и дело оглядываясь назад, пытался в темноте разглядеть тот куст тамариска. А впереди мерцал огонек и манил к себе, словно обещая воду, и лай собак становился все ближе. Спотыкаясь, Донан почти бежал, не разбирая дороги, колючие кустарники цеплялись за одежду, порой больно жаля ноги. Теперь совсем близко слышался уже беспокойный говор людей, а собаки, видимо, погнавшись за чем-то, убежали за аул. Донан уже отчетливо стал различать два домика, стоявших впереди, кучку верблюдов, лежащих на земле чуть поодаль; отчего-то тревожно блеяли овцы, сбились в кучу, а люди, собравшиеся перед юртой, что-то обсуждали.

Донан подошел к ним и поздоровался:

— Ассалам алейкум.

Разговор резко оборвался. Люди оторопели при виде Донана — откуда он здесь взялся, с неба упал, что ли? От группы отделился старик с подрагивающей бородкой и протянул Донану руку:

— Ваалейкум... сынок, проходи, — сказал он, не скрывая своего изумления. — Что ты ходишь в такую темень?

— Нужна вода утолить жажду...

И Донан обо всем рассказал им. А люди стояли и смотрели на него, словно говоря: «Да в своем ли ты уме, парень? Отправиться в путь на ночь глядя». В этот момент к старику с бородкой подошел здоровенный пегий пес, подняв хвост, и жалобно, тихо воя, потерялся о полу халата, но затем увидел Донана и оскалил зубы.

— Лежать, Олпар! — крикнул старик. Собака, поджав хвост, ушла за юрту. А старик, повернувшись к Донану, сказал: — Только недавно на скот чуть не напал медведь!

— Медведь?!

— Да. Он еще вчера здесь объявился. Со вчерашнего дня покоя не дает, проклятый! Видно, надо переезжать на другое джайлау, только так мы от него избавимся.

— Э, пусть только рассветет, — сказал кто-то, — я ему еще покажу!

— Так ты ему и покажешь, — возразил другой.

— Это почему же? У меня ружье есть. Позовем с соседнего джайлау Киргизбая-снайпера.

— Так и нужно сделать, — согласился старик. — Эй, дайте гостю питьевой воды. Посуда у тебя есть, сынок?

— Нет. Мне б хватило бутылки.

— Найдите бутылку и наполните ее водой, — крикнул кому-то старик. — А ты, сынок... совсем не вовремя в путь-то отправился. Сам видишь, какая темень кругом. Лучше б ты привел жену сюда. А утром бы пошли. Согласен?

В это время маленькая девчушка принесла бутылку с водой и протянула ее Донану. Поблагодарив ее, Донан ответил старику:

— Мы подумаем.

— Сделайте, как я сказал, сынок. А то как бы чего не вышло.

После всех этих разговоров сердце у Донана тревожно забилось от какого-то смутного предчувствия, но он старался не выдать себя перед незнакомыми людьми. Сжимая в руке бутылку, он бросился к тому тамариску, под которым оставил Калдиргач. Он так спешил, что не выпил даже глоточка воды. Язык у него распух, он задыхался. Не в силах больше бежать, он перешел на шаг, а затем снова побежал. Ноги у него подгибались от усталости. Наконец он увидел впереди большое темное пятно. Это был тот самый куст тамариска, к которому он так стремился. У него стало как будто легче на душе. Он чуть замедлил шаг, чтобы передохнуть немножко и вдруг споткнулся обо что-то. Еле удержавшись на ногах, он взглянул вниз... и, не веря своим глазам, застыл как изваяние. У ног его лежало окровавленное тело Калдиргач. Одежда на ней была изо-

рвана в клочья, бедняжка столько ползла по земле перед смертью. Донан кинулся на бездыханное тело Калдиргач.

— Калдирга-ач!!!

Дикий крик его пронзил зловещую тишину ночи. А Донан все кричал, как безумный, не соображая, что делает. А рядом тихо булькала, выливаясь из бутылки на солончак, вода, которую он принес.

— ...Вот как было дело, Сабит-ага.

Трагедия эта, разыгравшаяся в бескрайней степи, сильно подействовала на Сабита-ага; лицо его было скорбным, в глазах блестели слезы; он сидел молча, вперившись взглядом в Донана.

— А потом, — Донан, горько вздохнув, закончил рассказ. — Потом... мы с ребятами из того аула, где мне дали воду, отвезли Калдиргач в совхоз и там схоронили ее... А на следующий день, взяв ружье, я пошел по следу того кровожадного зверя. Со мной был и Киргизбай со своими людьми... Но я сам пристрелил его, а шкуру выдубил Киргизбай-ага. — Он сделал паузу и добавил: — И эту шкуру я дарю вам, Сабит-ага. Живите тысячу лет! И всю жизнь топчите эту проклятую шкуру, таково мое желание...

Донан не в силах был говорить больше и, не сдержавшись, уронил голову на грудь Сабита-ага. А тот зажмурил свои узенькие глазки еще сильнее и гладил парня по плечу, желая успокоить его, но не знал, как унять его слезы...

* * *

Сабит-ага закончил свой рассказ. А я под впечатлением этой страшной трагедии сидел молча, уставившись глазами в землю.

— С тех пор минуло уже десять лет, — сказал Сабит-ага, положив мне руку на плечо. — И всегда, когда ко мне приходят гости, я прошу их топтать эту шкуру, и сам топчу ее каждый день.

— А вам известна дальнейшая судьба Донана?

— Отчего же неизвестна. Я привез его сюда, учить устроил. Он закончил институт и сейчас работает в родном совхозе зоотехником. Только вот до сих пор не

женат, — сказал он и тяжело поднялся со скамейки, опираясь на палку. — Пошли, Рыжик, спать пора.

Время близилось к полночи, улица была совершенно пуста, было удивительно тихо. Я шел рядом с Сабитом-ага и с ужасом думал, как же я смогу уснуть возле шкуры этого дикого зверя, который сгубил молодую красивую женщину и ее неродившееся дитя («Если у нас родится дочь, назовем ее Бутакуз, а если сын — то Аскарром»), растоптал счастье и мечты такого чистого парня, как Донан...»

ДЕД ХАДЖИ¹

В один из дней ранней осени, когда в знойном воздухе нет-нет, да вдруг скользнет прохладный ветерок, молодой человек — корреспондент столичной газеты, продолжая знакомство с колхозом, забрел на бахчу. Солнце припекало вовсю, и он снял пиджак, закинул на плечи. В этот час на бахче кипела работа: загорелые парни в белых рубашках собирали дыни, грузили в мешки и почти бегом стаскивали к шалашу, где расположился весовщик с весами. Невысокого роста, прямой и жилистый старичок, по-видимому, распоряжался делом, покрикивая на парней, что-то им приказывал.

«Наверное, это и есть Хаджи-бува²», — подумал корреспондент. Сперва он со стороны глядел на работающих, потом приблизился, повесил свой пиджак на один из сучьев остова шалаша, ступил внутрь. Парни, легко и ловко вскидывающие друг другу на спину мешки, набитые дынями, перешучивались на ходу:

— Хей, Бурикалла³, давай, катись бочонком!

— Босволды⁴, гляди не лопни от натуги!

— Нет, вы только гляньте на него, стоит, подпоясаясь, будто Эмир⁵... Поднимай живее!

— Хаджи-бува идет сюда... Ну-ка, взяли! Бегом!

И парни, завидев приближение старика, еще быстрее стали складывать дыни в мешки, наполнять их не более чем до половины, подхватывать на спину, еще проворней засемили по тропинкам, неразличимым среди устилающих землю дынных стеблей и листьев.

¹ Человек, совершивший паломничество.

² Дед.

³ «Волчья голова» — сорт дыни.

^{4, 5} Сорта дынь.

Но как раз их усердие, кажется, и встревожило старика.
— Осторожней! Легче, не то побьются! — закричал он вслед работающим. Заметив незнакомого, он обернулся, глянул на него из-под ладони: — Э, парень, а ты откуда?

— Салам алейкум! — почтительно поздоровался корреспондент. — Позвольте, отец, быть вашим гостем.

— Милости прошу, сынок, проходите! — приветливо закивал Хаджи. — Правду сказать, мне подумалось, вы тоже из этих бездельников. Сами видите: что ни скажи, все им забава...

«Ребята бедные стараются, а он, должно быть, недоволен, что они таскают дыни чуть ли не бегом, — мелькнуло в мыслях молодого человека. — Ретивый старик, верно сказал председатель...»

Хаджи-бува между тем, после взаимных приветствий, смекнул, что гость-то, видать, не просто так, захой, и парой слов беседа с ним не ограничится.

— Малость потерпите, дорогой гость, — проговорил он, как бы извиняясь. — Вот сейчас работу закончим, отпустим этих ребят, а потом уж с вами потолкуем...

— Идет.

— А то, если охота, можете по бахче побродить, — старик обе ладони прижал к груди в знак извинения. Потом, глянув мельком на модные, узкие в коленях брюки горожанина, чуть приметно улыбнулся под усами: — Право, поглядите, прогуляйтесь...

И ушел. Корреспондент заметил его усмешку, тоже посмотрел на свои брюки, пожал плечами... Стал разглядывать старика, проворно шагавшего по меже. Крепкий, очень прямой, хотя, наверное, ему уже за шестьдесят. Прокаленное солнцем, тонкое темное лицо изрезали глубокие морщины — следы долголетних забот и тревог. Сквозь их густую сеть, однако, явственно проглядывает мягкость, душевность, а вместе с ними — требовательность, уверенность в себе. Чистой белизны негустая борода свешивается на грудь. Одет аккуратно и даже не без щегольства, совсем как молодой. На голове двуцветная чувская тубетейка, лишь слегка утратившая под солнцем свой лоск. Белая просторная рубаха туго стянута в талии шелковым нарядным платком, так что любому парню под стать. На ногах ладные, легкие сапоги из коричневого брезента, правда, от оголовков до голенищ позеленевшие от дынной ботвы на бахче...

Корреспондент не спеша отправился в глубь бахчи вдоль межи. Вдруг на его пути выполз, карабкаясь на берег неглубокого арыка, внушительных размеров еж — ни дать ни взять откормленный поросенок. Сверкая глазками-бусинками, секунду поглядел на незнакомца: ты, мол, чего тут расхаживаешь? И юркнул в густую ботву. Корреспондент задержался взглядом на листьях и стеблях, подивился: обычно в эту пору они желтеют, ссыхаются, опадают, а здесь... Если не считать растений на пригорках, куда не достигает влага, все остальные, на ровных местах и особенно по берегу магистрального канала, вдоль арыков, — зеленые, свежие, сочные, так и рвутся в небо. На многих виднеются цветы и даже бутоны. Если наклониться и внимательно, со всех сторон оглядеть каждый стебель, то увидишь в изобилии завязи плодов совсем маленькие, побольше и уж почти оформившиеся незрелые дыньки. А те, что начали желтеть и покрываться сеткой, так и сверкают среди сочно-зеленой ботвы, будто в грудь кулаками себя ударяют, поглядите, вот, мол, я... Чуть поодаль — участок бахчи, засеянный арбузами. Громадные арбузы, полосатые, точно тигры, либо пестрые, как коровы-голландки.

Молодой человек диву дался: сколько же, верно, труда и забот во все это вложил тот самый старичок Хаджи! В задумчивости он не заметил, как приблизился к магистральному каналу. Вдоль обоих его берегов на насыпях были проложены дороги, а у самой воды рядом высились ивы и тополя. Взойдя на насыпь, корреспондент окинул взлядом зеленеющие квадраты поля. Рослые, стройные тополя, цепочкой выстроившись вдоль канала, отбрасывали на бахчу длинные предвечерние тени, каждый тополь протягивает руки, чтобы сорвать себе спелую дыню либо арбуз... На посевах арбузов особенно забавно было глядеть отсюда, с возвышения: человек на бахче казался чабаном, а массивные арбузы, разбросанные там и сям, — отарой овец, выпавшей на зеленое летнее пастбище...

Бахча — километрах в трех от кишлака и почему-то довольно далеко от полей хлопчатника. К бахче приоткрывает просторное пастбище. Одинокая юрта чабанов, у входа которой теплился, дымил костер, издали казалась пуговицей с блестящим камешком посередине, пришитой к краю светло-желтого халата, в который оделось пастбище в предосеннюю пору.

Солнце наконец зашло, в воздухе повеяло прохладой. Ближился вечер, опьяняющий ароматами спелых дынь самых прославленных сортов. Молодой человек почувствовал, как сразу посвежело; он поспешил спуститься с насыпи у канала и направился к шалашу. В этот час на бахче уже все угомонилось. Хаджи-бува отпустил парней, подносивших дыни. На квадратах поля оставались только трое-четверо стариков, да еще парнишка шофер, — у дороги виднелся грузовик. Когда корреспондент надевал свой оставленный в шалаше пиджак, подошел Хаджи.

— Ну что, сынок, прогулялись, все оглядели?

— Да, спасибо.

— И озябли небось? — старик улыбнулся. — Вечерами в этих местах много холоднее. Так вот, как говорится, слух мой весь вам отдан, сынок. Уж простите, что раньше недосуг было потолковать... Ведь ежели мы сейчас не поторопимся, сбор хлопка начнется, и тогда машину не достанешь ни за какие деньги.

— Ну, что там, я не стану вас утомлять долгой беседой. Я ведь, собственно, и пришел, чтоб только увидеть такой вот вечер на бахче, — корреспондент умышленно не доставал ни блокнота, ни ручки, чтобы не смущать старика, чтобы разговор завязался непринужденный и нить его оставалась по возможности в руках собеседника. — Разве что спрошу вас, отец, кое о чем.

— Ну, коли так, оно и ничего. — Хаджи в раздумье погладил бороду. — Значит, вы остались на бахче, а уже вечер. Вот, сынок, одежда ваша для этого не годится. Возьмите-ка в шалаше фуфайку моего внука да штаны. Переоденьтесь, этак лучше, право.

— А сам он где?

— Он-то у меня в Ташкенте, учится.

— Стоит ли переодеваться? Сойдет, пожалуй, и так.

— Нет, нет, сынок, оденьтесь непременно! Не то в этих ваших брючках-трубочках намаетесь, верно! — старик улыбнулся точно так же, как в прошлый раз. — Попробуй-ка в них лечь, да снова встать... Вот, значит, посреди бахчи на супе я вам и устрою местечко. А покамест давайте малость закусим. Вон ту дыню захватите-ка...

Они поужинали, чаю попили, полакомились спелой дыней. Когда стали располагаться на ночлег, стоял уже поздний вечер. Выяснилось, что на супе, о которой говорил старик, может поместиться лишь один человек.

Место, однако, нашлось: рядом с супой установили раскладушку.

— Вот это для вас, — указал на нее гостю Хаджибува. — Одеядлом укройтесь непременно. На заре поспеет.

Они разделились и улеглись каждый на своем месте. Тихая звездная ночь. Дневные краски и ароматы бахчи и окружающего пейзажа — все это без остатка завладело мыслями и чувствами молодого человека. Старик, должно быть, об этом догадывался. Не прошло и четверти часа, как он спросил негромко:

— Ну как?

— Изумительно, — отозвался юноша, всматриваясь в звезды над головой. Он не мог предполагать, о чем у них начнется беседа. И спросил, не раздумывая: — Отец, вы давно занимаетесь дынями?

— Как на пенсию пошел.

— А когда вышли на пенсию?

— Четвертый год. Уж больно, сынок, мы к работе привычные. Не по душе нам было сидеть да на других глядеть... Собрались, значит, мы, трое-четверо стариков, посоветовались, да и подали раису прошение. Дескать, хотим выращивать дыни. Раис-то спервоначалу ни в какую... Вы, мол, Парпи-бува, свое отработали, утомились, а теперь, мол, время ваших внуков настало, вы же себе живите на покое, припеваючи... Ну, только мы — не-ет! И вот теперь, гляньте, как мы, пятеро стариков, перевернули эти пять гектаров.

— Вы назвали: Парпи-бува. Кто это?

— А я же сам и есть.

— Вот как! Вы разве не Хаджи-бува?

— Это имя мне дали в шутку те же наши старики... Значит, вырастили мы дыни в первый же год. И молва про них аж до самой Москвы достигла. А раис — он у нас парень деловой, проворный, — целую арбу нагрузил да и отправил их прямо туда, на выставку. Там люди, верно, остались довольны, вот нам и сообщают: пусть, мол, приедет тот, кто эти дыни вырастил. Раис направил несколько человек и меня с ними, уж как я только ни отпирался... И что я вам скажу: своими же руками принял и доставил в колхоз грамоту, что вручили нам в Москве за наши дыни. Как бы, значит, совершил я хадж¹, оттого и стали меня называть

¹ Паломничество в Мекку к мусульманским святыням.

Хаджи-бува. Ну вот, и в нынешнем году с дынями у нас дело неплохо. Две машины уже отправили мы в Москву. Так что не удивительно, ежели и другие наши старики тоже станут «Хаджи», — в его голосе послышалась теплая усмешка.

Он умолк, а корреспонденту подумалось: «Вот вам где кроются резервы изобилия!»

Хаджи-бува, помолчав, спросил:

— Который час, а, сынок?

Корреспондент чиркнул спичкой, глянул на часы:

— Уже одиннадцать скоро...

— Эх, концерт мы пропустили...

Хаджи вытянул из-под подушки портативный приемник «Сельга», покрутил ручку. Должно быть, надеялся поймать хотя бы окончание концерта.

— Внука моего подарок. Нам к золотой свадьбе, — в голосе старика прозвучала гордость.

— А внук ваш... простите, он где работает?

— Да в Ташкенте он сейчас, учится, разве я не говорил? Как школу закончил, года два работал тут, при мне. А там поехал на учебу. Да, с неделю, как он уехал... Вчера я навещал его, сел в машину, что дыни отвозила, и в город...

— С неделю, говорите, как он уехал?

— Э, старушка моя стала поперек, не то я б его в город ни за что не отпустил!

— Что ж так! Город — это разве плохо?

— Город — это хорошо... А только глянешь в городе на базар — тоска возьмет.

— Почему?

— Вы вот у нас прошли по всей бахче?

— Прошел.

— И что же заметили?

— Да... ничего особенного... Дыни хорошо уродились.

— Вот, дыни-то эти мы вырастили своими руками. А посмотришь на городской базар — тут тебе и все наши недочеты наружу, так-то, сынок! Сообразите-ка, что за сорта дынь у нас идут в продажу? «Хандалаяк», «Торлама», «Кизил-уруг», «Ананас» — вот, почитай, и все. И ведь Узбекистан — родина дынь, знаете ли вы это? Дальше, вспомним: дыни «Амири», «Чогири», «Абинават», «Гуляби», «Кокча», ну еще «Бузакбаши», «Бегизат», «Бурикалла»... Там, если угодно, «Койбаш», «Ичкикызыл»,... «Шакарпалак», такие сладкие, что язык прогло-

тишь. Что говорить, сынок, сто сортов у нас насчитывается дынь.

— Ученые пишут даже: триста сортов.

— Вот-вот! А большинства у нас сейчас вовсе нету.

— Почему же?

— Почему? Да потому, сынок, что мы лишь думаем, как бы на весах побольше потянуло. Заботимся, чтоб с виду только блестело да выглядело покрасивее. А что внутри, нам и дела нет! Вот, значит, сею я дыни, в прошлом году добыл, оставил штучек пять-шесть на семена. Посеял, глядь: не похоже на здешние, потому оказались из дальних мест... Да-а, ну и еще, скажу я вам, покупатель уж больно привередливый пошел. Не ценит настоящего добра. Уж дыня и блестит, будто золото, и благоухает райским ароматом... А он все равно: «Не зеленая ли? Да ты, может, химикаты подсыпал, когда растил?» И давай пробовать, пальцами ее. Давить со всех боков... Я, мол, ему: не говори так, сам я ее выбрал да сорвал. И до того мне тяжело бывает, сынок, слушать подобные слова! Покупатель дыню пальцами давит, будто он у меня на лбу оставляет вмятину. Арбуз ладонями тискает — сердце у меня сжимается от боли... Верно, есть недобросовестные дехкане — подсыпают удобрений, какие недозволены, чтоб дыня уродилась на вид посочнее. А из-за них — на всех на нас поклеп. Дыни ведь, если высадить где попало, с одного маху, урожая доброго не дадут, ничего у тебя не выйдет. Земля может обесилеть, сорняки пойдут, есть такой особенный, называется «шумгия»... В этом году мы уже во второй раз меняем место посевов. Отыскиваем целину, совершенно не тронутую. Два года подряд сею дыни, потом освобождаю землю — и под хлопок ее, — закончил старик и поглядел на небо.

А корреспондент подумал: «Вот она в чем причина, что дыни здесь как на подбор!»

— Так на чем мы остановились? — минуту помолчав, спросил Хаджи-бува.

— Вы говорили про покупателей...

— Да. В тот день, значит, вышел я в городе на базар. И два паренька подходят, справные с виду, в брюках-трубочках, вроде как вот у вас. Один берет у меня дыню...

В это мгновение где-то во тьме, рядом с супой, раздался мягкий короткий треск. Довольно громко треснуло что-то. Корреспондент удивленно приподнялся.

— А, вот она, дынька-то, ха-ха! — с удовлетворением пояснил Хаджи. — Глядите, какие спелые, оттого и лопаются. Это «кокча». Мед, да и только! Если подсыплешь «удобрения» недозволенного, они так трескаться не станут, да-а, сынок.

И старик снова замолчал, то ли не зная, чем закончить разговор, то ли подыскивая другую тему, — в темноте лицо его было неразличимо. Корреспондент, чтобы не упускать нить разговора, поспешил задать вопрос:

— Ну и что же тот парень в брюках наподобие моих?

— Да, так я хотел сказать... — старик замешкался. — Только, сынок, вы не обижайтесь, что я говорю, мол, брюки-трубочки?

— Нет, нет.

— Вот, значит, отобрали они для себя дыни. Наклонился один, принимается резать, да втыкает нож не с той стороны, где у дыни хвостик, а с противоположной... Кто же так делает, ну скажите на милость?! Гляжу, и сердце у меня разгорелось: сам я вырастил дыню, привез, так уж сам, думаю, как следует и разрежу. Подошел я к парню, взял у него из рук нож. Разве, говорю, сынок, так полагается дыню разрезать? А он выпрямился да и отвечает этак с презрением: «За свои деньги куплено, не все ли равно, как резать, а, отец?» Смолчал я, хоть и зло меня взяло... Разрезал им все-таки дыню, отошел прочь. Стали они есть, да так неопрятно; до половины ломоть не съедят — бросят. В точности старухи беззубые! Знаете, сынок, у нас, дехкан, как говорится: ровню отыскали — даром отдадим. Это значит: девушку отдадим, и калыма не нужно, если стоящему жениху. А эти, негодники, шалопаи, бросают недоеденное... Какое же они уважение нам оказывают? Если кто аккуратно ест да опрятно — дехканин поглядит, у него душа радуется... И, пожалуй, тот, кто в поте лица деньги зарабатывает, не поступит, как те лоботрясы... В общем, смутно сделалось у меня на сердце. Сходил я в училище, внука своего повидал, и скорее назад, в кишлак...

Внезапно умолкнув, Хаджи-бува глянул на собеседника. Тот, сдерживая волнение, закуривал сигарету. Старик подумал, что слова его растревожили молодого человека.

— Может, сынок, дыню разрежем? — спросил он совсем иным, спокойным тоном.

— Спасибо, отец, лучше завтра,

— Вот, правильно: ежели дыню есть, то ешь с утра... У того вон арычка есть у меня на примете одна — загляденье. «Хандаляк». Сегодня утром поглядел я на нее и говорю: всего лишь денек остается тебе жизни. Если угодно будет богу, наутро взрежем, — закончил Хаджи-бува. Тут, наверное, он вспомнил, что гость-то — корреспондент газеты. Подняв голову от подушки, проговорил: — Ну, что, сынок, есть о чем спросить, спрашивайте.

— Нет, спасибо, — юноша улыбнулся. — Все, что я хотел услышать, вы уже рассказали.

Старик от души подивился: «Вот чудеса! Прежде, бывало, корреспондент приедет, сейчас же за ручку да блокнот и давай тебя расспрашивать, так что череп, того гляди, треснет...»

Переменчивый ночной ветерок, нанося слабый аромат спелой дыни «хандаляк», зашелестел в листьях ботвы. Дед Хаджи еще на минуту включил приемник. Чарующая мелодия «Чоли ирак» — «Дальняя песнь» — полилась в таинственную тьму звездной ночи над уснувшей бахчой.

Под самой супой вдруг что-то зашуршало. Молодой человек обеспокоенно приподнял голову.

— Хе, да это дармоед-ежик, — пояснил Хаджи-бува. — Дыню для себя, проказник, выбирает повкуснее... Спите спокойно, сынок.

Все вокруг еще плотнее укуталось непроницаемой тьмою. Со стороны канала доносилось кваканье лягушек, да еще где-то, — наверное, у юрты чабанов, — временами лениво взлаивала собака.

Корреспондент не заметил, когда у него смежились веки, — то ли еще только появились на небосводе Везы, то ли уже засияла Венера.

Утром, когда он проснулся, солнце еще не всходило. От обильной предрассветной росы поверхность одеяла пропиталась влагой. Прохладным был воздух, так что дрожь пробирала по всему телу. Машины, груженной дынями, поблизости не было видно. Старик, не иначе, поднялся уже давно и расхаживал по бахче, что-то отыскивая. Вдруг он остановился, потом окликнул гостя, подозвал к себе. Поднявшись на ноги и накинув фуфайку, юноша приблизился к нему.

— Вот, поглядите! — Хаджи обеими руками раздвинул массивные стебли. — Та самая «хандаляк», что я вам обещал намедни...

Дыня была похожа на мяч, половину которого аккуратно и точно отрезали чем-то острым. Да и осталась одна лишь кожица, мякоть же внутри ее кто-то тщательно выскреб.

— Это его, проказника, работа. Ведь как чисто все подъял, накажи его бог! — с доброй улыбкой проговорил Хаджи. Прodelкой ежика он был явно доволен.

А корреспонденту в этот миг представился тот самый невоспитанный парень в брючках-дудочках на городском базаре, который, точно беззубая старуха, кидал недоеденные куски спелой, ароматной дыни...

НАЙЧИ¹

Когда в семье у Расулматовых начались хлопоты, предшествующие многолюдному тою, это словно вдохнуло жизнь в Гияса по прозвищу Найчи. Еще бы! Ведь туда, где той, собираются все-все родичи, ближние и дальние, друзья-приятели и просто знакомые. Трудно даже представить себе арену, во всех смыслах более подходящую для человека, стремящегося показать себя разом всей махалле.

Хозяин, устроитель тоя Зиямат Расулматов, — один из самых представительных соседей Гияса-найчи. По специальности лингвист, старший преподаватель пединститута. Вот-вот защитит кандидатскую диссертацию, и при всем этом до сих пор стройный, подтянутый, будто юноша. Родом не ташкентский, из Сайрама, что на юге Казахстана. Собою смуглый, черноволосый, а по натуре тихий, немногоречивый: ты ему десяток слов, он в ответ одно. Празднество Расулматов затевает, чтобы достойно отметить золотую свадьбу отца и матери.

Уже с утра для родственников и друзей был приготовлен плов. Семья интеллигентная, в таких обычно интеллигенты составляют большинство гостей, значит, здесь и разговоры и обхождение на интеллигентный лад. Гияс-найчи знает это очень хорошо и потому, приглашаемый как один из распорядителей тоя, старается пустить в ход самые изысканные выражения, какими только владеет, и все для того, чтобы интеллигенция его заметила и отметила.

— Послушай, братец, — с достоинством, хотя и тонким, резким голосом, велит он одному из парней, хло-

¹ Музыкант, играющий на нае; най — род свирели.

почущих на празднестве, — да прибудет тебе счастье в жизни, возьми-ка шланг, протяни через окно кухни, и полей водой аккуратно здесь и там. А вы, да сопутствует вам удача в делах, во-он те столики сдвиньте, накройте скатертью и расставляйте на них что там положено. О-о, приятель, у тебя дело идет — лучше не надо! Давай-ка заваривай чайники, девяносто пять, ровно по счету... Итак, уважаемые гости, просим рассаживаться! А, Саидджан, пожалуйста и вы сюда. Во-от здесь для вас удобнеее местечко! Ких-ха-а!..

Саидджан — тоже один из интеллигентных обитателей махалли. Филолог, старший научный сотрудник академического института языка и литературы. Уже с год как защитился. Родом он из Кувы, что в Ферганской долине. Окончил университет в одно время с Зияматом, но во всем — его полная противоположность: белокожий, светловолосый, по натуре же человек не просто общительный, а завзятый шутник и говорун. Где бы ни началось традиционное состязание в шутках да в островах — знаменитая аския, — Саидджан тут как тут, словно с крыши упал. Потому, видно, в семье Расулматовых без него не обходится ни одно застолье. А еще у Саидджана своего рода затяжная словесная война с Гиясом-найчи, про что известно всей махалле. Один только Саидджан умеет ответить тому достойно, поддеть неожиданным вопросом, остроумной шуткой, а когда нужно — и поставить на место.

Вот и теперь, на тое у Расулматовых, все поведение Гияса, все его словечки говорили за то, что найчи был вдохновлен одним желанием: уж сегодня-то, мол, я, если потребуется, наставлю на путь истинный этого Саидджана... Это началось еще утром, когда только-только шинковали морковь для праздничного плова. Чуткий на ухо Саидджан моментально различил вызывающие нотки в репликах Гияса. Однако при посторонних счел не тактичным тут же, как говорится, рога ему пообломать. Позже, за чаем, у гостей завязалась непринужденная беседа. И опять Саидджан всего лишь учтиво, жестами и взглядом, поблагодарил Гияса за его труды в качестве распорядителя, встал с места и руки к груди прижал: спасибо вам, дескать.

— Да уж как принято, сами понимаете, молодой человек, — отозвался Гияс, слегка обиженный. Он недоумевал, почему соперник не обращается непосредственно к нему со своими язвительными выпадами. — Что

нам еще сказать... Да, уважаемый гость, отведайте же чаю!

Это он, проявляя заботу распорядителя, обратился к сидящему слева от него мужчине лет двадцати пяти, кажется, зятю хозяина.

— Благодарю, — флегматично отозвался гость, обнажив в мягкой улыбке золотые коронки на зубах, и слегка привстал, чтобы принять пиалу, протянутую Гиясом. Был парень в новенькой маргиланской тюбетейке, в тщательно отутюженной желтой рубаше с короткими рукавами, без пиджака. Он то и дело вытирал платком пот, обильно выступающий на дородном лице.

— Давайте же познакомимся, коль судьба привела сидеть рядом. — Гияс-найчи пододвинулся к нему поближе, выплеснув на сторону остатки чая из своей пиалы. — Где вы, братец, работаете?

Вопрос этот, совершенно неожиданный, вроде пришелся не по нраву обладателю маргиланской тюбетейки, он отозвался с прежней безучастностью:

— В торговой сети, домла.

— Превосходно, — резюмировал Гияс, солидно покивав совершенно лысой, обнаженной головой. — Я имею честь лично знать вашего министра. Удивительнейшая личность, надо сказать!

Вежливый Умарходжа при этих словах прижал руки к груди, снова привстал: дескать, я всегда к вашим услугам, уважаемый. В сознании у него мелькнула догадка: «Наверное, человек занимает высокий пост, я сразу догадался. Директор треста, не ниже. Еще бы, с министром нашим знаком!..»

Гияс-найчи, уловивший все это чутьем, в свою очередь подумал о собеседнике: «Видно, ты из тех людей, которыми можно вертеть как хочешь в свою пользу. Ну, ну... А вот теперь пощипаю-ка я этого...» — и он со всей учтивостью, но и с некоторой опаской повернулся к соседу справа, который уже давно прислушивался к разговору, но пока не проронил ни слова: человек в годах, он казался характера упрямого и даже строптивного.

— Ну, а вы, домладжан?

— А мы в одном институте с Зияматом, — проговорил уверенным басом седоголовый, не давая себе труда прибавить, что сам же преподавал в университете и Зиямату и Саидджану, которых до сих пор считает своими лучшими учениками.

— Спасибо, домладжан, весьма вам благодарен!

— А вы где работаете? — неожиданно спросил собеседник у Гияса. И тот не заставил себя ждать.

— В министерстве, — тотчас ответил он и поспешил добавить, чтобы этот бесцеремонный не пустился в дальнейшие расспросы: — А зовут меня, уважаемый домладжан, Гияс Юльчиевич. Простите, а вас?

— Абрар мое имя. Мы из Байт-Кургана.

— Превосходно, очень хорошо. Что я хочу сказать, — он решил не давать этому седоволосому рот раскрыть, а про себя подумал: «У таких гонору густо, да на дастархане пусто, не поживишься. Сам-то, видно, слабак, ткни пальцем — согнется. Но и хитрый, себе на уме, под такого не подкопаешься». Кажется, домла и в самом деле готовился без дальних подходов начать расспросы: в каком, дескать, министерстве, да на какой должности, и давно ли. А чего тут выпытывать? Министерство — дом громадный, работают и большие люди, и поменьше... Смущенный этим соображением Гияс поспешил направить разговор в иное русло:

— Нынешние-то, домладжан, обычаев наших как следует уже не знают. И мне Зиямата пришлось вчера вечером пригласить к себе. Я ему говорю: ты, братец, как и я, оба нездешние, издалека. Золотая свадьба у отца твоего с матушкой — раз в жизни. Пусть, мол, и пройдет все, как положено на таком празднестве. Вот, значит, купи-ка ты да замочи рису пятьдесят кило, на него столько же говядины. А баранины, курдючного сала положишь десять кило. Чтобы, говорю, братец, люди, когда придут, над тобой не посмеялись. Уж не знаю, по нраву пришлись ему мои слова, или он без внимания к ним... А еще посоветовал: рис покупай на базаре у корейцев. А он, мол: из магазина тоже пойдет. В городе есть прославленный мастер плов варить, сам-то в милиции служит. Вот, говорю, его и пригласить. Так нет, отказался. С поваром столковался, что у них в институтской столовой. Не-ет, не знают они, как мусульманину поступать пристойно, обычаев наших не знают!..

Произнеся все это, Гияс-найчи сокрушенно вздохнул, как будто лишь ему одному все было ведомо и исполнение обычаев и заветов веры целиком лежало на его ответственности. Собеседники расценили эту его озабоченность каждый по-своему: сидящий слева Умарходжа — как исключительное человеколюбие, сидящий

справа Абрар, наоборот, — как низкое делячество, практицизм. «Вот такие, — про себя размышлял почтенный домла, — выставляют напоказ бессмысленные наши обычаи вместе с догматами ислама, сбивают людей с толку. Заставляют суетиться, не постесняются и вконец запутать, загубить...»

— По правде говоря, — в осторожных выражениях стал он высказывать то, что думал, — к чему они, излишние расходы? Двадцати, ну, двадцати пяти килограммов риса вполне хватило бы. Кроме того, на республиканском пленуме именно про это шел разговор. То есть, про расточительство, помпезность. Если так, можем ли мы этим не руководствоваться?

— Э-э-э, домладжан... — Видно было, что Гияс-найчи, как говорят, потуже затягивает пояс, чтобы устремиться во вполне серьезную дискуссию, собираясь пустить в ход максимум высокопарных слов, от кого бы он их ни нахватался. — Подобные разговоры имели место уже неоднократно. И все же ничего после них не происходило, никаких перемен. Такова жизнь! А она, почтеннейший, идет и идет собственными путями. При социализме же, поверьте, домладжан, правом решающего голоса обладают исключительно руководители. Ими что сказано — то сказано, что сделано — то сделано!

Да, да, поверьте, уважаемый домла! — с горячностью, выдававшей готовность идти на риск, найчи повел свою речь дальше: — Вот вам пример. Я член бюро (он произнес это слово как «буйра») нашего райкома партии. Сидим, значит, мы рядышком, а говорит и решения принимает один секретарь. «Все! — заявляет он в конце. — Кончен разговор. Как я сказал, так и будет. Ну, мы встаем да и молча расходимся!»

Слушая эту длинную тираду, почтенный Абрар-домла, по правде сказать, испытывал удивление, ведь речи собеседника выглядели маловразумительными. Тот начал с роскоши да помпезности, — дескать, они сделались нашими обычаями, — а потом, без всякого перехода, стал толковать про социализм. Разве не чудно? А между тем Умарходжа, что сидел, попивая чай, слева от Гияса, молча думал совсем иное: «Здорово он отделал этого спесивого домлу! Ведь все так и есть. Слово начальства — закон! Ну-ка, что ты, старый, на это скажешь в ответ?» — и он с ожиданием уставился на институтского преподавателя. Тот, однако, едва услышал из уст собеседника это «буйра», сразу уяснил се-

бе: чтобы всерьез рассуждать о социализме, найчи недостает элементарной грамотности.

— Вы хотите сказать, — все-таки не сдержавшись, строго воззрился он на Гияса, — что при социализме вопросы решаются не коллегиально? Где же тогда ленинские принципы демократии, коллективизма? Не-ет, почтеннейший! Коли так, значит, первый секретарь вашего райкома, где вы изволите пребывать, как выразились, членом «буйра», или диктатор на натуре, или попросту бюрократ! Ну, а вы, члены бюро, сплошные размазни либо подхалимы! Там же, где складывается такая ненормальная обстановка, конечно, партийные принципы грубо нарушаются и дело путем не идет. А в результате процветают приписки, очковтирательство, стяжательство, помпезность — все то, что резко осудил пленум ЦК.

Абрар под конец до того разошелся, что ему стало казаться, будто перед ним не Гияс-найчи да ближние сотрапезники, а забитая студентами аудитория, и они притаились в страхе: вот сейчас, мол, проклятый домла возвестит: «Ну-ка давайте ваши зачетки!» Гияс — тот в самом деле перетрусил. Ведь он и помыслить не мог, что его случайный собеседник до такой степени раскипятится. Ибо он и не догадывался, что домла в институте-то преподает не что иное, как именно основы марксизма-ленинизма. Вместе с тем Гияс не испытывал к нему ни малейшей неприязни за горячность. Цель-то у нашего найчи была скромная: порисоваться в глазах соседей по махалле, вот, мол, и он тоже кое в чем осведомлен, в беседе с важным, да со спесью, ученым человеком способен запросто подбрасывать каверзные вопросы, значит, недаром приглашается в дом, где гости — сплошь интеллигенция. И больше-то — ни-ни! А смотри-ка что получилось... И, пожалуй, больше не следует затронутые проблемы углублять. Тем более, что Гияс уже исчерпал весь свой запас «учености», в разное время поднакопленный на подобного рода тоях. Еще пару слов, и он окажется на мели. А тут еще речь зашла о ленинизме — понятии священном... Пора отступать, ловко свернуть на другую тему. «Чтоб тебе в могиле сгореть! — в мыслях ругнулся Гияс. — Дернуло же за язык: социализм, руководители, решающий голос!..»

— Домладжан, — заговорил он совсем не прежним голосом, еще более тонким, с нотками занскивающими, — я что хотел сказать... Вот и нужно бы нам, чле-

нам буйра, участвовать в решении поставленных вопросов... Чтобы вмешаться, значит, я и хотел...

— Это другое дело! — отчеканил преподаватель «основ», заметно успокаиваясь. — Но тут вмешиваться следует с умом, со всей пронизательностью, и чтобы справедливость соблюсти. Ну, а вы, признаться... Как раз это несправедливо, алогично: по неблагоприятным проделкам двух-трех нарушителей уставных норм судить о деятельности партийных организаций вообще.

Пока Гияс с опаской размышлял, стоит ли ему раскрывать рот и уж теперь окончательно обнаружить свое полное невежество, к беседующим подошел только что пришедший Эльярджан, молодой заведующий продовольственным магазином. Сперва, как водится, провозгласил: «Да продлится век почтенных юбиляров!», затем, видимо, озабоченный, чтобы его визит на той не оказался «сухим», он коротко обратился к Гиясу:

— Наверное, брынза понадобится. Так пожалуйста, Гияс-ака! Мы только что получили свежую.

Приход завмага оказался очень кстати: он отвлек собеседников от щекотливой темы, которая вот-вот должна была завести их в тупик. Важно и то, что заведующий при всех лично Гиясу сообщил о поступлении нового товара. Так смотрите же, люди: Гияс-найчи — не какой-нибудь там никудышный человечиска! Даже местные руководители торговых точек, едва поступит что-то дефицитное, сперва приходят к нему, Гиясу: заглядывают, мол. И лишь потом, что останется, отпускают всем прочим. Вот он каков есть Гияс-найчи! Гияс-найчи, сникший было в дискуссии с эрудированным оппонентом, приободрился, выпятил грудь. Но сказать ничего не успел: еще один из молодых гостей, поставив рядом свой стул, как бы перехватил сообщение завмага.

— Брали мы эту брынзу, еще позавчера, — громко, со смехом парировал он. — До того солонущая — жуть! После нее жажда прямо замучила меня и...

— Что вы говорите, и совсем нет! — прервав его, тотчас возразил Гияс, — он решил встрять в разговор, поскольку темой его был теперь не социализм, а простая еда. — Замечательная бронза, редко встретишь такую. Мне вчера звонили из распределителя Совмина: дескать, вам оставили два кило. Я поехал, забрал. Оказалась польшинская. Да жирная до чего! Пока вез, капнуло на мой немисский кастон — пятно расплзлось, не отчистить...

Тут не выдержал Саидджан. Он все прислушивался к разглагольствованиям Гияса, занятый тем, что резал у соседнего стола морковь и лук для очередной порции плова. Передав нож одному из парней помоложе, Саидджан пересел туда, где, уже на новую тему, продолжалась беседа. Надо сказать, была у этого человека опасная привычка: чуть слышит, как Гияс-найчи, дорогой соседушка, ударится в привычное пустословие, начнет себе цену набивать, — так у него и вспыхнет в груди, сдержаться себя не может. Вот и сейчас, лукаво улыбнувшись, он понесся с места в карьер:

— Гияс-ака, вы про что это твердите? «Бронза», говорите? «Кастон» вам попортила? Стать бы мне жертвой ради вас, ха-ха! Так ведь брынза — это... И у нас есть такая, называется пишлак... Да и не кастон, а костюм, говорите правильно, не то люди вас не поймут. Ну, а брынза, говорите, польшинская? То бишь польская? Опять не то, болгарская она! Бронза же — металл, вот, к примеру, чтобы ваш бюст изготовить...

— Хорошо, хорошо, хорошо! — замахал руками Гияс-найчи, улыбаясь вполне дружелюбно, хотя загорелые щеки от прилива крови сделались бурыми: опять влип! — Знаете, домладжан, этот наш молодой сосед никак не научится понимать шутки. Да... Однако время идет, а у меня еще хлопот полон рот.. На базар бы успеть, пока не свернули торговлю.

Хорошо знал найчи: свяжись с этим Саидджаном — позору не миновать на людях. А потому лучше повернуть оглобли вспять, пока не поздно. Двух минут не прошло, как Гияс-найчи уже катил в собственном ослепительно белом «Москвиче» по асфальтовой дорожке мимо столов и гостей.

Саидджан — вот ведь ловкач! — резать овощи засадил и домлу Абрара, и флегматичного Умарходжу, и еще двоих-троих, кто сидел поблизости. Ведь человек разговорчивый умеет поддержать беседу. Сперва потолковали о районе здешнем, что в просторечии обычно именуется «Высоковольтный массив», а если более точно — Академгородок. Окраина города, потому здесь, по сравнению с центром, воздух намного чище. Да и жара хоть в какой-то степени отличается: больше деревьев, тени. Ну, а в доме, где сегодня той, — интеллигенция чистойшей воды: академики, профессора, доктора и кандидаты наук. Слово за слово, вспомнили незадачливого Гияса-найчи. Неведомо как и почему, он

тоже получил здесь жилье, ну, и не захотел человек ни в чем отставать от своих соседей. Причем в этом он вскоре как будто преуспел: и по одежде не отличишь от других, и в доме вроде все есть. Наконец совсем недавно появился вот этот молочно-белый «Москвич». Одно плохо: грамотности, образования до смешного не доставало нашему Гиясу. Уж так ему хотелось и в этом сравняться с интеллигентными соседями, да все напрасно...

В продолжении беседы Абрар-домла усердно крошил лук, временами раздражаясь хохотом или только покачивая головой. Глаза у него слезились — лук попался едкий.

— А ведь презанятный человечек, верно? — вытирая глаза платком, спросил он у Саидджана, когда о Гиясе было высказано все.

Отрешившись от каких-то своих раздумий, Саиджан кивнул головой.

— Что, дружок, тоже от лука дыханье перехватило? — спросил степенный Абрар, несколько обиженный молчанием того, к кому он обратил свой полувопрос.

— Да нет, домладжан. Просто соображаю, что вам ответить насчет Гияса.

— На мой взгляд, он вас побаивается, не так ли?

— Так и есть, уважаемый домла! — с озорным смешком на скуластом лице встрял в беседу один из молодых парней, живущих по соседству. — Расскажите, Саиджан-ака, про тот случай, помните...

— А что, был интересный случай?

— О-о, домладжан, от вас прямо не отвязаться, — теперь лукаво улыбался Саиджан. — Да, было совсем недавно... Как-то утречком выхожу я на балкон, глядь: внизу, на скамейке, Гияс-найчи сидит, голову склонив. Ну, думаю, что-то случилось... Быстренько оделся и по лестнице к нему. Гияс правую руку мне тянет, а в левой какая-то бумага... Сам утомленный вконец. Видать, откуда-то явился, к себе домой даже переодеться не зашел, так и сидит в костюме, соломенная шляпа съехала набок.

— Не уставайте! — пожелал я, видя, что не в себе человек. — Что это у вас, вроде список?

— Уф-ф! — отдувается найчи, обмахивая себя листом бумаги. — С экзамена только что...

— Йе! — подивился я. — В ваши годы решили взяться за учебу?

— Да нет, я экзамен принимал, — он будто не за-

метил моего тона. — Вот и список студентов, которые сдавали.

Я осторожно взял протянутый им лист, проглядел. В самом деле, на машинке отпечатаны фамилии примерно двадцати человек. И против каждой синим и красным карандашом некие значки.

— Вот оно что! Оказывается, вот вы чем занимаетесь? — я возвратил ему список.

А Гияс улыбается во весь рот: уж так доволен, что удивляться меня заставил. В самом деле, я даже растерялся, верить ему, нет ли...

— В каком же техникуме? — спрашиваю.

— Что там техникум? В институте! — отвечает он вполне серьезно, и при этом выпрямился, грудь колесом, чтобы все соответствовало сказанному.

— И что за институт?

— Народного хозяйства.

— Значит, степень у вас? И звание?

— Чего-чего? Степень? Это какая же? — тут он подрастерялся, но виду не показывает.

— Ну, к примеру, кандидат. А звание — доцент.

— А-а, это? Пока нет. Но кандидатская готова, защищаю на будущей неделе, — и победоносно смотрит на меня, ты, дескать, разве не знал.

— О-о, я просто восхищен вами, — мне удалось разыграть чистосердечное изумление. — Защита на будущей неделе, мы соседи, можно сказать, живем душа в душу... И вы даже не догадались подарить автореферат с дарственной надписью? Простите, уважаемый, куда ж это годится?

— Стоп, стоп! Как говоришь? Апто...

— Авто-ре-фе-рат.

— Что ж это такое — аптопрат?

Все он в этот момент испортил — потерял доверие окончательно. Не слыхивал даже про автореферат — и этот человек собирается защищать кандидатскую?!

Очень хотелось мне поскорей положить предел этой лжи, такой красивой, на взгляд ее автора. И потому я, точно азбуку малому дитяти, начал растолковывать ему кратко, что есть автореферат:

— Кто написал диссертацию, обязан вкратце, на русском языке изложить ее содержание на одном-двух листках и отпечатать. Ведь все не станут читать вашу диссертацию страниц на пятьсот. А благодаря автореферату с ней ознакомятся все.

— Да? Ну, так завтра-послезавтра сделаю.

«Поглядите на него! — подумалось мне, я невольно стал сердиться. — Как все просто: послезавтра реферат, на неделе защита...»

После этого расклеился у нас разговор. Гияс-найчи отправился восвояси, явно обрадованный, что заставил меня вполне поверить ему. Я тоже пошел домой, в душе смеясь над соседом. Мало-помалу зло меня взяло по-настоящему, снова и снова вспоминался утренний разговор. День у меня нерабочий, но и по дому никакое дело в руки не идет. Нет, думаю, надобно его проучить как следует! Что ж, решено. Я сел за машинку, вставил чистый лист... Да и начал печатать список жильцов во всех шести домах, что под одним номером, только на «А» да «Б». Набралось около двухсот человек. Сложил я листы — и вниз, в квартиру Гияса. Прихожу — он только, видно, позавтракал. На диване полеживает, смотрит телевизор, рядом на столике чайник с пиалой.

— О-о, заходите, сосед! — Он, учтивости ради, попробовал подняться.

Но я успел подскочить, взял за плечо:

— Не вставайте, пожалуйста. Устали, а там защита на носу...

Он охотно подчинился, ноги вытянул на диване. На меня поглядел с благодарностью: спасибо, дескать, твоему отцу, что ты такой понятливый, искупительной жертвы ради тебя не жаль...

— Гияс-ака, как вам известно, у нас, узбеков, есть прекрасный обычай. Если у близкого человека, соседа или родича, той, все вокруг, подпоясавшись потуже, идут к нему: «Чем можем услужить?» Мы с вами тут, в Академгородке, в одном доме живем больше десяти лет. И вроде до сих пор уважения друг к другу не потеряли. Друг друга только на «вы» величаем... Да попросту как братья, старший и младший! Верно?!

— Очень даже верно! — обрадовался он.

— Ну, так вот, если угодно аллаху, недели не пройдет — состоится ваша защита. И той по такому поводу принято устраивать не хуже, чем как по случаю рождения ребенка. Так?

— Так... — неопределенно протянул хозяин.

— Вот-вот, а кое-кто этого не понимает, — я искаса глянул на него, теперь он поднялся и сел на диване. — Когда я услышал добрую весть из ваших собст-

венных уст, от радости будто макушкой до неба достал. И уж сидеть сложа руки счел просто недопустимым. Ведь с устройством тоя столько хлопот... Верно?

— Верно... — эхом откликнулся Гияс, но уже как-то нерешительно.

— Вот я и решил вам помочь. Этот список, — осторожно протянул ему листы, — всех наших знакомых в махалле. Я, конечно, не знаю ваших близких родственников и сослуживцев. Вы уж сами впишите их либо поручите тому, кто знает. Ну, а здесь, мне известных, набралось до двухсот... Я думаю, вот что сделаем: завтра же созовем самых уважаемых посоветаться. На мой взгляд, лучше бы той устроить не здесь, во дворе, а в ресторане. Скажем «Зеравшан» — в самом центре города... Это вечером, а с утра плов здесь, человек на триста. Ресторан чем хорош? Там обслуживают, и никаких тебе хлопот. Если прикинуть, рублей по десять на человека, я полагаю, хватит. Хо-ош, наберется, верно, до четырехсот человек. Значит, надо четыре тысячи рублей, а то и пять. Что поделаешь? Зато — авторитет, уважение! Ну, решено?

— ...

Глянул я: на Гиясе, что называется, лица нет и список в руке крупно подрагивает. А глаза какие-то бессмысленные... Я даже испугался немного. И решил смягчить ситуацию.

— Вай, Гияс-акаджан, да вы совсем измучились, видать, на экзамене! — восклицаю с участием. — Ложитесь-ка давайте, не надо себя утруждать. И больше так себя не истязайте. Еще бы, студенты нынче шустры! Так и стараются вопросами донять бедного домлу, чтоб из сил скорее выбился...

Гияс никак не реагировал на мои сочувственные слова. И даже за пиалу не взялся чаю отпить, душу себе успокоить. Вижу, разговору конец, встал со стула.

— Гияс-ака, вы потихоньку отдыхайте себе. Что осталось, завтра впятером соберемся, обсудим. Сейчас, видно, вы чересчур утомились, не до дела. Ничего, мы все к вам придем на подмогу. Все будет в порядке, не волнуйтесь. А пока до свидания!

Я вышел, тихонько прикрыв дверь. Он же — хоть бы слово. И так с тех пор ни слова, ни звука про диссертацию, защиту, свою должность, якобы преподавателя. Ну, а я не напоминаю. То-то он теперь со мной пускаться в разговоры остерегается...

В продолжение рассказа Саидджана слушатели то и дело разражались смехом. Но Абрар-домла, поминутно вытирая слезы от лука, лишь молча улыбался. Только однажды вставил:

— Надо признать, Саидджан, знатно вы проучили беднягу!

— Как-никак, домладжан, с этим человеком вон сколько времени в одном доме живем, — отозвался тот, помолчал, затем рассмеялся: — Хотите, чуть-чуть буду пророком? Вот поглядите: сейчас наш найчи возвратится с базара. Немного погодя услышим сигнал машины с улицы... Нет человека, который бы этого сигнала не знал. Такой же звук пронзительный, что и голос у хозяина. Та-ак, затем он проедет вот этой дорожкой, причем для этого специально объедет вокруг дома. Здесь ведь полито, а самое главное — той, люди сидят, он мимо них должен проехать, продемонстрировать и себя показать. Об этом не забывает никогда. Дальше прямо поедет, пока машина в гараж не уткнется, а тогда с важностью вылезет наружу. Затем покричит супругу. Ну, и так далее. Вот помяните, домла: если мое пророчество хоть в чем-нибудь не оправдается, можете ваше «проучили» взять обратно.

Пророком Саидджан оказался превосходным. Только он умолк, с улицы донесся тонкий вскрик «Москвича».

— Слыхали? — Саидджан поднял палец. — Теперь наблюдайте.

Все за столом даже примолкли. Верно, все развивалось в точности по сценарию проницательного Саидджана. Изумление было всеобщим. Лишь в финале пророчество немного не совпало с ходом событий.

Неторопливо выйдя из кабины, разминаясь, Гияс окликнул не супругу. Зачем-то ему понадобился старший сын.

— Алишер! — возгласил он, стараясь придать тонкому, чуть хриловатому голосу степенность.

Сын у найчи — восьмиклассник. Не прошло и минуты, как он появился, долговязый, гибкий, в синем спортивном костюме.

— Чего, папа?

— Нет, нет! — Гияс из всех сил старался говорить солидно, внушительно, голос, однако, подводил. — Пойди позови мать. А то тебе не снести. Да поживей шевелись!

Это произносилось так, чтобы наверняка слышали все вокруг. Парень, пожав плечами, скрылся в доме.

Вскоре появилась тетушка Хасият. Когда она подошла, Гияс открыл багажник и протянул ей одну за другой две дыньки средней величины. Всего килограммов, от силы, на шесть. Без сомнения, рослый Алишер смог бы унести груз тяжелее раза в четыре.

«Каково?» — Саидджан переглянулся с Абраром. Тот, пока не выражая своего отношения к происходящему, с иронией разглядывал Гияса: «Эх, ты! Говоришь, немисский кастон польшинскою бронзой замаслил?..»

— Прямо на глазах обманывает всех нас! — улыбувшись, проговорил он, адресуясь к окружающим. — Уж не из тех ли он, которые в министерстве служат и где пятьдесят, там выводят сотню?

— Напрасно тревожитесь, домладжан! — Саидджан тотчас перехватил нить разговора. — Сей человек обманывает только махаллю, да еще собственное семейство. А уж государству очки втирать — не-ет!

— Правильно, братец, — согласился степенный преподаватель института и добавил назидательно: — И все же не забывайте, что сказал Энгельс. Государство нацелается с семьи, с немногих живущих совместно. С махалли, могу я добавить... Ну, и кто поручится, что сегодня вот этот Гияс обманывает семью, соседей, шесть кило выдавая за двадцать, а завтра не начнет обманывать людей в масштабе государства?

К их словесному поединку, шутивому, но с некоторой запальчивостью, гости прислушивались, не скрывая живого интереса.

— Домладжан, вы напрасно тревожитесь, — под конец уже серьезно проговорил Саидджан. — Этот человек из тех махаллинских очковтирателей, которые действуют исключительно ради собственного удовольствия. Без малейшей выгоды для себя лично!

— Ха-ха-ха!..

— Совершенно точно! — Саидджан тоже заулыбался, но теперь взирал на своего оппонента с видом превосходства. — Ну, а те, которые, как вы сказали, в масштабе государства... — Эти — только бы себе в утробу. Карнайчи¹, одним словом. А наш, которого вы

¹ Тот, кто играет на карнае — длинной медной трубе; здесь образно: беззастенчивый хапуга, в сравнении с которым найчи — мелкая сошка.

видите перед собой? В Министерстве социального обеспечения, где-то в отделе, какого и по названию не упомянуть, на счетах себе щелкает, вот такая у него должность. Потому-то его в махалле и зовут простым найчи.

Теперь дружно захохотали все до единого. И даже в ладоши захлопали. Похоже, и Абрар-домла был согласен с тем, что высказал Саидджан: глядя в стол, он согласно кивал головой и смеялся, что называется, в свое удовольствие. Затем внезапно умолк и спросил:

— Говорите, этого человека прозвали найчи? Он что же, в самом деле играет на нае?

— Погодите, домладжан, — остановил его оппонент, — а что требуется, чтобы играть на нае?

— Мастерство, наверное. Умение...

— Еще?

— Еще? Что же?..

— Требуются легкие, уважаемый домла, легкие, — наставительно проговорил Саидджан. — Этот человек на пятьдесят процентов состоит из легких. Потому он всего лишь «найчи»...

Теперь Абрар-домла до конца понял своего молодого собеседника. Вот оно что! Снова засмеявшись шутке, покачивая головой, он про себя прикидывал: согласно такой логике если «найчи» на пятьдесят процентов — легкие, то у жадного «карнайчи» легкие — от ногтей на ногах до самых ушей, одни легкие, больше ничего!

За столом, со смехом и шутками, перебивая один другого, оживленно обсуждали высказанное в споре, особенно заключительное утверждение Саидджана. Из радиолы на балконе лилась какая-то игривая мелодия, и говорящие подчас не слышали друг друга. Но все равно за столом воцарилось веселое оживление, как подобает не тое, когда все довольны собой и окружающим...

МОРЩИНКА

Отчего я вспомнил теперь эту историю? Ведь прошло уже столько лет с той далекой поры нашего детства. Наверное, все-таки из-за сегодняшней встречи с Разыкбаем. Да, наверняка из-за нее: встретил старого знакомого и вспомнил.

Лето сорок второго года. Мы плетемся на ишаках вместе с Сагындыком, возвращаемся из города домой, в свой кишлак. Косматое распаренное солнце висит над

головой, поджаривает затылки. Даже наши куцые тени, и те стремятся нырнуть под ишаков, подальше от его немилосердных лучей. Пустынна, уныла дорога в желтой сыпучей пыли. Топ-топ-топ — ступают по ней маленькие ишачьи копытца: они норовят попасть в широкую колею, сделанную колесами арб, — в ней легче идти, но ишаки то и дело сбиваются с шага, проваливаются в пыль и вновь упрямо начинают выбираться в колею. Пыль повисла над дорогой, пыль на нашей одежде, наших лицах — даже кусты колючки, растущие рядами на обочине, потеряли из-за пыли свой обычный цвет и напоминают изгородь из колючей проволоки.

Мы едем молча, глядим на полотно железной дороги, на медленно ползущий далеко-далеко поезд, похожий отсюда на длинную гусеницу. Интересно, успеем мы миновать шлагбаум раньше, чем его закроют?

Нет, не удастся. Полосатые палки опускаются прямо перед нашим носом. Из-за поворота, откуда должен показаться поезд, слышен печальный долгий гудок. Да, это я помню хорошо, — паровоз прогудел как-то очень печально, без радости. Вот он совсем близко. Пыхтит, одолевая подъем, тяжело отдувается. Состав, который тянется за ним, весь красный — весь из красных вагонов. Поначалу мы даже улыбаемся от удовольствия, видя такой нарядный поезд.

Вагоны почти рядом. И вдруг мы с Сагындыком видим в открытых окнах, в широко растворенных дверях тамбуров — белые марлевые повязки. Много-много повязок. Раненые! Везут раненых бойцов.

Мелькают мимо красные вагоны. Парень с забинтованной головой глядит из окна, он точно в белой чалме. У другого рука на перевязи — долго, обернувшись, смотрит в нашу сторону. А этот на костылях — прислонился к стене тамбура, рядом медсестра в белоснежном халате. Мелькают вагоны, — в красном движущемся потоке вспыхивают, как белые огни печали, повязки, повязки... Где-то далеко, уже невидимый отсюда, прокричал паровоз. Шлагбаум давно открыли, а мы все стоим на месте.

— Чего ты, Сагындык? — говорю я, вижу его глаза и тут же отворачиваюсь, — что-то сжимает мне горло.

Мы долго молчим, потом я слышу у себя за спиной его дружеское:

— Эй... а ты чего? Слышь... Поехали. Сегодня надо торопиться...

Да, сегодня мы должны торопиться. Торопиться так, точно за нами гонится стая волков. Загнать ишаков, но как можно быстрее приехать в кишлак, поделиться со взрослыми своей идеей. Ведь на фронте сейчас сражаются с врагом два брата Сагындыка и мой отец, там льется кровь и фашисты убивают ребят, а мы тут плетемся, как дохлые курицы, по пыльной дороге на ленивых ишаках, вместо того, чтобы нестись галопом в кишлак и выложить наш план.

— Н-но, н-но! — орем мы на ишаков и даем им хорошие шенкеля под бока. — Н-но, ленивые, вперед!

Пусть поднимается душной серой завесой проклятая пыль, пусть она забивает нам глотки — надо спешить: ведь мы везем отличный план, как быстрее вывезти из кишлака в город, на элеватор, выращенную нашими колхозниками пшеницу... В колхозе не хватает арб, чтобы вовремя вывозить пшеницу, а нам пришел в голову такой мировой план, только держись! Эх, если бы взрослые его приняли... Мы бы, пацаны, показали тогда, на что мы годны... Вперед, миленькие ишаки, прибавьте ходу, вы самые лучшие зверюги на земле, ведь это вы подсказали нам великолепный план. Веселее, длинноухие! Мы трусим рысцой по дороге, отплеываем лезущую в рот пыль, слушаем, как ритмично, в такт бегу, икает что-то в животе у ишаков...

Идея принадлежала Сагындыку. Пришла она ему в голову внезапно. Мы в тот день давно выбрались из города, проделали почти половину пути до дому, когда он странно взволнованным голосом вдруг произнес:

— Смотри... смотри вперед!

Я посмотрел, пожал плечами. Нам навстречу трусила на ишаке ничем не примечательная личность в войлочной шапке и туго перетянutom стеганом халате. Следом тянулись два ишака, на каждом — по набитому мешку.

— Не жарко ему, — сказал я, — как на Северный полюс собрался...

— Я не об этом, — быстро промолвил Сагындык. — Ты видишь, какой у него караван?

— Подумаешь, — сказал я, — три ишака.

— Это у одного. А представляешь: если собрать их хотя бы со всего кишлака...

— Зачем? Ослиную выставку устраивать?

— Как ты не понимаешь! — закричал он. — Ведь

с таким караваном можно весь колхозный хлеб перевезти...

— Стой! — тоже закричал я. — И караван этот поведем в город мы сами, точно?

— Точно!

Тут меня неожиданно взяло сомнение: как отнесутся ко всему этому взрослые? Еще на смех подымут.

— Не подымут, — сказал Сагындык, — мы же для фронта стараемся.

Так мы и ехали остальную часть пути, размышляя о своем плане, веря и не веря в него, а тут красный поезд повстречался у переезда. Когда он затих вдаль, и мы обнаружили, что стоим у поднятого шлагбаума, и я увидел глаза своего друга Сагындыка, которые он прятал от меня, потому что мужчинам не пристало плакать, мы уже не думали ни о каких насмешках. Мы колотили босыми пятками по бокам своих ишаков. Если бы теперь над нами стал смеяться целый мир, мы бы все равно не отступились...

В полях — острый щекочущий запах свежего зерна. Еще издали показалась большая оранжевая гора на хирмане, а вокруг, насколько хватает глаз, трудятся люди: женщины, повязавшись до бровей платками, мечут стога, а там мальчишки и девчонки из кишлачной школы ходят по колючей, как бобрник, стерне, подбирают колоски, упавшие на землю. Ни одного зернышка не должно пропасть: ведь наш хлеб ждут голодные города, ждет фронт. Мы подъезжаем к хирману, грязные, запыленные, похожие на чертей. Никто даже не обернулся в нашу сторону: люди заняты своим трудным делом. На одной из площадок старший внук дедушки Халика-бобо Ганишер гоняет по кругу упряжку лошадей — лошади тащат огромную балку по рассыпанной вокруг свежескошенной пшенице. То и дело прибывают на хирман арбы со снопами. Пробираемся к сыпучей хлебной горе, возле которой хлопочет старый Халик-бобо. На нем потерявшая цвет рубаха — яхтак с вырезом на груди, широкополая войлочная шляпа. Лицо запорошено пылью, и ресницы белые-белые, как пшеничные колоски. Халик-бобо монотонно и размеренно, точно веслом по воде, машет туда и сюда лопатой — подбрасывает вверх зерно.

Мы здороваемся, слезаем с ишаков.

— Растите большими джигитами, — бросает нам в ответ старик, продолжая орудовать лопатой.

Больше он ничего не говорит. Проходит минута, дру-

гая, лопата Халика-бобо так же ритмично, — раз-два, раз-два, — продолжает гулять вниз и вверх, и, по-видимому, если старика не остановить, он будет работать так до захода солнца. Мы переглядываемся с Сагындыком. Он разводит руками: не знаю, мол, что делать. Я тоже не знаю, почему мы молчим и смотрим, как летят вверх, сорвавшись с лопаты Халика-бобо, новые пригоршни чистых красноватых зерен.

— Сынок Сагындык, — неожиданно оборачивается он к нам, вытирая платком лицо, — а ну-ка, зайди сзади за эту гору.

Сагындык неуверенно идет к горе, исчезает по ту сторону.

— Видишь меня? — кричит ему старик.

— Нет, я ничего не вижу, дедушка! — слышен голос Сагындыка.

— Ай, хорошо, — улыбается беззубым ртом старик, — значит, сегодня опять перекрыли план. Как только такую прорву вывозить будем...

И тут мы прямо закричали оба — в два голоса! Сагындык кричит, я кричу — ничего понять нельзя.

— Спокойнее, спокойнее, дети, что-то я вас никак не разберу, — останавливает нас Халик-бобо. — Какие ишаки? Какой ишачий караван? Уж не перегрелись ли вы на солнце за дорогу?

Тогда мы начинаем все сначала. Как ехали, как увидели того человека с тремя ишаками, как нам пришла в голову идея.

— Стоп-стоп, — говорит старик. — А знаете, дети: мне ваш план по душе. Эй! — кричит он неожиданно кому-то, сидящему под навесом хирмана. — Эй, полномочный джигит, иди-ка сюда!

Мужчина в кавалерийских галифе и сапогах, писавший что-то в блокнот, сидя на корточках, поднимается, не спеша идет к нам. У него очень смешные усы — словно на губе, под носом, жук-усач прицепился.

— Слушаю, аксакал! — говорит этот уполномоченный по заготовкам, а сам на нас и не глядит.

— Видишь ли, сынок, какое дело... — начинает Халик-бобо и рассказывает ему все по порядку. Ничего не пропустил.

Уполномоченный сразу заулыбался, и мы с Сагындыком увидели, как половина «жука» забралась ему в нос.

— Молодцы, — похлопал он нас по плечам, — ай

да молодцы!.. Отлично, ребята. Сегодня же переговорю с председателем. Да он за такую идею прямо танцевать будет. — Уполномоченный, довольный, потирал руки.— Отличная мысль. Так-ак... Если два десятка поначалу пустить... — Он на мгновение задумался, потом забормотал: — Пятьдесят в среднем на мешок, пятьдесят да двадцать... Да это же целая лишняя тонна зерна ежедневно! — закричал он и опять хлопнул нас с Сагындыком. — Мо-лод-цы! Каждый день тонна!.. Ну, и башковитый народ эти пацаны.

Мы ликовали. Мы чувствовали себя в эти минуты так, точно были на войне и выиграли бой, и командир нам за это объявил благодарность перед строем бойцов. Так мы стали погонщиками ишачьего каравана — Сагындык, Агзам, внук дедушки Халика-бобо — Ганишер, Разыкбай и я. Вечерами засыпали зерно в мешки, а на рассвете следующего дня, когда на побелевшем небе еще мерцали последние не успевшие погаснуть звезды и всюю горела невысоко над горизонтом Венера, похожая на хрустальный осколок, наш караван выходил в неблизкий путь. Каждый сидел верхом на ишаке с мешочком полегче и тянул за собой еще четырех длинноухих, которых почти и не видно было из-за тяжелой поклажи.

До города много часов ходу — успеешь и наговориться с приятелями, вздремнуть немного, кляя носом и поминутно просыпаясь в последний момент, когда, того и гляди, шлепнешься с седла в густую пыль. Хорошо, что Разык с нами — с этим не уснешь: он и смешные песни всю дорогу распевает, и анекдоты всякие рассказывает, и небылицы. Начнет врать — живот надорвешь. Разбитной малый, веселый. Мы его за веселый нрав и взяли в свою караванную артель. Он сын заведующего колхозной фермой — и старше нас, и ростом выше всех, и, в общем, парень хоть куда — с таким не пропадешь: любого вокруг пальца обведет.

Мы трясемся по дороге на ишаках, а Разык орет во все горло песню, к которой сам придумал потешный куплет:

С нашими чудесными ослими
Быть нам всем, ребята, с сапогами..

Конечно, куплет смешной — ведь все мы едем в город без сапог, босыми. Сапоги на базаре есть, но они не по карману нашим матерям.

Шагает по дороге наш ишачий караван. В пригороде мы смешиваемся с такими же караванами из других колхозов: нашу идею подхватили во всем районе — вот ведь как здорово получилось! И когда неподалеку от элеватора мы проезжаем мимо плаката, с которого седая женщина спрашивает, показывая на тебя рукой: «А что ты сделал для фронта?» — нам не стыдно смотреть ей в глаза. И раньше не было стыдно, а теперь и подавно.

Я начал с сегодняшней встречи с Разыкбаем, но увлекся, стал вспоминать былое: испепеляющее лето сорок второго, наш трудный хлеб, нашу гордость за то, что мы, дети, не оставались тогда в стороне от гигантской битвы с врагом, которую вел наш народ.

Но Разыкбай заставил вспомнить и другое...

Как-то, сдав на весы привезенный хлеб, мы удивились: весовщик записал нам девятьсот восемнадцать килограммов. Мы потребовали перевесить мешки. Странное дело — стрелка остановилась на той же цифре — девятьсот восемнадцать, толстый весовщик нас не обманул, как мы предположили вначале. В чем же тогда дело? Ведь дома, в кишлаке, мы погрузили на ишаков ровно девятьсот сорок килограммов. Куда девались еще двадцать два? Просто чудеса какие-то...

В следующий наш приезд — опять та же история, опять нехватка. Расстроенные, недоумевающие выбрались мы из ворот элеватора. И тут только хватились Разыка — он куда-то исчез. Этого еще недоставало: мало того, что мы теряем где-то хлеб — еще и товарища потеряли. Кинулись мы туда-сюда, обегали близлежащие улочки и закоулки — нет Разыка — и все! Хоть караул кричи.

Только сели передохнуть, посоветоваться, как быть дальше, глядь — Разык идет, живой и невредимый. Мы обрадовались, а потом напустились на него: почему убежал, ничего не сказав? Мы из-за него переволновались все страшно. А тут еще эта недостача с зерном...

— Я здесь неподалеку родственника встретил, — отвечает Разык и добавляет озабоченно: — Что, опять недосчитались зерна? И куда оно только девается? Фокус-мокус получается...

Оседлали мы ишаков и двинулись в обратный путь. По дороге остановились у речки искупаться — уж очень было жарко, прямо невмоготу. Только оделись и вско-

чили в седла, вдруг схватился этот Разыкбай за живот: раскачивается, стонет:

— Ой, ой, мамочка родная...

— Ты чего? Что с тобой, Разык! — кинулись мы к нему.

— Урю-ук...

— Урюк? Ты поел урюка, да? Отвечай.

— Поел... Ой, больно... Родственник угостил.

Мы стали его стаскивать с седла, чтобы он немного полежал на травке, пока не отпустит боль, но не тут-то было. Разыкбай ни в какую не желал слезать.

— Мне уже лучше, — говорит, а сам закрывает рукой хурджун.

— Что у тебя там, крокодил, что ли? — спросил я. — Чего ты там прячешь?..

— Да так, — говорит, — ничего там нет, только поллепешки...

Но нас рассмешил его растерянный вид, и мы с хохотом стали стягивать его с ишака.

— Не надо, ребята! — орал он. — Пустите...

И вдруг все замолчали. Седло свернулось набок, и на землю упали... сапоги. Два кирзовых солдатских сапога! Они были завернуты в какую-то мешковину — она развернулась, и все мы увидели, как рядом с сапогами просыпалось несколько пшеничных зерен.

Стало очень-очень тихо. Только слышно было, как сопел носом разгоряченный борьбой Разык.

— Откуда сапоги? — сказал Сагындык и шагнул к Разыкбаю.

— Родственник... — этот ворюга еле мямлил.

Мы придвинулись к нему вплотную.

— Ребята, — сказал он. — Вы мне не верите?.. Ребята, я же только...

С того дня уже некому было в нашем караване рассказывать смешные истории и распевать веселые песни, от которых проходит сон, мы изгнали с позором Разыкбая. Нам казалось, что он после всего, что случилось, сгорит от стыда, сквозь землю провалится, мы даже не рассказали никому об этой истории, он просто перестал существовать для нас, этот человек.

А с него, представьте, как с гуся вода. Через месяц уже устроился сторожем на пшеничном хирмане — папаша помог. Мало того, стал мстить нам, да еще как подло. Встретил как-то младшую сестренку Сагындыка.

Она несла домой после целого дня работы в поле мешочек с зерном — существовало правило: дети, собиравшие в полях оставшиеся колоски, три раза приносили зерно на хирман, а четвертый сбор шел в их пользу. Так этот любитель чужого вырвал из рук девочки зерно, потом ударил ее.

Лопнуло наше терпение. Мы отправились все вместе на хирман, чтобы проучить Разыкбая. Он еще издали нас заприметил, смотрим — побежал куда-то, потом вернулся, тащит седло. Оглядываясь, стал поспешно прятать лошадь.

Мы подбежали вовремя — он уже закидывал ногу, обутую в новенький сапог, чтобы вскочить в седло. Я оказался рядом с ним раньше остальных и — честное-пречестное слово! — ясно увидел, как из широкого голенища разыкбаевского сапога сыплется тонкой струйкой зерно. Если, конечно, у меня в ту минуту не началась галлюцинация...

— Слезай! — заорал я.

— Зачем? — он трусливо оглядывался, чувствуя, что помощи ждать неоткуда.

— Слезай, тебе говорят. Есть разговор.

— Говори здесь... — Разыкбай был белый, как стена хирмана.

— Эй, эй, что там такое? — послышалось со стороны, и мы увидели дедушку Халика-бобо с лопатой в руке, спешащего к нам. — Что это вы затеяли, дети! — говорил он с придыханием, легонько отпихивая нас подалее от Разыкбая. — Прямо молодые петухи...

Подоспел и наш знакомый уполномоченный с жуком-усачом под носом.

— Что тут происходит? — спросил он строго.

— А вот что, товарищ уполномоченный, — сказал я и, выйдя вперед, показал на Разыкбая: — Пусть он снимет сапоги.

— Сапоги? Зачем вам его сапоги? — изумился тот.

— Не сапоги, а то, что он в них насыпает.

— Не верьте, не верьте им! — заорал Разыкбай.

Мы не стали дожидаться — мы бросились на Разыкбая, свалили и силой стянули с него сапоги. На земле остались лежать две горки красноватых глянце-вых зерен, кое-где вперемежку с тонкими былинками невывеянной шелухи.

— Самый резвый жеребец не остановится, пока не обожжется, — молвил с посуровевшим взглядом старый

Халик-бобо. — Давно я заметил, как он в этих сапогах что-то уж больно тяжело ходит домой — все норовит на лошади ускакать. Недаром говорят: у честного шаги сажень, а у погани — с вершок. — У старика даже борода затряслась от негодования.

— Много уволок? — спросил у Разыкбая уполномоченный.

— Не-е... — размазывал тот по лицу крокодиловы слезы. — То-о-ль-ко один раз... Во-он у Кабира спросите... — показал он на стоявшего рядом своего брата Кабирджана.

— Лиса призывала в свидетели собственный хвост, — сказал кто-то позади и тоже попытался хихикнуть.

— Катись отсюда! — неожиданно крикнул на него Сагындык, и все, кто прибежал тогда на хирман, закричали разом:

— Вон, вон отсюда! Уходи прочь! Чтоб духу твоего не было больше рядом с хлебом!

Халик-бобо еще сказал нам:

— Смотрите, ребята, как бывает иной раз в жизни. Ведь он ест лучше вас — у него отец заведует фермой, а у вас у многих отцы далеко. Не давайте таким спуску — из них вырастут дурные люди. Ведь если мясо чуточку пахнет, его можно присыпать солью, и оно еще сгодится. Но если в нем заведутся черви, тогда конец — никакая соль не поможет.

Я все время хочу рассказать о том, как встретил сегодня Разыкбая, и всякий раз меня окружают воспоминания тех далеких лет. Я никак не скажу главного.

Да, так случилось, что мы встретились через много лет. Повстречались на улице, узнали друг друга, несмотря на то, что очень изменились, — он напросился ко мне в гости. Мы сидели за столом, вспоминали детство, кишлак. Разыкбай очень растолстел, но в общем выглядел неплохо.

— А ты изменился, дружище, — сказал он мне вдруг, — смотри, какая на лбу морщинка. Как борозда на вспаханном поле...

Я быстро глянул на него и неожиданно понял, что именно весь этот вечер привлекало мое внимание. Круглое лоснящееся лицо Разыкбая! Оно было без единой морщины — гладкое, с розовой кожей. Ни одной морщины не нажил человек за всю свою жизнь — надо же так суметь! Неужели, как тогда, в жарком сорок втором, он продолжал все эти годы ловчить, избегая опас-

ности, не переживал глубоко, не страдал? Неужели и так можно прожить на этой прекрасной земле — без единой морщинки?

ГИРЯ

По настоянию сына Сагындыка я пришел на родительское собрание пораньше. Солнце давно уже село, и школа была залита ярким электрическим светом. Из спортзала доносились крики детворы, позвякивание гирь, глухие удары мячей. Выкурив сигарету, я тоже тихонько вошел туда.

В зале от неоновых ламп — светло как днем. Ребята, одни в синей, другие в черной форме, кто упражняется с гантелями, кто с натугой поднимает гирю, кто взбирается по гимнастической стенке...

Вдруг я заметил тридцатидвухкилограммовую гирю, покоящуюся на подстилке из красного бархата, расстеленной на стуле с высокими ножками, который стоял возле стенда у стены. Она была начищена до блеска. На небольшом кусочке картона, привязанном к ручке гири, были написаны следующие слова: «Эта гиря ранней весной 1944 года...» Воспоминания недалекого прошлого нахлынули на меня...

* * *

...Смеркается. Вдвоем с Эшматом-ака возвращаемся мы из города на бричке, запряженной парой лошадей. Земля покрыта глубоким снегом. Небо затянуто облаками. Порошит мелкий снежок. На голове у меня большая отцовская ушанка, одет я в меховую шубу, подогнанную по мне, на руках — шерстяные варежки, на ногах — валенки. Под себя я подложил сложенный вдвое хурджун с покупками.

Молчавший до сих пор, словно воды в рот набрал, Эшмат-ака оглянулся и сказал:

— Вот и переехали железную дорогу. Как уговорись, а?

— Ладно... — нехотя произнес я.

Эшмат-ака натянул вожжи.

— А ну, садись-ка поближе. Вот так, еще, — проговорил он, подсаживая меня на передок. Затем, взяв

костыли, осторожно слез с брички. — Не гони лошадей. Отсюда они сами повезут тебя, бедняги.

Эшмат-ака отошел на несколько шагов: костыли глупо увязали в снегу. Я тряхнул вожжами. Лошади, выпуская из ноздрей белый-пребелый пар, потащили бричку. В душе я немножко трусил, но одновременно испытывал и гордость от того, что целая бричка оказалась в моем распоряжении.

Проехав немного, я приблизился к перекрестку. Достаточно повернуть направо — и я на дороге в наш кишлак. Если повернуть налево, можно доехать до колхоза «Чапаев». На перекрестке что-то чернело. Глянул я — громадный человечище! На нем халат без подкладки и брюки из черного трико, на голове тубетейка черного бархата, на ногах выворотные сапоги. Прямотаки сказочный великан. Страшный! Сказать по правде, я слегка перепугался. Он медленно, вразвалку, подошел к бричке.

— Стой!

У меня душа в пятки ушла. Разве бывает такой грубый голос, на человеческий не похожий?..

— Куда направляешься?

— В кишлак... — еле вымолвил я.

— В какой кишлак? — басом спросил тот великан.

Я совсем растерялся. «А что, если это сам див, о котором в сказках сказывается!» — мелькнула мысль.

— В Коктерек... — ответил я, а сам даже голоса своего не расслышал.

— Тогда подбросишь меня до «Чапаева»!

— Опаздываю я.

— Ничего, мальчуган.

Я не знал, что и делать. Про себя подумал: «Надо удирать! Если стегну лошадей кнутом, не догонит. Где уж ему с таким неуклюжим туловищем? А подвезти его до «Чапаева», когда же сам до дому доберешься? Боязно одному. Вдобавок отпустит ли меня этот див целым и невредимым?»

Пока я размышлял, великан, намереваясь влезть на бричку, ухватился за нее. Рискнув, я быстро поднялся с места и хлестнул лошадей кнутом. Лошади, не стерпев удара, разом рванулись вперед, но бричка почему-то не сдвинулась с места. Удивившись, я оглянулся и увидел: передние концы оглоблей поднялись кверху, а сзади бричку крепко держит тот человек. Хоть и старый на вид, а сила вон какая!

— Куда! — сказал он. — Что, удрать собрался? Что ж, если у лошадей силенок хватит, валяй.

— Пустите! — проговорил я чуть не плача. Он, не обращая на это никакого внимания, продолжал удерживать бричку. Она ни на пядь не сдвинулась с места, а лошади, с хрипом порываясь вперед, от бессилия повалились в снег на колени. «Ну разве не говорил я, необычный это человек. Див!». Видимо, я побледнел. Глянул на него украдкой: он, ослабившись, одной рукой все еще держался за бричку. Внезапно он расхохотался. И смех его не походил на человеческий: «Нет, не человек это — див!»

— Ну как, поедем, мальчуган?

Я не ответил. Да разве я мог? У меня дыхание перехватило.

Он, не дожидаясь моего приглашения, влез на бричку, осторожно, на цыпочках подошел и уселся сбоку.

— А ну, поворачивай в «Чапаев»!

Я машинально повернул лошадей налево. Боюсь обернуться. Слышу, как шумно он дышит, время от времени ворочаясь, так что доски брички трещат. Мне показалось, что середина у брички прогнулась. Он, словно что-то почувствовав, посмотрел на меня и пробасил:

— Ты не бойся, мальчуган.

Когда он сказал это, глядя на меня, я ощутил, что он вспотел. В такой-то холод! Ладно был бы тепло одет. Мне показалось, что он смотрит на меня с улыбкой.

— Отец у тебя есть?

— Есть... — сказал я. После этого мне немножко легче стало.

— Где?

— В армии...

После этих слов он умолк. Вдруг я услышал какой-то треск. Глянул на него, а он сидит и орехи щелкает.

— Хочешь семечек, мальчуган? — спросил он.

Чудно! Орехи для него будто семечки! Я молчал.

— На, бери!

Сказав это, он запросто расколол орех. Ну говорил же я, что это — див! И вопросы его на него похожи, корявые, один с другим не вяжутся. Он погрузился в свои мысли. Я же думал только о том, как бы мне избавиться от этой напасти.

— Учишься? — спросил он неожиданно.

— Учусь.

— В каком классе?

— В шестом.

— Теплая у тебя шапка.

Я промолчал, а про себя сказал: «Плакала твоя ушанка, Хаджимурад!» Затем я ждал, что он сорвет ее с моей головы. Однако он ее не тронул. Лошади продолжали мерно брести шагом. Становилось все темнее. Похолодало. Шел мелкий искристый снежок.

— Сколько осталось до «Чапаева», мальчуган?

— Половину проехали...

— А ну, останови!

Натянув вожжи, я с опаской оглянулся. Великан, почему-то стоя на коленях, смотрел назад. Вдали виднелось что-то темное. Оно быстро приближалось. Вот уже совсем близко. Оказалось, что это одноконный тарантас,двигающийся на хорошей скорости. Увидев его, я совсем успокоился. Во всяком случае я теперь не одинок. Поравнявшись с бричкой, тарантас остановился. Великан, поднявшись с места, слез с брички. Сидевший в тарантасе человек со словами «Ой, Хаджи-ака!» проворно прыгнул наземь. Это был щуплый парень с усиками, похожими на жука. Одет он был в меховую шубу, на голове — бобровый треух, на ногах — выворотные сапоги с голенищами. «Щеголевато одевается», — подумал я. Великан медленно подошел к нему и спросил:

— Ну, где тебя носят?

— А я думал, мы сегодня в «Коммунизм» едем...

— Разве забыл, что мы обещали поехать в «Чапаев»?

— Хаджи-ака... — хихикнул малый с усиками.

— Да ты еще и выпил...

— Хаджи-ака... Хи-хи-хи...

Похоже на то, что великан не стерпел его кривляния, быстро вырвал кнут из его руки и хлестнул его разок, сказав при этом:

— Вот тебе Хаджи-ака!

Малый с усиками, удирая, укрылся за тарантас. Великан вразвалку отправился за ним. Усатенький, продолжая глупо хихикать, забегал вокруг тарантаса. Великан с маху подстегивал его кнутом, всякий раз приговаривая:

— Вот тебе за то, что заставил меня ждать на морозе! Вот тебе за обман! Вот тебе за выпивку!

А малый с усиками, не переставая хихикать, бегал вокруг тарантаса и причитал:

— Голубчик, Хаджи-ака, виноват! Душечка, Хаджи-ака, простите!..

Они давно забыли про меня. Воспользовавшись таким удобным моментом, я повернул лошадей назад. Я подумал, что кто-нибудь из них окликнет меня, но им было не до этого. Не теряя времени, я стегнул лошадей кнутом. Долго еще доносился до меня жалобный голос парня с усиками, похожими на жука...

До Коктерека я добрался поздно вечером. Бричку и лошадей передал на конюшне конюху Мирзаахмату, взвалил хурджун на плечо и отправился домой. О том, что приключилось со мной в дороге, я никому не сказал ни слова. А если бы и сказал, кто бы поверил?..

...Назавтра утром, по дороге в школу, зашел ко мне Кучкарбай, сын Эшмата-ака. Позавтракав, я взял холщевую сумку и вышел на улицу.

— Хорошо, что зашел, — сказал я ему на ходу. — Вчера поздно вернулся и не смог зайти к вам: папа твой в городе остался. Дела у него там, оказывается.

— Он ведь приехал, — сказал с улыбкой Кучкар.

— Когда?!

— Утром. В город прибыл Хаджимукан-палван.

Я быстро взглянул на него.

— Не веришь? Папа рассказывал, — сказал он, оживившись. — Папа-то и остался в городе посмотреть представление Хаджимукана-палвана.

— Ну как, видел?

— Нет, не видел. Тот уехал в «Чапаев».

По дороге из школы мы слышали от людей, будто в наш кишлак приезжает Хаджимукан-палван, представление даст. Вечерами он, мол, посадив на плечи двадцать молодцов, вертит их, из железных прутьев, толщиной в руку, веревки вьет, восьмью двухпудовыми гирями одновременно жонглирует... Не удовлетворяясь только представлением, он будто бы для наших дорогих бойцов, сражающихся на фронте, теплую одежду собирает, ходила молва.

Не прошло и двух дней, как Хаджимукан на тарантасе, вместе с тем усатеньким парнем, приехал в наш кишлак. Надо ли говорить, что дети в такие моменты оживляются? Вся детвора толпилась вокруг него. Я же держался немножко поодаль. Я боялся, как бы он не вспомнил тот день, когда я удрал от него.

Вечером весь кишлак, от мала до велика, собрался в полутемном клубе нашей школы. Пришло и несколько

похожих на отца Кучкара бойцов, получивших ранения на фронте. Короче, в клубе яблоку некуда было упасть. Мы, дети, уселись впереди всех на цинновках. Некоторые принесли с собой ручные фонарики. На правой и левой стенах клуба тускло светились десятилинейные лампы. Все взоры были обращены на сцену. Вот на сцену степенной походкой вышел Хаджимукан-палван. Затем он просто и скромно представился:

— Хаджимукан Мунгайтпасов.

Среди собравшихся возникло оживление. То тут, то там раздались хлопки, похожие на биение голубиных крыльев. Представление началось. Все вчерашние слухи оказались правдой. Хаджимукан все это показал и на сцене. Особенно последний номер его программы был и опасным и интересным: положив на голову четыре железных кирпича, он пожелал, чтобы по ним ударили тяжелым молотом. Никто не осмелился. Наконец, вернувшийся с фронта раненный в ногу парень по имени Джуман вышел на середину.

— Сильно ли ударить, Хаджи-ака? — спросил он, жалея палвана.

— Ударь так, как бы ты ударил фашиста, — пробасил Хаджимукан.

— Вы ведь не фашист.

— Верно, я не фашист. Вообрази...

— Раз так... — сказал Джуман-ака, высоко поднимая молот.

Тяжелый молот с треском обрушился на кирпичи. Все четыре кирпича, разбитые вдребезги, посыпались на пол. Палван на миг замер на месте, затем медленно поднялся. Дети, сначала затаив дыхание, воскликнули «ух», и увидев, что с палваном ничего не случилось, зааплодировали.

Палван пожал руку Джуману-ака.

— Есть, оказывается, сила в твоей руке. Если все наши парни так же будут бить фашистов, как ты, тут им и крышка, — сказал он, положив вторую руку на плечо Джумана-ака. Затем, взглянув на собравшихся, немного повысив голос, он обратился к ним: — Друзья! Если мы хотим, чтобы руки всех наших ребят, сражающихся на поле брани, были бы такими же сильными, как у этого парня, то мы должны помогать им чем можем. Пожелаем им удачи...

Палван долго еще говорил в таком же духе. В клубе на некоторое время воцарилась тишина. Вдруг одна

молодая женщина тихо поднялась с места, осторожно сняла с пальца кольцо и на цыпочках направилась к сцене.

Малый с усиками в мгновение ока расстелил на краю сцены большой платок. Та женщина, бережно положив кольцо на платок, вернулась на место. Все молчали. После нескольких мгновений по одному, по двое, по трое, кто фуфайку, кто полушубок, кто варежки, серьги на платок начали класть.. Собралась груда вещей.

Самым последним вышел я. Папину ушанку, которую я носил, положил на самый верх.

— Эй, не тот ли ты мальчик, что вчера удрал? — сказал мне палван. — Зовут тебя как?

— Хаджимурад.

— Молодец, сынок. Ты не обижайся. В тот день я вот на него немного рассердился... — сказал он, посмотрев на парня с усиками, стоявшего на краю сцены. Затем, нагнувшись, обнял меня и, подняв двумя руками, сказал: — Не примешь близко к сердцу?

— Нет, — проговорил я тихо.

— Bravo, мальчуган! — сказал он, осторожно поставив меня на землю. Затем он отправился в угол сцены, где лежали гири, которыми он совсем недавно жонглировал, и принес одну из них.

— Пусть это будет сувениром от меня для тебя и твоей школы. Будьте похожи на дедушку-палвана!

Я радостно взглянул на Кучкара.

После окончания представления мы вместе с Кучкаром, просунув палку сквозь ручку гири, с трудом унесли ее...

* * *

Я очнулся от тяжести руки, опустившейся мне на плечо. Оглянувшись, я увидел Кучкара-палвана.

— А, это ты?

Он, словно прочитав мои мысли, сказал:

— С того случая уже тридцать лет прошло, а!

Мы на минуту умолкли. К нам подошла молоденькая учительница и пригласила:

— Пойдемте, пожалуйста. Все родители уже собрались. В шестой «Б» класс!

Мы с Кучкаром тихо поднялись с мест...

ДРУЗЬЯ

Встреча

Май 1962 года. Весна в самом разгаре. Небо над Алма-Атой чистое, словно протертое стекло. На небольшой площади перед зданием аэропорта многолюдно: здесь собрались писатели, поэты, артисты, музыканты... Посланцы узбекской литературы и искусства прямо с только что приземлившегося самолета попадают в дружеские объятия своих казахских друзей.

— С прибытием!..

— Добро пожаловать!..

Стайка узкоглазых девушек в национальных костюмах с огромными букетами цветов в руках смешивается с толпой встречающих, и такое впечатление, будто яркий цветник сдвинулся с места. Цветы! Цветы!..

После краткого митинга и приветственных слов Сабита Муканова гости и хозяева направляются в отведенную для делегации резиденцию.

...Дача Совета Министров размещалась в живописнейшем месте с живительным горным воздухом; здание ее утопало в зелени фруктового сада. Когда проворные фотокорреспонденты собрали участников декады литературы и искусства Узбекистана, чтобы сделать групповой снимок, я вдруг увидел среди них домлу Айбека. (Позже я узнал, что по состоянию здоровья он не мог лететь самолетом и поэтому приехал поездом чуть раньше нас.) После того, как фотографы сделали свое дело, один из руководителей нашей делегации поручил мне присматривать за домлой Айбеком. Он тогда страдал расстройством речи, выговаривал лишь отдельные слова, да и те с трудом, заикаясь от сильного душевного волнения. Для себя же я понял поручение так: домла Айбек и сам прекрасно понимает язык казахских друзей и мне, видимо, не нужно будет переводить ему, а, напротив, надо будет перевести казахским друзьям все, что станет говорить узбекский писатель.

Согласно программе нашего пребывания на гостеприимной казахской земле на следующий день нам предстояла прогулка на горное озеро Эсик-куль, расположенное к востоку от Алма-Аты, а на обратном пути — встреча с жителями окрестных аулов. И вот вереница легковых автомобилей мчится по гладкому асфальтовому шоссе в сторону Эсик-куля. Вчера еще чистое,

как протертое стекло, голубое весеннее небо покрылось светло-серыми тучами, и чем ближе мы подъезжали к горам, тем косматее становились они, все ниже ползли над землей, роняя порой тяжелые холодные капли.

— Сколько километров до Эсика? — спросил я одного из хозяев, сидевшего рядом со мной в машине.

— Семьдесят пять.

— А почему вы называете это озеро Эсик¹? Ведь на всех картах оно именуется Иссык².

— Озеро расположено в расщелине, сквозь которую ветры проникают в город. Вот и получается что-то вроде открытой двери. Поэтому-то мы и называем его Эсик.

— Вот, оказывается, в каком смысле.

— Да. А наши русские друзья отчего-то произносят «эсик» как «иссык», вот и получилось как у киргизов — Иссык-куль...

— Теперь понятно...

Проехав около часа, мы стали подниматься вверх по узкой извилистой асфальтовой дороге. Изумрудные луга сменились подножиями хребтов, на которых росли тянь-шаньские ели. Мы ехали в конце каравана, и нам было хорошо видно, как головные машины въехали на вершину и, сделав круг, остановились. Отсюда, с вышины, озеро было видно как на ладони; оно казалось крохотным. Громадные скалы обступали его. Вода в озере была необыкновенно чистой и голубой. На склонах гор, будто зеленые свечи, высились ели. Воздух пьянил свежестью и прохладой. По глади озера сновали, словно рыбы, несколько моторных лодок.

На самом берегу озера стояла высокая деревянная супа с перилами. Она была настолько просторна, что мы свободно уместились на ней и стали любоваться чудесным озером. От волнения, в которое меня повергла эта первозданная красота природы, я совсем позабыл, что должен был находиться подле домлы Айбека. Подошел к нему. Трудно было описать его состояние в тот момент; он целиком находился во власти развернувшейся перед ним величественной картины и, видимо, от волнения его большие от природы глаза были широко раскрыты, тибетейка съехала набекрень...

Тем временем моторки подошли к супе, и один из лодочников — молодой парень — прыгнул на берег и, сделав широкий жест рукой, сказал:

¹ Дверь.

² Теплый.

— Милости просим...

На супе сразу же возникло оживление. Вдруг домла Айбек дернул меня за рукав:

— Айда!

Гляжу, а он уже осторожно ставит ногу в лодку. Я быстро взял его под руку, помог сесть в покачивающуюся моторку, а сам сел рядом. Застрекотал мотор, и лодка, слегка раскачиваясь, заскользила по воде. Домла был ужасно рад, заразительно смеялся и махал рукой оставшимся на супе. А лодка, задрав нос, неслась к середине озера. Косматые темно-серые тучи, облизывая одинокие валуны, разбросанные по зеленому берегу, тяжело переползали через горные вершины. Истинно влюбленный в красоту домла Айбек, словно не замечая хмурой погоды, впивался восхищенным взглядом в окрестности и повторял одно-единственное слово: «Красота!»...

Моторка плавно подрулила к берегу. Мы вышли из нее, а наше место заняли другие. Когда все совершили прогулку по озеру, хозяева сказали нам, что на противоположном берегу для нас поставили юрту, где нас ждут, чтобы угостить кумысом. Мы снова сели в лодки и переправились на другой берег. Когда мы осторожно шли по мелкой острой гальке, которой был усыпан берег, мне удалось сделать снимок — домла Айбек идет рядом с Габитом Мусреповым и тот что-то тихо рассказывает ему.

Вскоре мы подошли к юрте. Она стояла посреди густой роши. Мне в жизни доводилось видеть разные юрты — и четырех, и шести, и восьмистворчатые, но такой огромной — никогда! Снаружи она была обтянута белоснежным войлоком, опоясана в нескольких местах новенькими разноцветными лентами, сверху свисали узкие ковровые дорожки. Над входом красовался транспарант: «Добро пожаловать!» Внутри эта богатая юрта выглядела еще удивительнее. Обычно юрты строятся из дерева, но каркас и верхний обод этой были из металла. Пол был устлан цветистыми кошмами, на которых лежали одеяла-курпачи, подушки. На почетном месте — у дальней от входа стены — удобно расположились Гафур Гулям, Сабит Муқанов, домла Айбек, Габит Мусрепов, Камиль Яшен, Абдулла Таджикибаев, Миртемир, Хамид Гулям... словом, признанные аксакалы наших братских литератур. И грянула аския, посыпались шутки, раздал-

ся смех. Так искренне, так добродушно могут смеяться лишь близкие друг другу люди, истинные друзья.

Кто-то вдруг спросил у хозяев про завтрашний маршрут.

— Завтра отправимся по областям, — сказал Габит Мусрепов.

— Самолетом или поездом? — спросил Гафур-ака.

— Чтобы объехать земли Казахстана на поезде, и месяца не хватит. А вы, кажется, приехали на декаду, не так ли? — рассмеялся сидевший с ним рядом Сабит-ага. — Конечно, самолетом...

— А разве не лучше попивать кумыс лежа в купе, чем сидя в самолете? — рассмеялся в ответ Гафур-ака.

Юрту потряс взрыв хохота. Тут Гафур-ака чуть наклонился к Сабиту-ага и тихо сказал ему на ухо:

— Ведь домле Айбеку нельзя летать самолетом....

Сабит-ага сразу посерьезнел от этих слов.

— В таком случае я сам останусь с Мусой... — так же тихо ответил он Гафуру-ака. — Город ему покажу и свезу его в горы.

Видимо, слова эти успокоили Гафура-ака и больше он к данной теме не возвращался. Не знаю, как другие, но я слышал их разговор и, улучив момент, подошел к Сабиту-ага и шепнул ему:

— Давайте я тоже останусь, Сабит-ага?

Он сразу понял, о чем идет речь.

— Нет, ты поезжай. Нам с Мусой толмач не требуется, мы и так понимаем друг друга, — сказал он.

На следующий день наша делегация улетела; ей предстояло посетить богатую углем Карагандинскую область, житницу Казахстана — Целиноградскую область, побывать в краю восьмидесяти озер — Кокчетаве, повидать изобилующий рыбой Балхаш, и повсюду участников декады ожидали встречи с замечательными людьми, а домла Айбек остался с Сабитом-ага в Алма-Ате...

Камень

(Со слов Сабита-ага)

На следующее утро после отлета делегации Сабит-ага пригласил Айбека в гости. Домла Айбек все еще находился под впечатлением вчерашнего дня. А вчера Сабит-ага с утра возил домлу Айбека по Алма-Ате в

своей машине, а после обеда они съездили в один из пригородных совхозов. На обратном пути Сабит-ага показал другу тогда только начавшийся строиться новый жилой массив города — Новую Алматинку. И сейчас, попивая чай с молоком «по-казахски», домла Айбек мысленно представлял все, что видел вчера, и широко раскрыв глаза, повторял: «Да-а!» — и мучился оттого, что не мог словами выразить свои впечатления, поделиться ими со своим старым другом. Но Сабит-ага и без слов понимал, что творилось у него в душе, и про себя негодовал на столь злую несправедливость природы.

— Муса, давай-ка махнем сегодня в горы, — сказал Сабит-ага, наклонившись к домле Айбеку.

Домла Айбек сперва несколько раз кивнул головой в знак согласия, а затем сказал одно лишь слово:

— Хорошо!

После завтрака друзья сели в машину и поехали в горы. Машина мчалась по асфальтированному шоссе, с двух сторон обсаженному деревьями, отчего оно напоминало зеленую улицу: за деревьями мелькали дома отдыха, санатории, пионерские лагеря, туристские и альпинистские базы и, казалось, им нет конца. По пути Сабит-ага выполнял обязанности гида, а домла Айбек, не в силах скрыть свои чувства, подтверждал слова своего спутника кивком головы, иногда изумлялся, качал головой. Когда машина подъехала к горам, Сабит-ага сказал, что место это называется Медев, по имени одного казахского бая, которому прежде принадлежали эти земли.

— Но вообще-то «медев» означает «сила, мощь», — пояснил он смысл этого слова.

— Ага. Мадат... мадор¹, — сказал домла Айбек, подтверждая слова Сабита-ага. — Есть... и у нас... тоже...

— А газетчики окрестили его «Медео», — иронически улыбнулся Сабит-ага. — А что сие означает, никому не известно. — Его от природы узкие глаза сделали совсем щелочками.

— На ита...льянский... ма...нер... — по-детски удовлетворенно засмеялся домла Айбек.

— Да, бедный Медев... — проговорил Сабит-ага, еле сдерживая смех. — Богатей из богатеев был, скоту его не было числа. А сколько овец имел...

В этот момент домла Айбек неожиданно воскликнул:

¹ Сила, мощь (узб.).

— Вон... овцы, — жестом указывая в сторону сая, вдоль которого они сейчас ехали.

И в самом деле белесые круглые валуны, большие и маленькие, разбросанные по течению сая, очень напоминали пасущуюся отару овец. От этой схожести у Сабита-ага даже потеплело на душе.

— Овцы Медева! — обрадовался он.

Поднявшись на вершину, машина остановилась на ровной площадке. Когда они выходили из машины, Сабит-ага прошептал что-то на ухо пареньку-шоферу. Тот утвердительно кивнул головой, завел мотор и поехал вниз.

А два друга спустились к берегу сая, любуясь дивной красотой окрестностей. Внезапно домла Айбек, весь во власти своих ощущений, позабыв, что рядом с ним идет Сабит-ага, остановился и пристально уставился на стремительный kloчущий поток, пенно разбивающийся о валуны. Затем, жестом указывая на чистую, прозрачную воду, сказал:

— О-го, прохладная... прохладная...

Сабит-ага понял его слова по-своему: «Гляди-ка, а мы и не взяли с собой ничего из теплой одежды!»

Да, здешний климат резко отличался от городского. На Сабите-ага был темно-синий костюм, на голове неизменная зеленая бархатная тибетейка, а домла Айбек был одет в голубой в мелкую полоску костюм, голову его покрывала новая, но уже помятая и оттого казавшаяся поношенной чустская тибетейка. Да, одеты они были легковато для этих мест. Сабит-ага заволновался: как же это он упустил из виду, что домла Айбек не совсем здоров. Даже если бы он был тепло одет, все равно его нужно поскорее отвезти обратно в город.

— Пошли, Муса, — сказал он.

Домла Айбек молча последовал за ним. Пока они спускались вниз, Сабит-ага рассказывал о природе этих прекрасных мест, о том, что весной, во время таяния снегов, на вершине Алатау вот этот самый мелкий сай превращается в грозную дикую силу, сметающую все на своем пути, и в такое время население города пребывает в страхе... Домла Айбек слушал этот рассказ с нескрываемым волнением и вдруг остановился как вкопанный. Невольно остановился и Сабит-ага.

Рукой указывая на сай, домла Айбек произнес:

— О-го, сила... камень!..

И в самом деле, громадный, величиной с небольшую

юрту, гладкий, словно специально отшлифованный рукой мастера, белесый валун высился посреди сая, и поток с шумом обтекал его, разбиваясь надвое. Гляди-ка, сколько раз бывал Сабит-ага в этих местах, а этого чуда и не заметил! Течение здесь было стремительное, но было так мелко, что отчетливо просматривалось дно, на каждом шагу лежали валуны, и, перепрыгивая с камня на камень, можно было легко перебраться на другой берег. И словно сговорившись, два друга осторожно спустились к воде и по камням направились к тому громадному валуну. Подойдя к нему, домла Айбек стал гладить его ладонями, приговаривая: «Да-а...», выражая свое восхищение столь замечательным творением природы. Понимая, что сейчас происходит в душе друга, Сабит-ага шутливо сказал:

— Ай, Муса, я дарю тебе этот камень!

Глаза у домлы Айбека радостно вспыхнули: он оценил и истинную щедрость друга, скрывающуюся в этом шутливом даре, и его тонкий юмор. Взглянув на Сабита-ага, он сказал:

— Здо...рово!.. Сила! — и еще раз погладив гладкую, округлую поверхность, словно грудь подаренного скакуна, легонько хлопнул по ней ладонью. — Да-а!..

Егор Самойлович

(Со слов Сабита-ага)

...Вестибюль Союза писателей Казахстана. Несколько молодых писателей стоят перед недавно установленной мемориальной доской голубоватого мрамора и тихо переговариваются между собой; а на доске золотом горят имена и фамилии писателей, павших на полях Великой Отечественной. Спустившись по лестнице со второго этажа, Сабит-ага невольно подошел к ним. Молодые писатели почтительно поздоровались с аксакалом, расступились. Ответив на приветствия, приставил правую ладонь ребром ко лбу и стал пристально вглядываться в мраморную доску, прибитую к стене. Видно было, как безмолвно шевелятся его губы — это он читал про себя знакомые имена. Обычно не упускавший случая пошутить, сказать что-нибудь забавное при такой аудитории, Сабит-ага на этот раз был серьезен, задумчив, видимо, отдавая дань памяти погибшим собратям

по перу. Постояв так несколько минут, он молча повернулся и направился к выходу. Когда он подошел к двери, на ум пришла странная мысль, но он тут же отмахнулся от нее. Однако когда он пришел домой и прилег отдохнуть на диван, мысль эта стала все назойливее преследовать его. И рука его невольно потянулась к трубке телефона, стоявшего на низкой тумбочке подле дивана.

— Алло! Ай, доченька, соедини меня с Абдиллой. — Тот, кого Сабит-ага назвал Абдиллой, был поэт Абдулла Таджибаев, один из тогдашних секретарей Союза. — Ай, Абдилла, это я... вот какое дело...

Разговаривали они довольно долго. Сабит-ага выразил удовлетворение по поводу установления мемориальной доски, сказав, что это в высшей степени благое дело, и стал расспрашивать, где ее заказывали и какой мастер высекал на ней имена и фамилии павших писателей и, наконец, спросил, как найти его, ибо он ему срочно понадобился. На что собеседник его на другом конце провода, видимо, крепко пошутил, и Сабит-ага весь затрясся от веселого смеха.

— Э, брось, мне еще рановато об этом думать, я потом обо всем тебе расскажу, — сказал он, насилу уняв смех. Вероятно, Таджибаев сказал еще что-то, и Сабит-ага, выслушав его, закончил разговор: — Ладно. Так ты пришли ко мне завтра того парня. Завтра как раз воскресенье, мастер, должно быть, будет дома... Пускай он отвезет меня к нему!..

На следующий день машина Сабита-ага остановилась перед низеньким симпатичным финским домиком в районе «Зеленого базара». Парень, которого прислал Таджибаев, оказался расторопным малым, он быстро вышел из машины и без стука вошел во двор. Сабит-ага тоже вышел из машины и стал оглядываться кругом.

Тем временем парень вышел из ворот, а за ним — какой-то русский мужчина. Это был пожилой, немного сутулый мужчина, с сеточкой морщин вокруг глаз, с пожелтевшими кончиками пальцев и ногтями на правой руке, видимо, от чрезмерного курения. Одет он был неприметно. Увидев его, Сабит-ага двинулся ему навстречу. «Ежели он таков с виду, так каков же будет в работе?» — невольно подумал он.

— Издрасти... — сухо поздоровался Сабит-ага с мастером по-русски.

— Здравствуйте.

— Как велишать вас?

— Егор Самойлович...

— По-казахски, стало быть, Жагар Самойловиш... — рассмеялся Сабит-ага.

— Сулай, аксакал¹, — ответил по-казахски Егор Самойлович.

— Ой, как хорошо, что ты знаешь казахский язык, Егор! Послушай, знашит так...

Сабит-ага рассказал мастеру о том, что нужно будет съездить в горы и высечь на одном валуне небольшую надпись. А мастер, словно разговор этот его совершенно не касался, с отсутствующим видом потягивал «Беломор». Закончив, Сабит-ага спросил у него:

— Ну как, по рукам?

— И-дет, — отчего-то в растяжку проговорил мастер. — Сто рублей...

— Это за несколько слов? — рассердился Сабит-ага из-за того, что с самого начала приходится торговаться. — Бери семьдесят пять...

Мастер молча повернулся и направился в дом. «Что это, знак согласия или семьдесят пять рублей его не устраивают?» — недоумевал Сабит-ага. Но вскоре мастер появился снова, в руке у него была залоснившаяся от долгого употребления, выцветшая брезентовая сумка.

Отпустив посредника, они сели в машину. Так как был выходной день, за рулем сидел старший сын Сабита-ага — Арслан. Сабит-ага сел с ним рядом, опираясь на палку, а мастер уселся на заднее сидение. Когда машина по узким улочкам выехала на шоссе, ведущее в горы, Сабит-ага заговорил с мастером. Оказалось, что Егор Самойлович был местным уроженцем, до войны учился в политехническом техникуме. Затем была война. Сражался он под Москвой, в легендарной дивизии генерала Панфилова.

Машина въехала на вершину прекрасного Медева и остановилась возле kloкочущего сая. Они вышли из машины, и Сабит-ага жестом указал мастеру на огромный валун, высившийся посреди стремительного потока. Видимо, это чудо природы восхитило и мастера. Он подошел к нему, медленно обошел его кругом, внимательно разглядывая, и невольно воскликнул: «Вот это да!»

— Вот здесь... — сказал Сабит-ага, указывая палкой на обращенную к востоку сторону валуна, освещенную солнцем.

¹ Так точно, аксакал (казахск.).

Прикинув на глаз то место, на которое указывал Сабит-ага, мастер сказал:

— Лестница нужна, аксакал.

Арслан кивнул головой, сел за руль и помчался вниз. Вскоре он привез откуда-то складную лестницу. Сай возле валуна был очень мелкий, и сквозь прозрачную воду отчетливо были видны разноцветные камушки на дне. Приладив как следует лестницу, мастер снова пристально уставился на валун, затянулся несколько раз подряд папироской и выбросил окурочек.

— Где текст, аксакал?

Сабит-ага протянул ему листок бумаги с машинописным текстом:

«БУЛ ЖУМИР ТАСТИ БАУРИМ МУСА АЙБЕККЕ
СИЙГА ТАРТАМ.

Сабит МУК'АН улы.

3.VI.1962 жыл».¹

Мастер пробежал текст глазами, и на его пожелтевшем морщинистом лице как будто промелькнуло что-то, руки едва заметно задрожали. И хотя он только что выбросил окурочек, рука его снова полезла в карман за папиросой. И поглядывая то на текст, то на камень, он принялся курить мелкими затяжками. Затем сказав: «Хорошо!», взял в руку какой-то толстенный карандаш и полез на лестницу.

Взглянув на Сабита-ага, мастер принялся чертить карандашом буквы, которые ему предстояло высечь. Он довольно быстро управился с этой работой. Затем, спустившись с лестницы, он долго, с расстояния, рассматривал надпись. Теперь в действиях его уже не было прежнего безразличия. Во всем его облике определенно произошла какая-то еле уловимая перемена. И, видимо, от внутреннего волнения, он снова закурил папироску. И хотя эта его привычка курить одну папиросу за другой изрядно действовала Сабиту-ага на нервы, он все же обрадовался при виде красиво начерченных букв, отчетливо видных в солнечном освещении. Накурившись, мастер спросил, жестом указывая на камень:

— Это кто?

— Это — валун... — пошутил Сабит-ага.

— Ха-ха... — рассмеялся и Егор Самойлович. — Я про Айбека спрашиваю.

¹ «Этот валун я дарю моему дорогому Мусе Айбеку.

Сабит Мукап улы.
3.VI.1962 года».

— Друг мой близкий... Узбекский писатель. — И Сабит-ага стал рассказывать мастеру о домле Айбеке, о том, что он прошлым маем приезжал в Алма-Ату на декаду литературы и искусства Узбекистана, и о том, как они вместе приезжали сюда, и как домла Айбек первым заметил это чудо природы, а он, Сабит-ага, подарил его ему. Он также рассказал о том, какой замечательный писатель Айбек, какие книги написаны им и о том, что за роман «Навон» он был удостоен Государственной премии... А Егор Самойлович, по своему обыкновению, слушал Сабита-ага с каким-то отсутствующим видом, но про себя вспоминал сейчас, как был ранен под Москвой, как попал в госпиталь и как там, по счастливой случайности, в руки ему попал роман Айбека «Священная кровь», и как тогда еще в душе его зародилась любовь к этому писателю... Вспомнив обо всем этом, он достал из сумки инструмент и снова полез на лестницу.

Сославшись на срочные дела, Сабит-ага попросил у мастера разрешения отлучиться на некоторое время и сел в машину.

...Сабит-ага вернулся часа в четыре пополудни. Мастер только что закончил работу и, вытерев пот с лица полой халата, стоял, рассматривая с небольшого расстояния высеченную им надпись. Увидев Сабита-ага, он устало присел на лежавший поблизости камень и по привычке закурил папироску. Сабит-ага вылез из машины и направился прямо к валуну. Арслан привез бутылку «Московской», два граненых стакана и зеленую кастрюльку с закуской. Поставив все это на ровное место, он подошел к отцу и тоже стал разглядывать надпись на валуне. По выражению лица Сабита-ага было видно, что он очень доволен работой мастера.

Арслан расстелил газету и стал выкладывать на нее закуску. Сабит-ага с Егором Самойловичем подошли к импровизированному дастархану и уселись на камни.

— А ну, наливай, Арслан! — велел сыну Сабит-ага.

Арслан наполнил стаканы. В то время Сабит-ага ничего не пил, кроме кумыса, но, видимо, работа мастера очень пришлась ему по душе и по такому случаю он решил выпить немножко. Взяв один стакан, он сказал:

— Давай, Егор, бери!

Они выпили, закусили. Сабит-ага достал из кармана четыре двадцатипятирублевки, бросил их перед мастером и сказал:

— Сговорились за семьдесят пять, да уж ладно, поработал ты от души, пускай будет по-твоему!

Мастер как-то странно посмотрел на Сабита-ага и отодвинул от себя лежавшие на газете деньги.

— Не возьму! — сказал он.

— Э, это почему же не возьмешь?! — опешил Сабит-ага.

— Пусть это будет подарок и от меня... Писатель ведь.

Сабит-ага оказался в странном положении.

— А ты, дружище, оказывается, тоже чокнутый, вроде меня... — засмеялся он.

Егор Самойлович очень верно понял это его «чокнутый» и ничуть не обиделся.

Они сели в машину. Вопреки обыкновению, Сабит-ага уселся на заднее сидение, рядом с Егором Самойловичем. И то ли оттого, что задуманное дело так успешно завершилось, то ли оттого, что его приятно тронула щедрость мастера по отношению к его другу, а может, от выпитого, щеки у него зарумянились, глазки еще более сузились, и, опершись правой рукой на палку, а левую руку положив на плечо мастеру, он напевал вполголоса что-то душевное. Они вернулись в город, когда на землю уже опустились сумерки.

«Раз узбек, иди сюда»

В 1965 году я снова приехал в Алма-Ату в связи с выходом там моей книги. Посчитав для себя за грех быть в Алма-Ате и не повидаться с Сабитом Мукановым, я позвонил ему домой, но мне сказали, что он сейчас находится за городом, на даче Союза писателей. И я отправился туда на машине. Я бывал уже однажды на этой даче, но тогда на дворе стояла поздняя осень, листья с деревьев облетели, было уже довольно холодно и отдыхающих почти не было. А сейчас был июнь, посреди буйной зелени сада белело красивое здание главного корпуса, перед которым были разбиты великолепные цветники... Остальные коттеджи были скрыты от глаз деревьями. Над журчащим арыком стояла деревянная сура, на которой отдыхали писатели. У них я спросил, как найти Сабита-ага. Когда я уже подходил к коттеджу, то услышал вдруг знакомый хрипловатый голос:

— Эй, казах, прочь отсюда!

Я на секунду опешил, но тут же, взяв себя в руки, ответил:

— А я не казах, узбек!

— Ну, раз узбек, иди сюда!

Сабит-ага сидел за рабочим столом на веранде. И мы неожиданно заговорили в унисон. Расспросив о здоровье и делах своих ташкентских друзей, Сабит-ага попросил извинения за то, как встретил меня поначалу, и объяснил почему. Дело в том, что он работал тогда над второй книгой трилогии о выдающемся казахском ученом, этнографе Чокане Валиханове, а иные писатели, приезжавшие на дачу отдохнуть, развлечься, приходили к аксакалу поболтать, чем отвлекали его от работы. Поэтому он велел жене Марьям-апе никого не допускать к нему до двух часов и принимал посетителей только после обеда. Поговорив еще немного, я попросил разрешения уйти, чтобы не отнимать его драгоценного времени.

— Нет, нет, ты не уходи, — сказал он, взглянув на часы. — Я тут еще немного поработаю, а ты пока поди посиди с Марьям-апой, побеседуйте. А в два часа пообедаем и махнем в горы.

— Согласен, — обрадовался я.

...Пообедав, мы поехали в горы. Вид у Сабита-ага было немного утомленный, он сидел на переднем сидении, опираясь на свою неизменную палку, напевая что-то себе под нос. Время от времени, прервав пение, он спрашивал меня: «Как там Муса, здоров? А как дела у Гафура?» — и снова принимался мурлыкать, а через некоторое время опять спрашивал о ком-нибудь из узбекских писателей.

Машина остановилась на берегу извивающегося змеёй сая, с обеих сторон сдавленного скалами.

— Поезжай обратно, сынок, — сказал Сабит-ага шоферу.

Машина уехала, а я удивился, как же мы теперь спустимся вниз. Сабит-ага, видимо, заметил мое беспокойство и, улыбаясь, уставился на меня своими глазками-щелочками. Он сказал мне, что каждый день, после обеда, приезжает сюда на машине, отпускает ее, а сам возвращается пешком. Получается отличная зарядка.

— А теперь пошли... — и он, переступая с камня на камень, направился к берегу клокочущего сая. Я после-

довал за ним. Подойдя к краю сая, он поднял палку, словно указку:

— Вон, гляди, это о нем я тебе рассказывал.

Я взглянул туда, куда указывал Сабит-ага, и увидел возвышающийся посреди стремительно несущегося потока огромный, величиной с небольшую юрту, белый круглый валун: казалось, что он специально изготовлен рукой какого-то искусного мастера.

Я опустил к камню и долго рассматривал надпись, высеченную на нем. И я подумал, какая все же великая сила — дружба! И как часто все начинается с личной дружбы. Но эта вот, вызывающая чувство восхищения дружба двух аксакалов давно уже переросла границы дружбы личной и превратилась в символ великой дружбы наших литератур, наших братских народов. И я ощутил чувство гордости от этой мысли и невольно перед глазами моими встал домла Айбек... Маленький уютный дворик, окруженный одноэтажными домами; у порога дома в кресле сидит домла Айбек, забавляя внука; на нем светло-серая рубашка, не заправленная в брюки, старенькая тюбетейка нахлобучена на непокорную шевелюру. Таким я видел домлу в последний раз, когда приходил к нему по делу...

...Мы медленно двинулись в обратный путь. И хотя я молчал, Сабит-ага, конечно же, заметил, как я обрадовался, когда увидел этот чудо-камень и надпись на нем и от волнения даже забыл поблагодарить его за то, что он привез меня сюда, и поэтому, мне кажется, он не стал спрашивать меня о моих впечатлениях.

— Зайди к Мусе и скажи ему, пусть забирает свой камень, — сказал Сабит-ага, взглянув на меня с лукавой улыбкой.

Я невольно улыбнулся в ответ:

— Непременно зайду и скажу...

Сожаление

Вернувшись из Алма-Аты, я довольно долгое время не мог увидеться с домлой Айбеком. Он жил тогда на даче и в городе бывал очень редко. И вот когда в Союзе писателей Узбекистана проходил семинар молодых писателей, на котором они должны были встретиться с домлой Айбеком, Абдуллой Каххаром и другими аксака-

лами, случилось так, что именно мне поручили привезти домлу Айбека с дачи. Я сел в машину и отправился к нему. То ли услышав шум подъехавшей машины, то ли по иной какой причине, но домла Айбек сам вышел на улицу. Он был в белой рубашке, в зеленых в полоску пижамных штанах, в шлепанцах на босу ногу, волосы у него были взъерошены, и, видимо, от напряженной работы в глазах сквозила усталость. Поздоровавшись, я рассказал ему о поручении руководства Союза. Домла с готовностью согласился. Улучив момент, я сказал ему, что был недавно в Алма-Ате и передал ему приветы от друзей. При этом глаза у домлы расширились, лицо прояснилось.

— Вот как, ездил, значит?

— Ездил, домла, — сказал я. — Сабит-ага еще просил передать вам... чтобы вы забрали тот камень, который он подарил вам.

Домла, вероятно, тут же мысленно представил себе огромный круглый валун и так захохотал, что щеки у него покраснелись.

— Да-а, камень, камень...

Он так заразительно хохотал, что мне показалось, будто в этом одном слове, которое вылетело из его рта, словно из жерла рокочущего вулкана, отчетливо чувствовалась его любовь к другу, и то, что, вновь оглядывая мысленным взором и чудо-камень, виденный им три года тому назад, и волшебную красоту Медева, очаровавшую его, он по достоинству оценил тонкий, благодушный юмор друга: «Пускай забирает свой камень!»

* * *

...Услышав о том, что позже тот сай на Медеве взорвали с двух сторон, чтобы отвести от Алма-Аты угрозу селя, и завалили так любимый домлой Айбеком огромный валун, я очень огорчился. И до сих пор меня мучает сожаление оттого, что я, который и шагу не делаю без фотоаппарата, в тот раз ездил в Алма-Ату без него и не запечатлел тот удивительный камень, который из простой милой шутки превратился в символ замечательной дружбы этих двух великих людей, двух выдающихся писателей.

СОДЕРЖАНИЕ

Повести

Саратан. Перевод А. Зырина	3
Домбра старого Суюма. Перевод С. Волгина	89
В родном Каркарали. Перевод С. Волгина	194
* Миновал день, да не сгинул. Перевод М. Мирзамухамедова	280

Рассказы

Подарок. Перевод А. Атакузиева	372
Дед Хаджи. Перевод А. Зырина	345
* Найчи. Перевод А. Зырина	354
Морщинка. Перевод Г. Седова	368
Гиря. Перевод А. Атакузиева	378
* Друзья. Перевод А. Атакузиева	385

Литературно-художественное издание

НАСЫР ФАЗЫЛОВ

ЗНОЙ

Повести и рассказы

Перевод с узбекского

Рецензент — Г. И. Марьяновский

Редактор Л. КАЗАКОВА

Художник В. АПУХТИН

Художественный редактор А. КИВА

Технический редактор М. МИРРАДЖАБОВ

Корректор Л. КУМЕХОВА

ИБ № 4231

Сдано в набор 29.07.88. Подписано в печать 03.02.89. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл.
печ. л. 21,00. Усл. кр.-оттисков 21,42. Уч.-изд. л. 23,8. Тираж 60 000 экз.
Зак № 85. Цена 1 р. 50 к. Договор № 135—88.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129, Ташкент,
ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицировано в типографии изд-ва «Таврида» Крымского
обкома КП Украины, 333700, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.

ГП ТППО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли, 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.